ДБ
23
В38
Веселовский
„К вопросу о происхождении волшебного рассказа"

9(47)
В38

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

DБ
23
В38

Проф. С. Б. ВЕСЕЛОВСКИЙ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВОТЧИННОГО РЕЖИМА

99 (1)
35

РАНИИ

352/5

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ДБ
23
В38

9(47)
В38

Проф. С. Б. ВЕСЕЛОВСКИЙ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВОТЧИННОГО РЕЖИМА

47510 к
ПОГАШЕНО

942(1)
33

Проверено 1937 г.

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИНСТИТУТОВ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
МОСКВА 1926

352/5

КУТВ
Фунд. б-ка
им. Сталина
ПОГАШЕНО

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
Б18931

ТИПОГРАФИЯ
РАБОЧЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
„ПРИБОЙ"
ИМЕНИ
ЕВГ. СОКОЛОВОЙ
ПР. КРАСН. КОМАНДИРОВ 29
ЛЕНИНГРАД.

Ленинградский Гублит № 11991 Тираж 2.080—8 л. Зак. № 217

I.

Литература вопроса. К. А. Неволин, В. И. Сергеевич, П. Н. Милюков и Павлов-Сильванский.

В большой сравнительно литературе по истории крепостной зависимости крестьян вотчинному суду и полиции было уделено, несомненно, слишком мало внимания. Главное внимание историков было обращено на правительственные меры и на экономические и социальные условия, которые лишили крестьян права и возможности переходов. Неудивительно, поэтому, что судебные и полицейские права помещиков по отношению к своим крепостным казались многим историкам явлением поздним, притом не столько юридическим, сколько бытовым, казались результатом злоупотребления помещиков своею властью, сложившимся на почве крепостной зависимости. Явление, на несколько столетий предшествовавшее лишению крестьян права переходов и оказавшее очень большое влияние на развитие крепостной зависимости, представлялось как бы побочным следствием. История крестьянства в различных государствах Западной Европы показывает, что меры правительственного прикрепления могли или совсем отсутствовать или играть очень небольшую роль и, тем не менее, крепостная зависимость возникала, развивалась и существовала много столетий. Поэтому мне казалось очень важным и настоятельно необходимым исследовать тот строй отношений, который принято называть сеньериальным или вотчинным режимом, так как именно этот строй отношений и в Западной Европе и в Русской истории образует основу, на которой развивались крепостные отношения.

Два историка—Неволин и Сергеевич—обратили внимание на вотчинный суд и высказали по этому вопросу несколько ценных мыслей, но современная им и последующая историография не использовала их почина и не продолжала

исследования. Ограничусь одним примером, который можно считать очень показательным. Такой осведомленный в литературе и начитанный в источниках историк, как П. Н. Милюков, проводя противоположение между западно-европейским землевладельцем и служилым вотчинником удельной Руси, писал: „В своей вотчине он никогда не был тем государем, судьей и правителем, каким был западный барон в своей баронии; чиновники местного князя, его судьи, сборщики податей всегда беспрепятственно проникали в пределы владений русского вотчинника“ [1]. Н. П. Павлов-Сильванский, писавший несколько позже, вернулся к взглядам Неволина и Сергеевича, прибавил к ним несколько новых черт, но в общем не пошел дальше своих предшественников, а вопрос о судьбах вотчинного суда в XVI веке и позже остался вне поля его исследования. Между тем, главный интерес вопроса заключается именно в переходном, от уделов к Московскому государству, времени.

Неволин, по вопросу о происхождении судебной и административной независимости вотчин от княжеских чиновников, высказал предположение, что такой порядок „в древнейшее время существовал сам собою и по общему праву“. „С утверждавшеюся и распространявшеюся княжеской властью такой порядок не мог быть совместен. Но он не мог быть вдруг уничтожен. Переход к уничтожению его составляют несудимые грамоты. То, что прежде принадлежало вотчиннику в силу вотчинного права, то было теперь знатнейшим вотчинникам обеспечиваемо жалованными грамотами, как особенное преимущество“. Далее Неволин отметил, что в первую половину царствования Ивана IV выдача несудимых грамот служилым людям прекращается; в истории вотчинного суда происходит перерыв на неопределенное время, а позже „хотя владельцы населенных имений были естественными судьями своих крепостных в их делах между собою, но право суда в этом случае было совершенно отлично от принадлежавшего прежде вотчинникам права судить людей свободных, живших на вотчинных землях“ [2]. Как и когда возникло это новое право, и чем оно отличалось от старого, Неволин не объясняет. Можно только догадываться, что он связывал происхождение этого „отличного“ права с утверждением крестьянской крепости.

Сергеевич иначе оценивал роль жалованных грамот и не рискнул высказывать предположений относительно происхождения права вотчинного суда. „Возникновение указанных преимуществ и льгот относится, конечно,

к самой отдаленной древности. Но, по памятникам, существование этих привилегий можно проследить не далее первой половины XIV века". Из этих слов можно заключить, что Сергеевич видел источник этих прав не в том „порядке вещей, который в древнейшее время существовал сам собою и по общему праву", а в жалованных грамотах князей. Однако, говорит он, „надо думать, что такие пожалования составляли общее правило, а не исключение. Думаем так потому, что в числе пожалованных встречаются Ивашки и Федьки. Можно ли допустить, что большие люди, имена которых писались с „вичем", имели менее прав и привилегий, чем эти Ивашки, жалованные грамоты которых случайно сохранились до наших дней?".. „Вотчинный суд существует еще в полной силе в середине XVI века: он оставил ясный след свой в Судебнике царя Ивана Васильевича. В ст. 64 читаем"... „Таким образом, сельское население, еще задолго до прикрепления крестьян к земле, находилось уже под вотчинным судом владельцев. А так как государевы наместники не въезжают в привилегированные вотчины ни по каким делам, кроме душегубства, разбоя и татьбы с поличными, то владельцам принадлежал не один суд, а управление вообще". Далее, Сергеевич, следуя за Неволиным, поставил вопрос: „когда это право вотчинного суда и управления было уничтожено?", но, не отвечая на него, писал: „Можно думать, что с прикреплением крестьян оно вошло в состав крепостного права, некоторые черты которого имеют, таким образом, более глубокие корни, чем указы, сперва ограничивающие, а потом и вовсе отменяющие вольный переход крестьян" [3]. Когда и как это право вошло в состав крепостного права, об этом Сергеевич не говорит ни здесь, ни в другой части своих „Древностей", где излагает свои взгляды на прикрепление крестьян.

После Сергеевича судебными и податными привилегиями служилого землевладения занимался Павлов-Сильванский. Увлеченный идеей доказать существование феодализма в удельной Руси, Павлов-Сильванский по вопросу о судебном иммунитете, как и в других частях своей неоконченной, к сожалению, работы, обращал внимание на внешние, главным образом, а иногда на случайные и не существенные черты сходства русских порядков с западноевропейскими [4]. История этих привилегий и, в частности, вопрос о значении вотчинного суда и полиции в истории крепостной зависимости крестьян остались вне поля его исследования. Он попытался осветить вопрос о возникновении иммунитета, но дальше Неволина не пошел. А при-

веденные им по этому вопросу мнения некоторых западноевропейских ученых свидетельствуют только о том, что и в европейской науке этот вопрос темен и вызывает много споров и что спорные, за недостатком источников, гипотезы не могут помочь нам разобраться в наших явлениях.

Неволин высказал предположение, что судебные и податные привилегии вотчинников существовали с древнейших времен по обычному праву. Павлов-Сильванский принял это предположение Неволина и формулировал его аподиктически: „Я полагаю, вместе с Неволиным, что жалованные грамоты только „подтверждали тот порядок вещей, который в древнейшие времена существовал сам по себе и по общему правилу". Не довольствуясь этим выводом относительно русского иммунитета, Павлов-Сильванский высказал общее положение: „всеобщность и повсеместность" иммунитета (у франков, англо-саксов, южных славян и т. д.) заставляет „допустить, что иммунитет возник независимо от них (т.-е. королевских и княжеских пожалований. С. В.), что он составляет исконное обычное право крупных землевладельцев. Иммунитетные дипломы только закрепляли обычное право" [5].

Мне кажется, что эта общая фраза скользит по поверхности вопроса и, в сущности, ровно ничего не говорит. Если иммунитет в древнейшее время был обычным правом, то опять-таки остается вопрос, как и почему сложился такой обычай. Далее, мы знаем, что все народы переживали в своей истории стадию господства обычного права, которое с течением времени вытеснялось правотворческой деятельностью, так наз., законодательной власти. Далеко не всегда последняя закрепляла обычное право: иногда она с ним боролась, иногда предоставляла в тех или иных областях и в той или иной форме существовать рядом с нормами закона и привилегий, а чаще брала обычное право, как основу, и вносила в него изменения. Если предположить, что иммунитет существовал по обычному праву, то весь интерес вопроса заключается в том, как отнеслась к этому княжеская власть, как, в чем и почему изменила, и каковы были судьбы этого измененного княжеской властью права в дальнейшем, когда оно получило, вместо санкции обычая, санкцию государственной власти. В последнем вопросе мы видим у Неволина и у Павлова-Сильванского неясности и невязку в отдельных положениях.

Если князья закрепляли жалованными грамотами обычные права за отдельными землевладельцами, то сле-

дует допустить, что для всех прочих они их отвергали прямо или косвенно и, во всяком случае, оставляли их без санкции. Какова же после этого была судьба этих прав, лишенных санкции не только княжеской власти, но и обычая, который мог быть постоянно нарушаем самим князем или агентами его власти? Неволин говорит, что привилегии вотчинников были несовместимы с растущей княжеской властью и, чтобы смягчить „переход“ к новым порядкам, князья стали давать жалованные грамоты только некоторым лицам. Стало быть, для всех непожалованных эти права были отвергнуты. Какое же это смягчение перехода, который должен был начаться с общей меры — с отрицания предполагаемого обычного права? Правдоподобна ли такая общая мера на Руси, раздробленной на самостоятельные княжества? Она предполагает такую силу единой власти и такое однообразие социальных и экономических условий жизни, каких не было даже в XVI веке. Быть может, несомненный факт сужения с течением времени судебных и податных привилегий навел Неволина на его предположение, но ему остался неизвестным другой, столь же несомненный факт, а именно то, что судебные привилегии, подвергаясь с течением времени ограничениям в объеме, распространялись на все большее количество лиц и в середине XVI века, как раз, когда Неволин предполагал их уничтожение, стали общим правом.

Неволин говорил о служилом землевладении, главным образом, вотчинном. Это—не дает места для недоразумений. Павлов-Сильванский употребляет термин „крупное землевладение“, т.-е. такое неопределенное выражение, которое ничего не говорит или, по крайней мере, не должно ничего говорить историку, обсуждающему правовые явления. В дальнейшем изложении он впадает в противоречие. Ему очень понравилась мысль Сергеевича об Ивашках и Федьках, получавших жалованные грамоты, едва ли будучи крупными землевладельцами, а по поводу сборника актов А. Юшкова он говорит, что „светские иммунитеты в удельной Руси были распространены отнюдь не менее, чем церковные“ [6]. При чем же тогда крупные привилегированные землевладельцы, если пожалования составляли „общее правило, а не исключение“, и если среди иммунистов были разные Ивашки и Федьки? Концы не сходятся с концами, и в вопросе о распространенности иммунитета Павлов-Сильванский так же не пошел дальше Сергеевича, как в вопросе о происхождении иммунитета не пошел дальше Неволина.

Краткий обзор литературы вопроса показывает, что исследование русского иммунитета едва начато. В настоящем опыте я постараюсь наметить и осветить основные вопросы истории иммунитета. Исходной мыслью для меня будет та простая мысль, что происхождение и развитие таких сложных, многовековых институтов, как судебный и податной иммунитет, не могут быть сведены к одной причине и формулированы в двух словах. Иммунитет слагался из многих элементов, развивавшихся, в общем, один в связи с другим, но зависевших от различных факторов. Теоретически мы можем свести иммунитет к нескольким основным положениям, но в жизни, в зависимости от целого ряда условий, эти основные положения встречались в различных сочетаниях и осложнялись элементами второстепенными. Князья, жалуя иммунитет, преследовали в различных случаях различные цели и соответственно с этим комбинировали различно элементы иммунитета, усиливая одни и отбрасывая другие. Естественно поэтому, что иммунитет служилых землевладельцев, иммунитет монастырей и духовенства, наконец, иммунитет тяглых людей, и в своем происхождении, и в дальнейшем развитии имеют большие или меньшие особенности. Все это предстоит исследовать, прежде чем давать общие характеристики и сравнивать русский иммунитет с иммунитетом западно-европейских народов.

Темой настоящего опыта будет иммунитет служилого землевладения, а других видов иммунитета я буду касаться только в той мере, в какой это необходимо для всестороннего освещения моей темы.

II.

Предпосылки судебного иммунитета в общем праве. Положение рабов. Закупы Русской Правды.

Рассмотрим сначала те предпосылки судебного иммунитета, которые можно назвать личными, т.-е. такими, которые вытекали из личных отношений господина к рабам и зависимым людям, независимо от того, был ли он землевладельцем, или нет. Эти предпосылки, несомненно, имели большое значение, так как в древнейшее время хозяйственная жизнь и, в частности, хозяйство землевладельцев были основаны в значительной мере на труде рабов и зависимых людей.

Первую категорию лиц, неподсудных княжескому суду по общему праву, а не по жалованным грамотам князей, составляли рабы. Полный холоп Русской Правды был не субъектом, а объектом права. Между ним и всеми посторонними лицами всегда стоит власть господина. Господин ищет и отвечает на суде за своих рабов. На нем лежит неограниченная ответственность за действия и преступления раба. Если он отказывался нести ответственность, то должен был выдать раба головой потерпевшему. Раб может выступать на суде в качестве стороны, но не самостоятельно, а только как доверенный, по полномочию своего господина. Даже в качестве послуха он может выступать только в исключительных случаях. Русская Правда допускает послушество раба „по нужи", и то не всякого раба, а только боярского тиуна [7]. Раб не имеет никакой судебной защиты от власти господина, и между ним и господином нет судьи.

Нет никаких оснований говорить, что после Русской Правды положение рабов было другое. Наоборот, все немногочисленные указания источников по этому вопросу говорят за то, что если с течением времени юридическое и фактическое положение рабов изменялось, то это происходило очень медлепно.

В нескольких договорах начала XIV в. Великого Новгорода с Тверским великим князем мы видим, что холопы были неподсудны княжеским судьям. Несомненно, что это была новгородская старина, которую новгородцы ограждали договорами от возможных нарушений со стороны князей и их наместников. В трех договорах сказано: „ни холопа, ни рабы безъ господаря твоимъ судіямъ не судити". В четвертом договоре, около 1307 г., к холопам присоединены и половники: „А холопа и половника не судити твоимъ судіямъ безъ господаря; судити князю въ Новѣгородѣ,—тако пошло. И купцины въ силу не судити въ волости" [8]. Выражение: не судить без господаря, значит, что княжеские наместники и волостели не имеют права судить раба и половника в волостях, на месте, без согласия, а тем более без ведома господина. Если кому будет дело до раба или половника, то судья должен уведомить господина, который может, если пожелает, отвечать на месте. Но „въ силу", т.-е. против желания, судьи не имеют права заставить отвечать не только боярина, но и купчину, так как и тот и другой подсудны только князю, в Новгороде, а не на местах, в волостях.

Процесс ограничения власти господ над рабами протекал, быть может, в некоторой связи с процессом ограничения несудимости рабов, но их не следует смешивать:

первый касался взаимных отношений господина и рабов, а второй протекал в сфере отношений рабов к посторонним лицам.

Двинская уставная грамота дает основание предполагать, что к концу XIV века, господское право жизни и смерти подверглось некоторым ограничениям. В грамоте сказано, что, если господин „огрѣшится“ и убьетъ своего раба, „въ томъ намѣстници не судятъ, ни вины не емлютъ“. Огрешиться — значит сделать что-либо по ошибке, сгоряча, неумышленно. Отсюда можно заключить, что явно умышленное убийство раба уже не было несомненным правом господина. Во всяком, в прочем, случае, это и другие возможные ограничения власти господ были явлением поздним и приняли сколько-нибудь определенную форму только тогда, когда судебный иммунитет землевладельцев в основных чертах уже сложился.

Гораздо важнее вопрос ограничения несудимости рабов в преступлениях относительно посторонних лиц. По жалованным грамотам XV века можно проследить, как неподсудность населения боярщин княжеским судьям подвергается ограничениям — сначала в делах о душегубстве, а затем в разбое и татьбе с поличным. При этом грамоты выражаются различно: одни говорят о „людяхъ“ вообще, другие—о „людяхъ и сиротахъ“, третьи—о „людяхъ и крестьянахъ“, но ни в одной грамоте мы не встречаем никаких указаний на то, чтобы холопы исключались из числа „людей“ боярщины. Поэтому я думаю, что развившиеся с течением времени ограничения несудимости распространялись и на рабов, которые стали, таким образом, подсудными в указанных делах княжеским судьям, даже в тех случаях, когда преступление было совершено между людьми боярщины.

Что касается ограничений несудимости вообще, то они, несомненно, были результатом развивавшегося сознания, что известные преступления являются общественным злом, а не только убытком для потерпевших. Относительно же рабов и их ответственности можно предположить действие еще и другого фактора. Отказ господина нести ответственность за тяжелые преступления раба влек за собой выдачу раба судьям. Так как отказ от ответственности в подобных случаях часто был в интересах самих господ, то на почве права господ отказываться по усмотрению от ответственности могла выработаться, путем практики, их обязанность выдавать раба в известных, наиболее тяжелых преступлениях. Так, по крайней мере, выработалась ответственность рабов в германском праве.

С древнейших времен на землях князей, монастырей, церквей и частных лиц сидело большое количество зависимых, полусвободных людей. В Русской Правде один род таких зависимых людей называется закупами, а в позднейших источниках они являются перед нами то под общим именем закладников, то в виде половников или изделных серебреников, то в виде кабальных холопов. Формы и характер зависимости с течением времени, конечно, изменялись, но к сожалению наши сведения по этому вопросу скудны и отрывочны. Обходя спорные вопросы, как не имеющие прямого отношения к моей теме, я постараюсь выяснить положение этих зависимых людей в области суда.

Закупничество Русской Правды выступает перед нами в достаточно определенных чертах. Будем ли мы считать закупа наймитом, получающим заработную плату вперед, как полагает В. И. Сергеевич [9], или должником, который впредь до уплаты долга терял свободу и должен был работать на заимодавца, как полагает большинство ученых, положение закупа в области суда не вызывает сомнений. Закуп — свободный человек, но он должник, и потому его свобода ограничена в интересах заимодавца. Погашался ли его долг, хотя бы отчасти, работой, или он должен был работать за рост, а истину, т.-е. занятый капитал, должен был вернуть целиком, получал ли он от господина иногда сверх ссуды еще какое-нибудь вознаграждение или плату, последствия его долговых отношений одни: он обязан жить у господина, во дворе, или на пашне, и за бегство подлежит наказанию — обращается в полного холопа. Русская Правда не указывает срока закупничества, — да их наверно и не было: состояние закупничества продолжалось до тех пор, пока закуп не уплачивал долга и не ликвидировал вообще всех своих обязательств.

Закуп во многих отношениях близок к полному холопу, но он все-таки свободный человек, он обладает такими правами, каких у раба не было, и потому неточно называть закупничество временным рабством. Не следует, прежде всего, упускать из вида, что закупничество вовсе не было единственной формой кредита. Русской Правде известен кредит торговый, который не сопровождался для должника временными ограничениями свободы. Закупничество — это кредит в особой сфере отношений. Господин, давая закупу деньги, имел в виду, прежде всего, не рост, не получение прибыли на свой капитал, а рабочие руки, в которых он нуждался для дома и сельского хозяйства. Ролейный, т.-е. пашенный закуп получал от господина скот и сельскохо-

зяйственные орудия и работал на пашне господина. Одновременно он мог „орудія своя дѣять“, т.-е. заниматься своим делом; у него мог быть свой скот и другое движимое имущество. Очень вероятно, что он получал участок земли для обработки в свою пользу. Поэтому можно сказать, что кредит в форме закупничества, был кредитом для неимущих работных людей, которые кредитовались для того, чтобы получить средства трудиться и существовать. И можно думать, что земледелие и связанные с ним промыслы были главной сферой применения кредита в этой форме. В жизни были какие то условия, по которым договор найма в чистой форме оказывался неудобным, и в интересах работодателей и заимодавцев право выработало особую форму договора, при котором долг и исполнение работ обеспечивались ограничениями свободы должника-работника.

Первое и главное ограничение было указано выше: закуп должен был жить у господина и за попытку бежать наказывался обращением в рабство. Следующим важнейшим ограничением прав было лишение закупа права искать и отвечать на суде в делах с посторонними лицами. По этому вопросу, как и в других случаях, Русская Правда говорит казуистически, предоставляя нам делать обобщения. В статье о „холопѣ“, где говорится о преступлениях холопа и об ответственности его господина, сказано и о закупе. Если закуп уведет коня, или вола, или украдет какой-нибудь товар, то за него отвечает, как и за раба, его господин. Он платит должное потерпевшему (и вероятно, судебные пошлины) и обращает за это закупа в полного холопа. Если господин „начнеть не хотѣти платити за нь“, то он может „продать“ закупа, т.-е. взять и продать с торгов его имущество, и уплатить потерпевшему, а остальное взять себе за долг. Следующая за этой статья говорит о послушестве рабов и закупов на суде. Она допускает „по нужи“, если не будет свободного человека, послушество дворского тиуна (но не рядового раба), а затем говорит о закупе: „а въ малѣ тяжи по нужѣ сложити на закупа“, т.-е. закуп может быть свидетелем—послухом только по нужде и только в небольших тяжбах. Из этих двух статей видно, что в области суда, поскольку дело касалось посторонних лиц, закуп занимал такое же место, как раб.

Однако, как свободный, он имел в известных случаях право иска прстив своего господина. Так, если он бежал от господина не для того, чтобы скрыться, а к князю или к судьям „обиды дѣля своего господина“, с жалобой, то это было не бегством, за которое грозило холопство, „но дати ему правда“, т.-е. суд. Затем из одного места Русской

Правды, текст которого испорчен и неясен, видно, что господин, нарушивший условия договора, должен был вернуть (по суду) закупу неправильно взятое и заплатить „за обиду“ 60 кун. Наконец, на закупе лежит ответственность за скот и орудия господина, но она обставлена известными условиями; если закуп не признавал себя виноватым в этом отношении, то, конечно, только суд мог решить его спор с господином.

Насколько закупам удавалось, прибегая к суду, отстаивать свои права и интересы, этого мы не знаем, но следует отметить неопределенность границ дисциплинарной власти господ. „Аще ли господинъ бѣетъ закупа про дѣло, то безъ вины есть“, т.-е. он не несет ответственности; если же он будет бить, „несмысля, пiянъ, безъ вины, то яко же свободну платежь, тако же и въ закупѣ“. Эта статья дает основание полагать, что вообще положение закупов было очень тяжелое. Для нашей темы важно указать, что закуп в делах с посторонними был неподсуден княжескому суду—за него выступал господин, и что господин имел над ним большую дисциплинарную власть.

Чем объясняется ограничение прав закупа в области суда? Возможно предположить два мотива. Если бы закуп сохранял принадлежащее ему, как свободному человеку, право выступать на суде, то его личность и имущество могли по суду пойти на удовлетворение истцов, третьих лиц, и таким образом господин лишался бы принадлежащего ему по договору обеспечения. На этой почве возможны были бы и фиктивные иски, по уговору с третьими лицами, чтобы уклониться от исполнения принятых на себя закупом обязательств. Наряду с этим очень вероятно существование и другого мотива: представительство господина на суде давало ему возможность защищать закупа от посторонних лиц, как в своих собственных интересах, так и в интересах закупа.

Закупничество, как и рабство, устанавливало личные отношения, но поскольку господин был одновременно землевладельцем, оно является второй предпосылкой происхождения судебного иммунитета землевладельцев. В ролейных закупах Русской Правды можно видеть вторую категорию людей, которые по общему праву были неподсудны, с возможными ограничениями, которых мы не знаем, княжескому суду. Из этого, а также из дисциплинарной власти господина естественно вытекало то, что в делах закупов между собой судьей становился их господин.

III.

Зависимые люди в эпоху после Русской Правды. Серебреники XIV и XV веков. Закладники удельного времени.

Эволюция закупничества в последующее после Русской Правды время нам неизвестна. Пока не будут найдены новые данные, приходится довольствоваться теми отрывочными, которые есть, и оставаться в области предположений. Мнения ученых относительно исторической преемственности закупничества, издельного серебреничества и служилого холопства сильно расходятся. Одни, как Владимирский-Буданов, видят в них один институт, изменявшийся с течением времени, другие колеблются и дают более или менее неопределенные объяснения, наконец, третьи — прямо отрицают всякую преемственность. Не имея намерения продолжать этот спор, я решаюсь высказать некоторые соображения, относящиеся к истории иммунитета.

Можно считать аксиомой, что такие простые институты гражданского права, отвечающие насущным потребностям жизни, возникают не по указам власти, складываются, формулируются и затем изменяются очень медленно, и если выходят из оборота, то не бесследно, а сменяются другими, подобными же институтами. Так как за недостатком источников всем исследователям приходится делать догадки и высказывать предположения, то предпочтительнее, если приходится, делать такие предположения, которые не противоречат общему характеру эволюции гражданского права. Мне кажется, что следует исходить из предположения, что закупничество не исчезло бесследно, а изменилось и переродилось в другой институт или, может быть, дифференцировалось в несколько институтов.

Эволюция издельного серебреничества и служилого холопства XV—XVII в.в. не имеет собственно значения для происхождения иммунитета, так как последний можно считать сложившимся уже в XIV веке. Поэтому я попытаюсь выяснить основные черты серебреничества только для того, чтобы показать, что и в XV веке существовала форма долговой зависимости, аналогичная закупничеству, и что, следовательно, между закупами Русской Правды и известными нам серебрениками XV века существовали должники, огра-

ниченные в своей свободе и, в частности, в своих судебных правах.

Основные черты зависимости по издельному серебру мы можем выяснить только по актам с середины XV века, но само по себе это явление очень старое. В середине XIII века черница Марина, вдова князя Дмитрия Константиновича, дает Суздальскому Васильевскому монастырю два села „съ серебромъ и зъ животомъ“ [10]. В конце XIV века кн. Олена, вдова вел. кн. Дмитрия Донского, дала в Спасо-Ефимьев монастырь 3 села, „и съ серебромъ и со всѣмъ тѣмъ, что... ни было княжа“ [11]. Тогда же, или в самом начале XV века, кн. Андрей Дмитриевич дает Кириллову монастырю село Великое, „и что въ немъ серебра“ [12]. В середине XV века вдова кн. Ивана Андреевича дает Троицы-Сергиеву монастырю село Прилуцкое в Угличе „съ серебромъ, а серебра въ немъ 60 рублевъ“ [13]. Подобных фактов можно привести много.

Условия кредита могли быть различными. В духовной кн. Андрея Васильевича (около 1481 г.) сказано: „а что въ моихъ селехъ на Вологдѣ и въ Торусѣ на христіанехъ мое серебро издѣльное и ростовое, и мое жито на нихъ заемное и оброчное... и язъ то свое серебро и жито все отдалъ христіаномъ“ [14]. Ростовое серебро — капитал, данный на условии платить рост, т.-е. проценты; издельное серебро—долг на условии работать вместо уплаты процентов. Серебро могло быть дано по кабале и бескабально. Так, в монастырских вотчинах серебро и хлеб давали крестьянам и собирали обратно по записным книгам посельских старцев, а в боярщинах такое же значение имели долговые списки посельских приказчиков. По этому признаку различали серебреников кабальных и бескабальных.

Кн. Андрей простил своим крестьянам все долги. Его брат Юрий „отдалъ“ (по духовной 1472 г.) крестьянам весь заемный хлеб и половину серебра [15]. Вел. кн. Софья отпустила (по духовной 1453 г.) на волю всех „страдниковъ“, рабов, сидевших на пашне, а относительно серебра на людях сделала такое общее распоряжение — половину издельного серебра она завещала своим наследникам и вкладами по монастырям, „а половину издѣльного серебра велѣла есмь христіаномъ серебреникомъ отдавати“. В конце духовной, назначая душеприказчиком своего сына, вел. кн. Василия, она приказывала о серебре „учинити по обыску“,— „кто будетъ отъ тѣхъ издѣльниковъ охудѣлъ, а и половины того издѣльного серебра заплатити не взможетъ, и сынъ мой... тому велитъ отдати за мою душу все издѣльное серебро“. Если же какой серебреник „изможенъ въ животѣ“, то на том

взять все [16]. Отмечу, что в жалованной грамоте вел. кн. Василия, данной Троицы-Сергиеву монастырю во исполнение этой духовной, издельное серебро на людях названо „лѣтнимъ серебромъ“ [17]. Эти факты, не говоря о многих других подобных, которые можно было бы привести, показывают, что издельное серебро, „въ пашнѣ“ [18] или „въ землѣ“ было очень древним и очень распространенным явлением.

У нас есть несколько грамот, которые дают возможность выяснить основные черты серебреничества. В одной грамоте третьей четверти XV века серебреники и половники упоминаются рядом со свободными людьми, без противуположения им, но особо [19]. С другой стороны, духовные грамоты, например, грамота 1453 года вел. кн. Софьи, противополагают серебреников страдникам, т.-е. холопам. Однако положение их было, очевидно, очень тяжелое, и часто они были неоплатными должниками, что можно видеть из установившегося обычая, отпуская на свободу по духовной грамоте рабов, одновременно прощать долги серебреникам. Так, в духовной 1534 года кн. Ногтева сказано: „А что мое люди по кабаламъ серебреники и по полнымъ и по докладнымъ грамотамъ холопи, и тѣ всѣ люди по моей душѣ на слободу, а прикащики мое тѣмъ моимъ людемъ полнымъ и докладнымъ отпускные грамоты подаютъ, а кабальнымъ людемъ кабалы выдадутъ“ [20].

В чем состояли ограничения свободы серебреников? Главное ограничение — такое же, как у закупов: серебреник не может покинуть кредитора, не уплативши долга и не исполнивши условленных работ. Сдельем, изделем, боярским делом называлась не какая-нибудь определенная работа, а вообще все очередные сельско-хозяйственные работы. Ими и был обусловлен долг серебреника. И, очевидно, поэтому в упомянутой выше жалованной грамоте вел. кн. Василия издельное серебро названо „лѣтнимъ серебромъ“. Кабальный холоп, служивший во дворе кредитора, мог, как известно, во всякое время ликвидировать свои долговые отношения и уйти. Имел ли такое же право издельный серебреник, это — большой вопрос. Вся обстановка сельско-хозяйственного труда должна была противоречить праву должника порывать свои обязательства во всякое время. Противоречие не устранялось тем, что серебреник в большинстве случаев не был в состоянии уплатить долга, так как всегда по соседству мог найтись землевладелец, нуждавшийся в рабочих руках, который, помогая серебренику расплатиться, „окупалъ“ его, как выражаются жалованные грамоты, и вывозил к себе. Поэтому можно думать, что

землевладельцы употребляли все возможные средства, чтобы удержать серебреника на время сельско-хозяйственных работ. Одним из средств было исполовье: серебреник-половник волей-неволей должен был исполнить все сезонные работы, так как в противном случае лишался своей доли в урожае. Возможно, что иногда землевладельцы прямо обусловливали серебро исполнением сезонных работ. Намек на это можно видеть в грамоте вел. кн. Василия Троицы-Сергиеву монастырю, в которой издельное серебро названо летним. В общем, для времени до XV века этот вопрос неясен. В XV же веке, как известно, устанавливается для отказов крестьян один срок в году — Юрьев день осенний. Поскольку указы об этом распространялись и на серебреников, они должны были изменить юридическую природу издельного серебреничества, в смысле лишения должника права ликвидировать свои отношения во всякое время года. Человек служивший во дворе кредитора по служилой кабале, имел право (в первой четверти XVI века) во всякое время уплатить долг и рост по расчету и уйти от своего господина. Издельный серебреник, по указам о Юрьеве дне, лишался права ликвидировать свои отношения среди года и мог это сделать только поздней осенью после окончания всех сельско-хозяйственных работ. Поэтому служилое холопство и издельное серебреничество можно рассматривать, как дифференциацию одного института под влиянием хозяйственно-бытовых условий.

Во всяком случае несомненно, что заем издельного серебра, в противуположность займу по ростовой кабале, лишал должника права оставлять кредитора до выплаты долга и исполнения за рост работ. В грамоте 1471 года кн. Андрея Васильевича Кириллову монастырю подтверждается указ его отца относительно Юрьева дня и сказано: „а коли отказываются, тогды и серебро заплатятъ“ [21]. В грамоте вел. кн. Ивана III на Белоозеро сотнику и всем крестьянам, по челобитью того же монастыря, сказано: „и вы бы ихъ серебро заплатили монастырское, да ихъ христианина вывезете вонъ“ [22]. В грамоте третьей четверти XV века кн. Михаила Андреевича на Белоозеро, наместнику и всем без исключения людям, предписывается отказывать всяких людей только на Юрьев день, „да и серебро заплатить. А после Юрьева дни отказа отъ серебреника нѣтъ. А коли серебро заплатитъ, тогда ему и отказъ“ [23]. Из этих грамот видно, что уплата серебра была необходимым условием правильного отказа.

Для уяснения других сторон вопроса важна грамота того же князя середины XV века, по жалобе властей

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ПОГАШЕН

Ферапонтова монастыря [24]. Она нуждается в некоторых пояснениях. Кн. Михаил дал своим крестьянам Волока Словенского жалованную „полѣтную“ грамоту, по которой волость получила право вывозить к себе чужих крестьян без сроков и не считаясь с их задолженностью: „кто деи выидетъ половникъ серебренникъ, ино деи ему платиться въ истое на два года безъ росту“. Т.-е. должник мог нарушить принятое на себя обязательство, уйти и выплачивать свой долг с рассрочкой (в два года), а процентов не платить совсем.

Есть не мало указаний, что подобные милости князей за чужой счет были весьма распространенным явлением. Так, в жалованной грамоте 1530 г. слободе соловаров Моревской волости (Новгородского уезда) дана привилегия: если к ним придет жить человек, обремененный долгами, то „они платятца своимъ должникомъ (т.-е. кредиторам С. В.) въ пять лѣтъ въ истую уплату безъ росту“ [25]. Иногда полетные грамоты были даваемы целым уездам или областям, пострадавшим от войны, неурожая или морового поветрия. Напомню еще, что по формуле древнейших служилых кабал должник обязывался „не отниматься“ от своих обязательств полетными грамотами.

Полетная грамота кн. Михаила крестьянам Волока Словенского вызвала жалобу монастыря, и князь ее „подернилъ“, т.-е. отменил, и восстановил старые правила отказа: 1) отказываться только о Юрьеве дне, и 2) при отказе платить серебро. Затем, относительно людей, которые уже вышли из монастырской вотчины по полетней грамоте, князь указал, чтобы они выполнили по условию все работы: „и они бы дѣло додѣлывали на то серебро“, а во-вторых, чтобы они дали монастырю в своем долге поручные записи, „а осень придетъ, и они бы и серебро заплатили“.

Итак, мы видим, что у серебреников и закупов есть несколько существенных общих черт. Серебреники—полусвободные люди, люди, свобода которых ограничена в интересах кредитора. Ограничение выражается в том, что они не имеют права уйти от кредитора, не уплативши долга и не исполнивши за рост условленных работ. Важен и хозяйственно-бытовой общий признак: серебреничество, как закупничество, есть форма кредита для неимущих людей, существующих своим трудом и берущих деньги в долг, чтобы иметь возможность обрабатывать землю.

Были ли серебреники подсудны кредиторам независимо от иммунитетных прав последних? Источники не дают на это ответа. И это понятно, так как в XIV—XV веках

все население иммунитетных владений было подсудно землевладельцам по жалованным грамотам. Как было раньше, мы не знаем. Есть, однако, некоторые указания на то, что некоторые формы задолженности, сами по себе, создавали подсудность должника кредитору.

Выше я привел из договора Новгорода с Тверским вел. князем (начала XIV в.) статью, по которой княжеские судьи не должны были судить без господина рабов и половников. В том же договоре есть обязательство в. князя выдавать половников, которые сбегут из Новгородской области в Тверскую землю. Из этого видно, что половники свободные люди в смысле противоположности рабам, но свобода их очень ограничена. В этом отношении они очень напоминают половников-серебреников, о которых говорят приведенные выше белозерские грамоты XV века.

Очень интересное указание на подсудность должников кредиторам, независимо от землевладения, находится в жалованной грамоте в. кн. Василия, данной в 1514 г. Смоленской земле, при присоединении ее к Московскому государству. В ней сказано, что она является подтверждением старых грамот литовских государей, начиная с в. кн. Витовта, то-есть подтверждает Смоленскую старину. Про суд в ней сказано: „А который судъ у нихъ былъ при Витовте, и суду у нихъ быти о всемъ потому“, а в конце грамоты читаем: „А кто человѣка держитъ въ деньгахъ, и онъ того своего человѣка судитъ самъ, а околничіе въ то у него не вступаются“ [26]. Заслуживает внимания то, что грамота выражается так коротко. Очевидно, что характер и возможные пределы суда кредиторов были настолько обыденным и общеизвестным явлением, что пояснять его не было нужды. Мне кажется вполне допустимым видеть в этом явлении явление, аналогичное подсудности закупов Русской правды своим господам. Если бы речь шла о какой-нибудь области литовской культуры, то подобное сближение могло бы показаться очень рискованным, но Смоленская земля XV века по своей старине, быть может, ближе к Русской Правде, чем северо-восточная Русь XIII и XIV веков.

Все изложенное выше относительно закупов, серебреников и долговой зависимости вообще подводит к вопросу, который я не могу совсем обойти, хотя придется говорить о вещах, еще не исследованных, сложных и спорных. Я имею в виду явление, которое для краткости буду называть вообще закладничеством, и попытаюсь выяснить его

отношение к судебному иммунитету, так как в исторической литературе, как мне кажется, на эту сторону вопроса обращено слишком мало внимания.

В 1522 г. Хутынский монастырь получил тарханно-несудимую грамоту, в которой после обычных для таких грамот статей прибавлено: „А игумену съ братьею иныхъ крестьянъ, опричь своихъ монастырскихъ, сею моею грамотою отъ суда не отнимати у нашихъ намѣстниковъ, ни у дворецкого, ни у конюшего, ни у волостелей, ни въ закладъ къ себѣ не принимать“ [27]. Отнимать от суда—значит выдавать чужих крестьян за своих, неподсудных по жалованной грамоте наместникам и волостелям. Это можно было сделать, с некоторым риском, путем обмана, но статья предусматривает обход закона в форме, которая сама по себе была вполне легальна, то-есть, как я полагаю, в форме приема чужого человека в заклад по служилой кабале, составленной, быть может, нарочно, чтобы выдать чужого человека за подсудного кредитору и прикрыть его своим иммунитетом. Здесь мы видим интересное указание на взаимодействие иммунитета и закладничества.

Мне представляется дело так. В древнейшее время различные формы долговой и служебной зависимости, сопровождавшиеся подсудностью зависимых людей господину, послужили почвой для возникновения и развития иммунитета. Когда иммунитет на этой почве и под влиянием ряда других факторов сложился, то люди стали пользоваться этими исконными и легальными формами зависимых отношений не для целей гражданского оборота, для которых эти формы были созданы, а для того, чтобы стать под защиту привилегий иммунитета. Для власти, когда она находила закладничество для себя невыгодным, борьба отому и была затруднительной и в значительной степени бесплодной, что закладничество часто пользовалось легальными сделками гражданского оборота.

Закладничество было очень сложным социальным явлением. Сущность его можно определить, как тенденцию экономически и социально слабых элементов общества стать под защиту и покровительство сильных. Это стремление вытекало из того, что при известных политических и социальных условиях самостоятельное хозяйство и самостоятельная борьба за существование становятся настолько трудными, что слабые люди предпочитают отказаться от свободы, а иногда и от личного имущества, чтобы жить и вести несамостоятельное хозяйство под защитой сильного человека. Формы закладничества могли быть очень разнообразными, в зависимости от разных условий — как от

социального и экономического положения закладывавшихся, так и от положения лиц, принимавших к себе закладчика. В крайних случаях человек продавался в полное холопство. В других—поступал на службу. Затем, защита сильных людей достигалась иногда тем, что человек вступал фиктивно или действительно в такие долговые отношения, которые ограничивали его свободу в пользу покровителя. О закупничестве и серебреничестве я говорил выше. К сказанному следует прибавить несколько слов о самозакладе с землей.

Для уяснения этого вопроса следует рассмотреть формы залога недвижимостей. Залог мог совершаться в трех формах. Первая форма состояла в том, что должник обязывался платить на занятое серебро рост и продолжал владеть заложенной недвижимостью. Эта была самая легкая для должника форма кредита, и в такой форме сделки совершались тогда, когда должник имел намерение и возможность платить рост, а затем выкупить имущество. Вторая форма состояла в том, что должник, закладывая имущество, отдавал его „за рость", т.-е. вместо уплаты процентов, во владение и пользование кредитора. Для должника эта форма залога была более тяжелой, чем первая, так как имущество могло оставаться во владении кредитора неограниченное время, пока должник не выплачивал долга. При этих двух формах залога за должником оставалось право выкупа. Третья форма залога была самой тяжелой. Закладная писалась на определенный срок, и в нее вносилось условие, что, в случае неуплаты долга и роста на срок, закладная превращается в купчую, и должник лишался права выкупа заложенного имущества [28].

Все три формы существовали и употреблялись в гражданском обороте без отношения к закладничеству, как кредитные сделки, но при желании последние две формы, особенно вторая, представляли очень удобный способ стать в защитные отношения. Землевладелец закладывал свою землю по второй или третьей форме, получал ее от кредитора в пожизненное или прекарное владение, а в случае надобности связывал себя, сверх того, с тем же кредитором служебной или долговой зависимостью лично. Получалось то, что в источниках называлось „даться съ землей въ холопы" или заложиться с землей. Рассмотрение подобных сделок и различных способов стать закладчиком выходит за пределы моей темы, и я ограничусь только замечанием относительно целей закладничества.

Под впечатлением актов XVI и, главным образом, XVII веков, некоторые историки, например, Павлов-Силь-

ванский, придавали слишком большое значение в закладничестве моменту уклонения от государственных податей и повинностей. Но ведь в удельное время эти подати и повинности были развиты слабо, а княжества, с их вотчинным хозяйством, можно назвать государствами только с большими оговорками. Затем, неверно, что закладничество освобождало от всяких податей. Наконец, закладчик получал защиту не даром, и если уклонялся от государственных податей, то одновременно терял, в большей или меньшей степени, свою личную и хозяйственную свободу и брал на себя новые обязательства по отношению к своему покровителю. Поэтому, я думаю, что закладничество удельного времени преследовало гораздо более общую цель— стать вообще в положение защитного человека. Эта защита выражалась в определенных юридических формах и, прежде всего, в защите закладчика от всех сторонних людей судебной властью господина. Заложившийся лично или с землею человек становился неподсудным общим судам, и во всех делах с посторонними за него выступал на суде его господин. В этом состояла самая существенная сторона защитного положения закладчика.

Отношение закладничества к иммунитету может быть определено так. В древнейшее время существовали различные формы зависимости свободных людей, которые по общему праву сопровождались тем, что зависимый человек становился неподсудным общим судам и подсудным своему господину. Позже, когда иммунитет, как институт, сложился, сделками этого рода иногда пользовались, чтобы стать под защиту иммуниста. Когда князья пытались бороться против некоторых проявлений и форм закладничества, то борьба именно потому была затруднительна, что закладничество облекалось в легальные сделки гражданского оборота.

IV.

Четыре элемента судебного иммунитета. Исключительная подсудность князю его дружинников и слуг.

И рабство, и зависимость свободных людей по долговым отношениям, и другие возможные формы личной зависимости, которые мы можем предполагать, но которых в точности не знаем, представляли очень существенные предпосылки для образования иммунитета. Поскольку

в древнейшее время не только земледелие, но и вообще весь хозяйственный строй были основаны на труде рабов и зависимых людей, эти предпосылки должны были играть большую роль. И мне кажется очень характерным и существенным, что самые глубокие корни иммунитета имели не земельный, а личный характер, вытекали из личных отношений сильных к слабым. Сами по себе, они, однако, не создавали иммунитета. Чтобы связать эти предпосылки с землей, дополнить их другими необходимыми элементами и придать всему определенность института землевладельческого иммунитета, нужно было пожалование князя. Когда мы доходим в исследовании до этого пункта, то возникают два существенных вопроса: вопрос о происхождении несудимости самих господ и вопрос об их праве судить свободных людей, живущих на их земле.

В жалованных грамотах развитого типа судебный иммунитет формулируется в четырех основных положениях, которые излагаются обыкновенно в такой последовательности: 1) неподсудность и неподведомственность самого грамотчика и его людей местным властям, 2) право грамотчика ведать и судить своих людей, 3) сместный суд грамотчика с княжеским судьей в тяжбах его людей с посторонними людьми и 4) исключительная подсудность самого грамотчика самому князю или его боярам введенным, кому князь прикажет судить. Подсудность грамотчика князю стоит на последнем месте, но по существу и исторически ее следовало бы ставить на первом.

Мы не имеем для древнейшего времени прямых указаний на непосредственную подсудность князю его дружинников, но судя по всему строю и характеру дружинных отношений, она не подлежит сомнению. Она должна была естественно вытекать как из власти князя над дружинниками, так и из его обязанности быть покровителем и защитником своих людей. Для истории иммунитета важна та стадия развития отношений князя и его слуг, когда в разрастающемся княжестве стали возникать местные органы власти, на которые князь переносил некоторые элементы своей власти. Наши гипотезы в этой области, конечно, очень гадательны, но можно привести несколько соображений, а также фактов позднейшего времени в пользу того, что князья, учреждая наместников, посадников и волостелей, не давали им судебной власти в полном объеме и над всеми людьми их округа—присуда.

Прежде всего, надо иметь в виду характер власти наместников. Взгляд на наместников, как только на кормленщиков, в высшей степени односторонен и непра-

вилен. Наместник, прежде всего, есть власть политическая — заместитель князя. Затем наместник — начальник местной обороны и местных вооруженных сил. На третьем уже месте следует поставить роль наместника, как управителя и судьи. В последнем отношении, судя по фактам XIV—XV веков, власть наместников и волостелей есть, прежде всего, власть для черных людей князя. Они ведают их и судят, защищают от посторонних людей и сбирают с них свои кормы и княжеские доходы. Судя по актам XIV века и более поздним, управление и суд наместников и волостелей есть такая же нормальная форма управления княжескими черными людьми, как иммунитет есть нормальная форма управления для частновладельческих земель всех разрядов. Невозможно допустить, что раньше было иначе, так как можно считать несомненным, что личный суд князя есть исконное и начальное явление. Учреждая наместников и волостелей, князья оставляли за собой высший суд в наиболее важных, с их точки зрения, делах, а затем суд над некоторыми людьми во всех отношениях.

Когда читаешь жалованные грамоты, особенно древнейшие, в которых печать личных отношений сильнее, чем в позднейших, то ясно видишь, что личный суд, которым князь жалует грамотчика, есть милость, в которой на первом месте стоят собственно не суд сам по себе, а покровительство и защита князя. Князь обещается „боронить“, т.-е. защищать, грамотчика от всех сторонних людей, кто бы они ни были, частные ли лица или слуги и различные приказчики князя. Этот момент защиты и покровительства в пожаловании личной подсудностью князю мне представляется очень существенным. Проявления его мы можем видеть во множестве жалованных грамот и в других источниках. Во всех случаях, когда те или иные люди были нужны князю, искали его покровительства, пользовались его особым расположением, защита князя выливалась неизменно в форму личного суда и неподсудности местным властям, или в форму особой, усиленной судебной охраны этих лиц.

Многочисленные и важные указания на это мы находим в договорах князей между собой и с В. Новгородом. Начиная с древнейших дошедших до нас договоров, князья выставляют принцип, что всякий должен тянуть „судомъ и данью по землѣ и водѣ“, т.-е. быть подсудным и подданным тому князю, в уделе которого находится его земля. Настойчивость и постоянство, с которыми этот принцип повторяется во всех договорах, показывает, что если

в XIV веке этот принцип и не был совершенной новостью, то во всяком случае нуждался в повторениях, так как на деле постоянно нарушался. И действительно, из тех же договоров и из духовных грамот князей видно, что сами князья постоянно нарушали этот принцип,—в своих уделах в пользу княгинь и ближайших родственников, а в чужих уделах—в свою пользу.

Следует обратить внимание на то, что статья договоров о суде и дани по земле и воде стоит в тесной связи с целым рядом других условий: князья обязываются не покупать земель в чужом уделе, не принимать их даром, не держать в закладе, вообще не приобретать каким бы то ни было путем, без ведома и согласия князя чужого удела. Среди этих условий очень часто содержатся условия не давать жалованных грамот в чужой удел. О каких грамотах идет речь и как можно было давать жалованные грамоты в чужие владения? Мне кажется, ответ ясен. Речь идет о тарханно-несудимых грамотах. Князья, приобретая земли в чужом уделе или принимая к себе на службу землевладельцев из чужих уделов, давали им тарханно-несудимые грамоты, т.-е. различные льготы и судебные привилегии, из которых первой и самой важной было то, что они принимали землевладельца под свою защиту и личный суд. Повидимому, в древнейшее время это было очень распространенным явлением. Оно нарушало целость удела и грозило его независимости, и против него выдвигается принцип суда и дани по земле, более выгодный для слабых князей и нарушаемый сильными.

Для нашей темы это явление интересно не само по себе, а потому, что бросает свет на происхождение исключительной подсудности князю служилых людей. Вполне допустимо думать, что в древнейшее время отъезд служилых людей с вотчинами и привлечение их на службу путем особых милостей были очень частым явлением. Вотчинник поступал на службу и под защиту князя, и защита выражалась в том, что князь давал ему жалованную грамоту, одним из существенных элементов которой была прямая подведомственность и исключительная подсудность грамотчика князю.

Последний принцип, как мне кажется, был настолько прочно установлен, что в наиболее архаических, по своим формулам, рязанских жалованных грамотах и в древнейших грамотах других княжеств нет совершенно статьи об исключительной подсудности грамотчика князю. Все содержание, например, рязанских грамот сводится к запрещению княжеским волостелям въезжать в околицу грамотчика. В древ-

нейших грамотах других княжеств иногда мы видим только статью о неподсудности грамотчика местным судьям, и больше ничего. Ясно, что несудимый на месте грамотчик должен был быть кому-нибудь подсудным. Таким судьей мог быть только князь, и отсутствие в этих грамотах статьи о подсудности грамотчика князю говорит за то, что это было ясно само собой.

V.

Происхождение иммунитета и частной собственности на землю. Особенности этого процесса в Вел. Новгороде, с одной стороны, и в удельной Руси, — с другой.

Личные элементы иммунитета сами по себе не создавали еще института, так как не были связаны с землевладением. Последний вопрос должен был возникнуть тогда, когда дружинники и служилые люди князей стали оседать на землю и делаться землевладельцами, когда вообще стала развиваться частная собственность на землю. При этом должен был возникнуть вопрос о положении свободных людей, которые по тем или иным причинам не могли стать землевладельцами и были принуждены садиться на чужую землю. Каким образом они были включены в сферу землевладельческого института? Мне кажется, что выводить право суда над свободными людьми из землевладения, из землевладельческих прав или из обычного права, как полагали Неволин и Павлов-Сильванский, нет никаких оснований. Такое предположение тем более шатко, что самое происхождение права частной земельной собственности, его характер и составные элементы нам совершенно неизвестны.

Если мы обратимся к источникам, то увидим следующее. Все жалованные грамоты, начиная с древнейших, имеют определенно выраженный личный характер. Даже грамоты митрополитам, епископам и монастырям пишутся на имя определенных лиц. Грамоты служилым людям всегда даются определенным лицам: лично одному служилому человеку, или с братьями, сыновьями и т. п. Они выдаются, как и монастырям и властям, всегда на определенные владения, но пожалование неразрывно связано с лицом грамотчика. Грамота имеет личный характер и в том отношении, что пожалование действительно только до тех пор, пока жив

и занимает престол давший его князь. При перемене на княжеском столе, старые грамоты теряют свою силу и вместо них либо выдается новая грамота, либо делается подтверждение на старой, с теми или иными изменениями. Из личного характера пожалований вытекало то, что грамотчик не мог отчуждать дарованных ему грамотой прав, так как они были связаны с его личностью, а не с землей. В подтверждение этой мысли укажу на факт, оставленный Павловым-Сильванским без внимания. Купчие, данные, меновные и т. п. акты на земли составляют едва ли не самый многочисленный разряд дошедших до нас источников. В актах этого рода, принадлежащих князьям, княгиням и мелким удельным княжатам, мы видим нередко, что сделка совершается на землю „съ судомъ и данью“ или „съ судомъ и со всѣми пошлинами“, т.-е. отчуждаются права суда и дани. Ничего подобного мы не видим в актах частных землевладельцев: отчуждается только земля, со всем, что к ней „изстари потягло“, куда ходилъ топоръ, и соха, и коса, со всеми угодьями, но о суде и о других подобных правах нет ни слова. Это с несомненностью свидетельствует о том, что в XIV—XVI веках, к которым относятся эти акты, судебные и податные привилегии землевладельцев основывались на жалованных грамотах князей, имели личный характер и вовсе не были связаны с землевладеньем частных лиц по обычному праву.

На вопрос, везде ли на Руси так было, можно, повидимому, ответить отрицательно. Все зависело от условий образования частной собственности на землю, а условия эти не везде были одинаковыми. Свободных, никем не занятых земель было, конечно, много; занятие их могло не встречать никакого препятствия, но дело не в этом, а в том, чтобы быть в состоянии защищать захваченное и сделать владение прочным. Если занявший землю не имел сил самостоятельно защищать захваченное, то он должен был искать защиты власти. Только власть могла защищать владение и дать ему санкцию, и тогда завладение из факта становилось правом, т.-е. защищаемым властью интересом. Власть дает санкцию не даром, а на тех или иных условиях, иначе у нее не было бы средств организовать защиту. Все дело, таким образом, в условиях, на которых власть санкционирует фактическое владение, а условия эти зависят от структуры власти и всего общества.

Известно, что в В. Новгороде княжеская власть занимала другое положение, чем в уделах северо-восточной Руси. В. Новгород, призывая князей, заключал с ними договоры и в этих договорах ревниво охранял свои земельные

отношения от вмешательства князей. Поэтому в областях Новгорода землевладение складывалось без участия княжеской власти. Процесс захвата новых земель и колонизации возглавляли бояре. В одних случаях присоединение новых земель происходило по инициативе самого Новгорода, в других — совершалось на счет и риск бояр. И в том, и в другом случаях бояре, как господствующий в Новгороде элемент, брали себе львиную долю. Становясь землевладельцами под верховной властью Новгорода, в которой они занимали первое место, они усваивали те же державные права суда и дани, которые в удельной Руси принадлежали только князьям.

По этому вопросу мы имеем две очень интересные грамоты. Это — жалованные грамоты бояр Своземцевых, Василия Степановича и его сына Ивана, монастырю Ивана Богослова на Пинежке. Обе они даны в эпоху самостоятельности В. Новгорода — первая в 6960 году (1452 г.), а вторая в 1470-м.

Василий Степанович именует себя посадником, но грамоту он дал не в качестве посадника и не от имени Новгорода, а как двинский боярин [29]. Он дал монастырю три села с землями и угодьями и писал в грамоте: „А посаднику Василью Степановичю, ни его женѣ, ни дѣтемъ не вступатися въ тыи села, ни въ тыи земли, ни въ тыи ловища, ни въ пожни, ни въ островъ Онтропьевъ, и ввѣки, ни въ чернцевъ, ни въ страдники чернецки, ни въ села чернецки; ни прикащикомъ посадницимъ Васильевымъ, ни слугамъ, ни христіаномъ не вступатись ни во что-жъ монастырское, ни обидити". В таких отрицательных выражениях, в сущности двумя словами: не вступаться, Василий Степанович определил свои отношения к монастырю и к своему пожалованию. Эти два слова покрывают все, и то, что монастырь получал, таким образом, судебную и экономическую независимость, подразумевалось само собой. Это видно из конца грамоты: не говоря о несудимости монастыря и о его праве судить своих людей, грамота прямо говорит о сместном суде. „А слуцится дѣло монастырскому человѣку съ посадницимъ человѣкомъ съ Васильевымъ, ино судитъ игуменъ съ посадницимъ съ Васильевымъ прикащикомъ" [30]. Ясно, что сместного суда не могло бы быть, если бы монастырь не имел несудимости и права суда над своими людьми.

Вторая грамота носит еще более частно-хозяйственный характер и прибавляет несколько новых черт. Грамота перечисляет права, от которых отказывается делающий пожалование землевладелец, и в этом отношении очень

похожа на жалованные грамоты мелких княжат, например, белозерских или ярославских. Иван Васильевич дал монастырю два села — „и тѣ села вѣдаетъ игуменъ и старци; а кунщики мои съ тѣхъ селянъ кунъ не берутъ и иныхъ никакихъ пошлинъ, ни прикащикъ мой къ нимъ не въѣзжаетъ, ни переваръ ни піетъ, ни пошлинъ не емлетъ, ни биричь не наряжаетъ ими, опричь городного дела“ [31].

Из этих грамот видно, что Своеземцевы имели в качестве двинских бояр державные права удельных князей и жаловали монастырю эти права вместе с землей. В их праве собственности на землю право суда, действительно, является составным элементом, созданным самой жизнью и вероятно санкционированным, но не пожалованным В. Новгородом. Ничего подобного в княжеской Руси мы не видим.

Единственный документ, который Павлов-Сильванский привел для обоснования противоположного мнения, заслуживает подробного рассмотрения. Это — правая грамота кн. Михаила Андреевича Кириллову монастырю, около 1435—1447 г.г. [32]. Павлов-Сильванский нашел в ней „драгоценные указания на принадлежность светским вотчинникамъ иммунитетныхъ привилегий по обычному праву, независимо от пожалований“ [33]. Этот документ действительно очень интересен, но не настолько ясен и бесспорен, чтобы на него можно было ссылаться без всяких пояснений. Б. Н. Чичерин и Ф. Дмитриев увидели в нем не вотчину с иммунитетом по обычному праву, а наследственное кормление. Мейчик понял его в смысле противоположном тому, который в него вкладывал Павлов-Сильванский [34].

Дело было в следующем. Кистнемские бояре Лев Иванович с братьей жаловались князю Михаилу на власти Кириллова монастыря: „отнимаютъ у насъ, господине, оу насъ отъ суда да отъ дани въ нашей отчинѣ въ Кистнемѣ деревню Михалевскую“, которая исстари тянула судом к ним, — „еще, господине, отецъ нашъ Иванъ судилъ ту деревню и дань на ней ималъ, а послѣ, господине, отца нашего судили мы ту деревню съ своею братьею и дань на ней имали есмя“. В правой грамоте мы не находим подтверждения этому заявлению. Монастырский старец положил на суде два акта: купчую прабабки старца Арсения, который дал эту деревню в монастырь, и жалованную грамоту кн. Андрея Дмитриевича, отца князя Михаила, данную деду Арсения, о том, „что тое деревни бѣлозерскимъ намѣстникомъ и кистнемскимъ бояромъ не судити ни въ чемъ, ни дани съ тое деревни не имати, ни всылати въ ту деревню ни по что“. На основании этих актов кн. Михаил оправдал

старца и присудил суд и дань деревни Михалевской монастырю. Из дела видно, что деревня была изъята из-под власти наместников и кистнемских бояр задолго до иска Льва Ивановича, быть может еще в конце XIV века, когда кн. Андрей получил в удел Белоозеро, но непонятно, почему спор возник только в 1435—1447 годах. Неизвестно также, на каком основании кистнемские бояре судили деревню, и непонятно, почему Кириллов монастырь получил несудимую грамоту не только от их суда, но и от суда, наместников. Последние имели право суда, во всяком случае, не по обычному праву, а по жалованью князя. Затем — какое право суда имели бояре, если одновременно та же деревня была подсудна наместникам? Если суд был разделен между ними, по роду дел или каким-нибудь иным образом, то как произошло это разделение судебной власти? Неужели по обычному праву? Мейчик полагал, что бояре имели право суда по милости князя или с его молчаливого согласия. Наконец, последнее замечание. Если право суда принадлежало боярам искони, то нельзя не обратить внимания на то, как мало считались князья с этим исконным правом: кн. Андрей дает монастырю несудимую грамоту, а через несколько десятков лет его сын отказывает боярам в их претензии восстановить эту старину.

Ни Мейчик, ни Павлов-Сильванский не обратили внимания на то, где происходило дело, и не придавали, повидимому, этому никакого значения. Между тем, вся суть именно в этом. Кистнема находилась на Белоозере, в недалеком соседстве с Новгородскими владениями. По всему складу жизни Белоозеро имело много общего с Новгородским поморьем. Местная белозерская старина, при самостоятельных белозерских князьях, а позже под властью князей и царей московских, очень медленно изменялась под влиянием московских порядков. Не случайность то, что мелкие белозерские княжата одни из последних, только в середине XVI века, утратили свои державные права, тогда как другие удельные князья, например, Ярославские, лишились их раньше, хотя были подчинены власти московских великих князей много позже белозерских. Даже в XVII веке Белозерский уезд, почти целиком отданный служилым людям в поместья и вотчины, сохранял много остатков старины и по складу жизни был ближе к Поморским городам, чем к Замосковному краю.

Кистнемские бояре, как мне кажется, были потомками тех северных бояр — колонизаторов, которые в Новгородских владениях сохранили свои права до падения Новго-

родской независимости, а на Белозере утрачивали их под влиянием власти князей. Кн. Андрей Дмитриевич не постеснялся лишить их права суда на деревню, купленную Кирилловым монастырем, а его сын, кн. Михаил, отказал им в восстановлении их старинных прав. Таким образом, в рассказанной выше правой грамоте следует видеть довольно неясный и в некоторых отношениях спорный след отмирающей, под влиянием княжеской власти, северной старины. Во всяком же случае, это — единственное указание на суд землевладельцев некняжеского происхождения по старине, а не по княжескому пожалованию. Что касается других местностей удельной Руси, то относительно их мы имеем сотни различных актов, которые свидетельствуют об обратном, т.-е. о том, что судебные и другие иммунитетные права землевладельцев в XIV—XVI веках могли проистекать и основываться только на княжеских пожалованиях. Как было раньше, в XII—XIII веках, мы не знаем, так как не имеем совсем источников, общий же характер княжеской власти и все, что мы знаем об ее развитии, говорит за то, что не только иммунитет, но и все землевладение северо-восточной Руси складывались под сильнейшим влиянием князей.

Некоторый свет на возникновение и развитие иммунитета проливает исследование порядков XIV—XV веков, к которому я и перейду.

VI.

Основные черты податного иммунитета. Обособление иммунитетного владения от черных людей. Изменение состава и порядка отбывания тягла. Переход некоторых княжеских доходов в пользу землевладельцев.

Первое знакомство с жалованными и, в частности, с тарханными и несудимыми грамотами оставляет впечатление большого разнообразия и даже прихотливости пожалований. Может показаться, будто князья руководились только личными симпатиями к грамотчику и временными, а иногда и случайными, соображениями. Но когда мы ближе и внимательнее изучаем жалованные грамоты и обозреваем их в массе, то убеждаемся, что сущность податного и судебного иммунитета сводилась к нескольким основным, очень устойчивым положениям, из которых вы-

текал, более или менее последовательно, ряд побочных, образуя в целом то, что называли белым землевладением, белыми землями или сохами, в противоположность черным землям и сохам. Тарханно-несудимая грамота выделяла грамотчика и его владение в административном, судебном и податном отношениях из общей массы черных людей и земель. Черные люди жили на земле князя и несли всякое тягло и службы под дворскими и сотскими. В административном и судебном отношениях они были подведомственны наместникам и волостелям или представителям различных отраслей (путей) дворцового ведомства. Основная цель всякой тарханно-несудимой грамоты — определить новые отношения грамотчика к той среде, из которой его выделяла воля князя, и его новые обязанности к княжеской казне.

Возможно, что первоначальное значение слова тархан есть полная свобода от податей и повинностей, но те жалованные грамоты, которые мы называем общим именем тарханных, имели в виду, большею частью, освобождение не от всякого тягла, а от некоторых податей и повинностей, а затем — изменение состава тягла и порядков его отбывания. Последнее не менее важно, чем первое, и состояло в следующем.

Как выражаются некоторые грамоты, грамотчик и его люди „не тянутъ“ к городу, стану или волости, или по шаблонному выражению московских грамот — „къ дворскому и къ сотскому не тянутъ ни въ какие проторы и разметы“. Эта краткая статья богата важными практическими выводами. В силу ее владение грамотчика освобождалось от власти дворских и сотских, от их права оклада и раскладки по этому окладу всяких податей и повинностей, и выделялось из черного мира. Поскольку грамотчик не был свободен от тех или иных тяглей, он отбывал их или по окладу, установленному самой грамотой (оброк) или по окладу княжеских агентов: даньщиков, писцов или особых „посланниковъ“. Это напоминает несколько привилегию taxe d'office во Франции при старом порядке, которая состояла в том, что привилегированный платил налоги по окладу интенданта и его чиновников и непосредственно в казну, а не по окладу и раскладке коммунальных выборных и не в мирскую казну.

Понятно, что вместе с этим грамотчик не нес с черными людьми круговой поруки и не участвовал в мирских расходах. Из права дворских и выборных сотских облагать черных тяглецов вытекали некоторые права на личность и имущество тяглецов. Мы не знаем точно, в какие формы

выливались эти права в удельное время, но несомненно, что грамотчик освобождался от этих уз, и тяглый мир не имел никаких прав на его имущество и землю. Еще большее, быть может, преимущество представляла свобода от расходов мирского хозяйства в собственном смысле слова. У черных людей, кроме податей и повинностей, было много других расходов, иногда очень обременительных. Например, для XVI века есть указания на большие расходы по разным выборным службам, или по тяжбам — с соседями из-за земли или с наместниками и волостелями из-за превышения ими власти и нарушения земских пошлин.

Отношения к казне устанавливались тарханными грамотами различно. Полная свобода от всякого тягла была редким исключением. Немногим чаще встречается замена всех или некоторых тяглей оброком, т.-е. определенным, денежным или натуральным, ежегодным платежем. И полный тархан, и оброчное положение редко бывали длительными. То какая-нибудь „дань неминучая“, то ордынские запросы и протори, то перемена на княжеском престоле лишали грамотчика полного тархана или переводили с оброка на общее положение. Важную роль играли новые налоги, возникавшие после дачи грамоты, так как в виде общего правила они падали и на тарханщиков и оброчников, и для освобождения от них нужно было получить особую новую грамоту. Наиболее частыми и для нас наиболее интересными являются освобождения от некоторых податей и повинностей. Прежде, чем перейти к исследованию, от каких именно повинностей чаще всего освобождались грамотчики и какое это имело значение, необходимо сделать несколько замечаний относительно ценности жалованных грамот, как исторического источника, в вопросе о тарханах.

Только недостаток в других источниках заставляет нас пользоваться в широкой мере жалованными грамотами. Сами же по себе они являются очень ненадежным источником: изучая их, никогда нельзя быть вполне уверенным, что то, что утверждает или отрицает данная грамота, существовало или не существовало в данном случае. Это свойство грамот особенно сильно дает себя чувствовать в вопросе о тарханах. Тарханные грамоты, устанавливая исключения из общего правила, перечисляют более или менее подробно и точно те повинности, которых грамотчики не должны были платить, но ничего не говорят, большею частью, о тех, которые они должны были платить. Важнее этого то, что, давая жалованные грамоты, князья постоянно нарушали их другими жалованными же или указными грамотами, в порядке повседневного управления. Для этого существо-

вало хорошо знакомое грамотчикам выражение: давать „грамоты на грамоты“, или — „на грамотчики грамоты“. Иногда, в виде особой милости, в жалованную грамоту включалась статья, которая должна была обезопасить грамотчика от грамот на его грамоту. Например, в грамоте 1455 г. кн. Михаила Андреевича Аф. Внукову находятся такие обещания, самая настойчивость которых бросает тень на их действительность: „А на которые грамоты грамоту свою дамъ своему намѣстнику или рыбнику, а на сю грамоту грамоты моей не дамъ. А будетъ ми дати на сю грамоту своя грамота (т.-е. если тем не менее придется дать), и язъ дамъ воимя на Афонасьеву грамоту свою грамоту; а будетъ не на него имя Афонасьево грамота, ино Афонасьева грамота въ грамоту“ [35]. В некоторых грамотах есть указания, что князья иногда „жаловали“ своих кормленщиков правом сбирать свои доходы и с грамотчиков, несмотря на их грамоты. Так, в одной монастырской грамоте 1522 г. сказано: „А которого своего намѣстника Коширского пожалую своею грамотою, жалованную дамъ ему на грамотницы грамоту, а на сю мою грамоту грамоты нѣтъ“ [36]. В грамоте 1517 г. Иосифову Волоколамскому монастырю мы находим подобное же указание и относительно княжеских повинностей. „А коли пошлю свои великого князя грамоты по городомъ къ своимъ приказщикомъ на грамотники, а велю имъ сохами, своими великого князя селы... и всѣми безъ омѣны, чей кто ни буди, свое великого князя дѣло дѣлати, городъ дѣлати, или пруды дѣлати, или свои вел. князя дворы ставити, или хлѣбъ молотити и вести въ которой городъ, и наши городовые приказщики, или кто поѣдетъ которого моего дѣла дѣлати, сохами тѣми ихъ монастырскими, селы и деревнями, мое вел. князя дѣло дѣлати никоторого не наряжаютъ, ни къ сохамъ ихъ не прикладываютъ никоторымъ дѣломъ, а на сю мою грамоту жалованную моей вел. князя грамоты дертной нѣтъ никоторой“ [37].

Постоянное нарушение жалованных грамот указными и другими жалованными грамотами и отмеченная выше отрицательная формулировка податных пожалований в тарханных грамотах заставляют нас относиться к ним, как к источнику для истории тягла, весьма осторожно. Можно сказать даже сильнее: насколько хорошо жалованные грамоты отражают развитие судебного иммунитета, настолько же ненадежны они в показаниях относительно податного. Поэтому я буду пользоваться ими относительно отдельных повинностей только в той мере, в какой их показания совпадают с показаниями других источников — указных грамот, сотных, писцовых книг и т. п., которые дают возможность

судить о составе тягла, сложившегося в результате совместного действия различных форм княжеской воли.

Если оставить в стороне, как исключительные, такие пожалования как пожалование правом держать перевоз, сбирать мыт и другие пошлины, то обычные пожалования тарханных грамот можно разделить на 3 группы, из которых каждая имеет свое особое фискально-экономическое значение.

В первую группу можно отнести такие княжеские дани и доходы, которые имеют определенно выраженный характер налогов и государственных повинностей. Таковы, например, дань в узком смысле слова, ямская повинность, городовое дело и т. п. В удельное время князья жаловали свободой от этих повинностей по различным мотивам: в одних случаях как временной льготой для заселения и разработки пустых земель, в других — за несение ратной или придворной службы, в третьих — по религиозным соображениям. Пожалования такого рода с течением времени сокращаются, а в конце концов и вовсе прекращаются. В этой сфере тарханные пожалования редко бывали прочными и длительными, и процесс сокращения привилегий этого рода протекал не по жалованным грамотам, а вопреки им — путем указных грамот. Для истории иммунитета пожалования этого рода представляют, как более или менее исключительные, второстепенный интерес. Гораздо важнее и интереснее пожалования, которые я выделяю во вторую группу — освобождения от податей и повинностей, которые носят более или менее определенно выраженный частно-правовый и хозяйственный характер.

Хорошо известно, что „дани“ и доходы частно-правового происхождения занимали в бюджете князей первое место, а налоги, в собственном смысле слова, находились в удельное время в стадии зарождения и медленного развития. Эти повинности возникли и слежились на почве частного хозяйства князей и в большинстве были несовместимы или трудно совместимы с самостоятельным и независимым от князя хозяйством частного независимого землевладения. Самое понятие частной собственности на землю как вещного права, определенного и одинакового для всех, находилось в процессе развития. Поэтому, когда земля из разряда княжеских переходила тем или иным путем (пожалования, купли, мены и т. п.) в руки монастырей или частных лиц, то князьям приходилось определять, какие права и какие дани и доходы они оставляют за собой, а от каких отказываются в пользу частного собственника. Эта форма отказа князя от некоторых своих частновладельческих прав, как и можно ожидать, особенно ярко выражена в грамотах

мелких удельных князей, в хозяйстве которых частно-правовые начала играли более важную роль, чем в хозяйстве великих князей [38]. То же разграничение интересов княжеского хозяйства и интересов частных землевладельцев было необходимо и относительно вообще всего частного землевладения и происходило, главным образом, путем жалованных грамот.

Чтобы убедиться в частно-хозяйственном происхождении большинства этих повинностей, достаточно просмотреть длинный список их, который мы можем составить по жалованным грамотам. К постоянным и повсеместным повинностям принадлежала тяжелая повинность, или, вернее сказать, группа повинностей — давать помещение, содержание, кормы и подводы для разъездов всевозможным княжеским пошлинникам и приказчикам: наместникам и волостелям с их тиунами, доводчикам и праветчикам, сборщикам дани, писцам, посельским приказчикам, таможникам, мытникам и т. д. На началах кормления и полного содержания основывалась всякая княжеская служба. Поэтому, если княжеские конюхи с лошадьми, или охотники, ловчие и псари с собаками и птицами, рыболовы, бобровники и т. п. приезжали в какую-нибудь местность, то население должно было не только содержать лошадей и кормить собак и птиц, но также давать этим людям подводы, дворы для постоя и кормы. Повинность кормить княжего коня и косить на него сено (или платить закос, закосные пошлины) упоминается в очень многих тарханных грамотах и существовала, повидимому, повсеместно. Несколько реже упоминаются повинности кормить псарей и собак и принимать участие в охотах. Затем в тех же грамотах можно собрать большую коллекцию самых разнообразных повинностей, относительно которых трудно сказать, насколько распространенны и постоянны они были. Тут мы видим иногда совершенно частно-хозяйственные повинности: „Ни селъ моихъ не пашутъ“, „непадобѣ им мое селское дѣло дѣлать“ [39]; „ни дровъ не гонятъ, прудовъ не копаютъ, мостовъ не мостятъ и льда не колятъ и не возятъ“ [40]; повинность бить езы и принимать участие в рыбной ловле, с своими судами, снастями, людьми и т. п. Далее — ряд повинностей смешанного характера, то-есть полухозяйственного и полугосударственного, как, например, ставить княжой двор, ставить дворы наместникам, волостелям и другим пошлинникам, или очень тяжелая и повсеместная постойно-подводная повинность. Следует еще заметить, что жалованные грамоты часто не перечисляют всех повинностей, а указавши главные, прибавляют: „ни иные никоторые пошлины“, или даже ограничиваются указанием,

что грамотчик не тянет ни в какие проторы и разметы к дворским и сотским с черными людьми. Последнее, в сущности, покрывало все, так как в несении всех подобных тяглей и состояла главная суть черного тягла [41].

Частно-хозяйственное происхождение большинства этих повинностей так же несомненно, как несомненна несовместимость их с хозяйством независимого частного землевладения. Трудно сказать, насколько ясно сознавалось последнее обстоятельство князьями и их подданными. Можно думать, что несовместимость некоторых из этих повинностей с ратной и придворной службами была яснее и раньше заставила князей сделать соответствующие выводы, но, как бы то ни было, отмена одних повинностей, замена других денежными платежами и вообще разграничение интересов княжеского хозяйства и частных землевладельцев протекали очень медленно и казуистично, применительно к местным обстоятельствам и лицам. В этом процессе тарханные грамоты играли огромную роль, и эта сторона жалованных грамот, несомненно, гораздо важнее тех исключительных пожалований, которые иногда в них встречаются и которые бросались в глаза первым исследователям этого источника.

В третью группу я выделяю пошлины в современном смысле этого слова, т.-е. различные торговые сборы, пошлины со сделок неторгового характера, сборы с передвижения людей и товаров и т. п. На первый взгляд может показаться, что освобождения от пошлин были исключительными милостями и что значение этого тархана только фискальное. Ниже будет показано, что служилые землевладельцы перестали получать тарханы этого рода в начале XVI в. Монастыри хотя и пользовались пошлинными тарханами в XVI—XVII веках, но и для них эта привилегия шла все время на убыль, до полного уничтожения. Но это — одна сторона вопроса. Чтобы осветить другую сторону, нужно предварительно сравнить систему внутренних таможен позднейшего времени с порядками сбора этих пошлин в удельное время.

В XVII веке организация представляется в таком виде. Таможня обыкновенно находится в уездном городе, и здесь сосредоточен сбор всех пошлин, в том числе и мытов. Изредка, в виде исключения, были постоянные таможни и в уезде. Чаще бывало, что в крупных селах или на ярмарочных пунктах происходили торжки в определенное время года, куда городские таможники посылали на время своих агентов. Эти торжки находились большею частью в крупных дворцовых селах или подле монастырей, где на годовые и престольные праздники бывал „всякимъ людямъ

съѣздъ и пристанище". В общем, сравнительно с XV—XVI веками, сбор пошлин был централизован на посадах, а иногда и в некоторых пунктах уезда. Пошлины падали главным образом на торговых людей и на торговлю, как промысел. Конечно, крестьяне, привозившие на торги хлеб и другие предметы своего производства, тоже платили пошлины, не будучи торговыми людьми; различные проезжие пошлины падали не только на товары и на торговых людей, — но в общем таможенные пошлины с течением времени все более и более становились налогом на торговлю.

В удельное время положение дел было во многих отношениях иное. Торговля, конечно, была развита много слабее, а главное — она носила, если можно так выразиться, более рассеянный характер. И сбор пошлин был организован иначе. Во первых, несомненно, что количество мытов, т.-е. мест, где люди и товары подвергались обложению при передвижении, было значительнее, чем позже. Не только великие и удельные князья, но и мелкие княжата и крупные нетитулованные землевладельцы устраивали у себя мыты, благо это было очень просто и не требовало никаких расходов. Что учреждение новых мытов было частым явлением, можно видеть из многих договоров князей между собой и с В. Новгородом, где повторяется взаимное обязательство не „замышлять новыхъ мытовъ", а на пошлых, старых мытах брать пошлины в старых, освященных стариной ставках. В XVII веке уездные мыты представляют очень редкое исключение, а в виде общего правила различные мытные пошлины были сбираемы в таможне, вместе с другими пошлинами.

Другую важную черту представлял административно-хозяйственный характер некоторых пошлин и вотчинный характер сбора их. Княжеские волостели, посельские, заказники, таможники и другие пошлинники жили рассеянно среди населения и сбирали, частью в свою пользу, если получали кормление, частью в пользу князя, такие пошлины, которые не имели ничего общего с торговлей, как промыслом, или имели к ней очень отдаленное отношение. Административно-хозяйственный характер имели, например, такие пошлины, как новоженный убрус и выводная куница (пошлины с браков), или такие, как сбор с продаж и мен крестьян между собой строений, дворовых мест и надельных земель. Фискально-полицейский характер имели такие пошлины, как конское пятно, т.-е. пошлина с продажи и мены лошадей, при чем сделка записывалась в книги, а на лошадь ставилось пятно (тавро). Полицейский характер имела пошлина — явка со всех пришлых людей, кото-

рые жили временно по найму или приезжали на время по своим делам.

Такой характер пошлин и порядок их сбора противоречили не только интересам частных землевладельцев, но и всему строю самостоятельного частного хозяйства, основанного на частной собственности. Здесь князьям тоже приходилось отграничивать интересы своей казны от интересов частных землевладельцев, и в этом процессе тарханные грамоты сыграли очень важную роль. Если оставить в стороне исключительные пожалования некоторым монастырям и другим грамотчикам, которые с течением времени шли на убыль, то по тарханным грамотам частным лицам и по другим источникам легко обнаружить очень интересный процесс медленного перерождения пошлин. Суть процесса состоит в том, что под влиянием развивающегося частного, в особенности служилого, землевладения князья отказываются от одних пошлин в пользу землевладельцев и изменяют порядок сбора других, вырабатывая мало-помалу тот централизованный порядок обложения, падающего преимущественно на торговлю „на вскупъ“, т.-е. на торговый промысел, о котором я говорил выше.

В некоторых грамотах мы находим очень интересные указания на отдельные моменты этого процесса. Так, в грамоте 1435—1463 гг. Александру Рудину, данной князем Александром Федоровичем Ярославским, сказано: „а тѣмъ людемъ Александровымъ ненадобѣ имъ никакова (пошлина)... ни тамга, ни явка, ни но(во)женная куница. А што Александровы люди купятъ или продадутъ, ини являютъ своему старшему, Александру“ [42]. То же мы видим в грамотах других ярославских князей. В грамоте кн. Данилы Васильевича (1463—1469 гг.) Ярославскому Спасскому монастырю сказано: „ни инымъ никоимъ моимъ пошлиникомъ не въѣзжать, ни пошлинъ имъ своихъ не имать; ни таможникомъ моимъ не являютъ, ни пошлинъ имъ никакихъ не даютъ. А являютъ архимандриту или его ключнику“ [43]. В грамоте того же времени кн. Федора Романовича тот же монастырь освобождается от въезда и пошлин княжеских людей и от всяких пошлин, между прочим от тамги, новоженной куницы и „таможного корма“, т.-е. повинности содержать таможника, а затем сказано: „и што купятъ или што продадутъ, инѣ таможникомъ моимъ не являютъ,— являютъ архимандриту или ево прикащику“ [44].

Предвосхищая свои выводы относительно грамот рязанского княжества, о которых я говорю ниже особо, замечу, что в них тот же, по существу, смысл имеют запрещение волостелям въезжать в околицу грамотчика

и стереотипная фраза, что „рѣзанка и шестдесятъ“ из околицы грамотчика „не идутъ“ волостелю, т.-е. в его пользу.

Грамоты московских великих и удельных князей говорят о том же, но обыкновенно в более общих выражениях. В них мы видим более или менее длинное перечисление пошлин, от которых освобождаются люди и крестьяне грамотчика, при чем не говорится, на каком пространстве и в каких случаях должна действовать эта привилегия. Однако, из других мест тех же грамот и из пояснений, которые встречаются в некоторых грамотах, видно, что речь идет об освобождении от пошлин, прежде всего, людей грамотчика, внутри его владения, т.-е. их сделок между собой. Эти грамоты обыкновенно содержат запрещение волостелям и их людям „въѣзжать“, „вступаться“ и „всылать“ во владения грамотчика „ни по что“. Это было равносильным запрещению сбирать пошлины. На то же указывают встречающиеся довольно часто ограничения пошлинного тархана. Пожалования монастырям беспошлинного торга и провоза товаров вовсе не имели в виду поощрять их торговлю и ставить в привилегированное положение на рынке. Монастырские грамоты определенно указывают, что освобождение от пошлин дается только для закупки годовых запасов, необходимых для монастырского обихода, при чем нередко устанавливается и количество запасов или сумма денег на беспошлинную покупку. Иногда же в грамотах прямо говорится, что если монастырь будет покупать сверх положенной нормы, или будет торговать для прибыли, то он должен платить все пошлины, как и торговые люди. Последнее определенно сказано, например, в грамоте вел. кн. Василия Дмитриевича, подтвержденной в 1483 году вел. кн. Иваном III, митрополиту на слободку Святославлю-Караш: „А что слободчаня митрополичи продадутъ свое домашнее или что купятъ себѣ надобное въ моей отчинѣ въ великомъ княжении, отъ того имъ тамга ненадобѣ, ни восмничее, ни мытъ, ни иная никоторая пошлина, развѣе перекупново товара. А которой слободчанинъ имети перекупнымъ товаромъ торговати, съ того возмутъ пошлинники тамгу и мытъ и восмничее по пошлинѣ“ [45]. Та же идея лежит в основе любопытной статьи некоторых монастырских грамот о так называемом сместном торге. Суть ее состоит в том, что с торговых сделок, в пределах монастырщины или на соседнем местном торге, монастырские люди и крестьяне должны были платить пошлины монастырскому приказчику, а посторонние люди — княжескому таможнику. Очень опре-

деленно это выражено в грамоте 1471 г. кн. Юрия Васильевича Тр.-Сергиеву монастырю, на село Куноки в Дмитровском уезде: „А кому будетъ монастырьскому человѣку съ монастырьскимъ человѣкомъ межу собя купити или продати или мѣнити, и они таможникомъ моимъ, ни пошлинникомъ не являютъ, ни пятенщикомъ не являютъ, жо, ни пятна у нихъ, ни пошлинъ съ того не даютъ. А лучится каковъ торгъ или мѣна монастырьскому человѣку съ гороцкимъ человѣкомъ или съ волостнымъ человѣкомъ, и гороцкой человѣкъ и волостной являютъ моимъ пошлинникомъ, а монастырьской являетъ своему монастырьскому приказнику, а таможники мои и пятенщики не въступаются въ монастырьского человѣка ни въ чемъ, ни всѣ пошлиники“ [46].

Поэтому мне представляется несомненным, что пожалование пошлинным тарханом имело целью, прежде всего, освобождать от этих пошлин владения грамотчика и сделки его людей между собой и устранить кормленщиков, таможников, мытников и других княжеских приказников от вмешательства во внутреннюю жизнь тарханного владения. В особенности это применимо к грамотам служилых людей. Монастыри получали привилегии этого рода в больших размерах. Иногда они получали право закупать безмытно и беспошлинно необходимые им запасы (в определенном количестве) в пределах уезда или вообще на ближайших торгах, а немногие, особо привилегированные монастыри, имели тоже право на всей территории княжества.

Такие пожалования не представляли затруднений и неудобств в небольших уделах XIV—XV веков. По мере же роста Московского государства контроль над грамотчиками становился все более и более затруднительным, и в этом можно видеть одну из главных причин, почему привилегии монастырей в этой области и в такой форме в XVI—XVII веках все время идут на убыль и сокращаются. Иначе обстояло дело с освобождением от пошлин владений грамотчиков и их людей в сделках между собой. Это преимущество стало общим и прочным приобретением частного и монастырского землевладения. Одним из результатов этого была централизация сбора пошлин на посадах. Другим следствием был переход некоторых пошлин в руки землевладельцев. К сожалению, в жалованных грамотах и других источниках мы встречаем на это редкие и случайные указания. Мы видели, что ярославские князья, отказываясь от различных пошлин, определенно говорили, что люди и крестьяне грамотчика должны являться своему господину и платить пошлину ему. Грамоты других княжеств об этом молчат. Только в некоторых монастыр-

ских грамотах, где среди других статей есть статья о конском пятне, говорится, что власти имеют право держать свое пятно и сбирать в свою пользу пятенную пошлину с своих крестьян. Но пожалование пятном встречается далеко не всегда и в монастырских грамотах, а в грамотах частным лицам мы не видим его совсем. Чем объясняется молчание грамот по этому вопросу? Мне кажется, что оно означает только то, что князья, отказавшись от известных доходов, переставали ими интересоваться и предоставляли грамотчикам самим поступать в дальнейшем по своему усмотрению. Вполне аналогичное отношение к делу мы видим и в вотчинном суде: давши грамотчику несудимость от наместников и волостелей и право вотчинного суда, князья переставали интересоваться этим вопросом, не вмешивались в отношения грамотчика к своим людям и никогда не думали давать последним права обжаловать приговоры вотчинного суда.

В общем несомненно, что процесс превращения этих сборов из княжеских в вотчинные протекал различно в зависимости от разных обстоятельств: в крупных боярщинах и монастырских и властелинских вотчинах были более благоприятные условия для сохранения этой „старины", чем в мелких боярщинах; в поместьях, часто переходивших из рук в руки, иначе, чем в вотчинах; в уездах, заселенных исстари, иначе, чем в землях, заселенных в XVI веке и позже; но также несомненно, что некоторые сборы сохранились и продолжали существовать в эпоху полного развития крепостного права. Так, во многих монастырских уставах XVI — XVII веков мы видим различные сборы, в которых легко узнать княжеские пошлины удельного времени. Таковы, например, сборы с купли-продажи и других сделок крестьян между собой или явка с пришлых людей, живших по найму или в гостях у монастырских крестьян. От удельных времен ведут свое начало пошлины с браков. Только в зависимости от изменившихся условий они утратили свой первоначальный характер и превратились — новоженный убрус превратился в право господ давать или не давать разрешения на браки внутри боярщины, а выводная куница получила характер выкупа от крепостной зависимости или продажи жениха или невесты.

VII.

Основные элементы судебного иммунитета. 1) Несудимость. Ответственность за душегубство, разбой и татьбу с поличным. 2) Право вотчинного суда. 3) Сместный суд. 4) Исключительная подсудность князю.

Те же тарханно-несудимые или особые несудимые грамоты определяли новое положение грамотчика и его владения в области суда и администрации. Несудимые грамоты развитого типа (второй половины XV века и позднее) всех великих и удельных князей, за исключением рязанских, состоят обыкновенно из четырех статей, которые следуют в одном порядке и по существу, несмотря на некоторые отличия в терминах и формулировке, сводятся к четырем основным положениям.

Первая, самая важная статья, от которой грамоты получили свое название несудимых, определяет отношение местных представителей княжеской власти к владению грамотчика и состоит в следующем. Наместники и волостели и их тиуны „не въѣзжаютъ ни по что“ во владение грамотчика, „не вѣдаютъ“ его людей ни в чем, „не всылаютъ“ к ним своих приставов и вообще всяких людей и не судят грамотчика и его людей ни в чем, „опричь душегубства“ или „опричь душегубства и разбоя и татьбы съ поличнымъ“. Пожалованье полной несудимостью встречается редко, преимущественно в грамотах мелких удельных князей (напр., Ярославских князей XV века), и только в древнейшее время. В течение всего XV века несудимость ограничивается — сначала делами о душегубстве, а затем и делами о разбое и татьбе с поличным.

Очень часто одновременно с несудимостью грамотчик получал свободу от кормов и поборов наместников и волостелей и их людей: тиунов, доводчиков, праветчиков и других. Если он не получал этой свободы, то во всяком случае, повидимому всегда, „черные кормы“, т.-е. кормы натурой заменялись „бѣлымъ кормомъ“, т.-е. определенным (посошно) денежным платежем [47].

По поводу первой статьи необходимо сделать некоторые пояснения о душегубстве, так как в несудимых грамотах этот термин имеет не такое значение, какое мы придаем ему теперь. Душегубством называлась вообще всякая неестественная смерть: убийство, самоубийство, смерть от собственной или чужой неосторожности, или от различных

случайностей, независящих от человеческой воли. По несудимым грамотам можно хорошо проследить, как изменялась с течением времени ответственность за душегубство. В грамотах московских князей ограничения несудимости делами в душегубстве мы видим уже в начале XV века [48]. В первой четверти XV века, судя по сохранившимся грамотам, полная несудимость была уже исключением. В грамотах других князей, например, тверских, ярославских и может быть рязанских, ограничения появляются позже, под несомненным влиянием московских порядков.

Едва ли можно оспаривать, что в этом ограничении несудимости грамотчиков сказалась новая идея — идея общественной опасности душегубства и необходимости вследствие этого изъять дела о душегубстве из сферы вотчинного суда. Одновременно с этим, или немного позже, появляется другая идея, под влиянием которой существенным образом изменяется старый взгляд на душегубство и ответственность за него. Во-первых, появляется понятие „безхитростного" душегубства, т.-е. такой смерти, которая произошла без участия злой воли человека. Такое душегубство освобождается от виры и продажи в пользу наместников и волостелей. Во вторых, население освобождается от ответственности (виры), если найдет в своей среде душегубца и выдаст его на казнь и продажу наместнику или волостелю. В несудимых грамотах эти положения появляются в середине XV века [49]. Позже они входят и в уставные грамоты. В Белозерской наместнической уставной грамоте 1488 г. эти положения формулированы ясно и дано перечисление (примерное, конечно), случаев бесхитростного душегубства: „въ лѣсѣ дерево заразитъ, или съ дерева убьется, или звѣрь съѣстъ, или хто въ воду утонетъ, или кого возомъ сътретъ, или кто отъ своихъ рукъ потеряется". В жалованных и уставных грамотах с начала XVI века эти статьи становятся обычным элементом и развиваются в подробностях. Пополняется перечисление возможных случаев бесхитростной смерти, любопытное, как указание на несчастные случайности, которые, по бытовым и экономическим условиям, чаще всего грозили жизни московитов: „кто виномъ обопьется", „кусомъ подавится", „съ качелей убьется",„ съ студена умретъ", т.-е. замерзнет, „въ огнѣ сгоритъ", „обѣсится", т.-е. повесится кого лошадь убьет, на мельнице колесом сотрет, „громомъ убьетъ", „мертвую голову водой принесетъ" и т. п. Затем появляются статьи относительно обыска про душегубство, направленные на то, чтобы оградить население от возможных притеснений приставов, производящих обыск про бесхитростное душегубство. Так, в грамоте 1518 г. Чухломскому

Покровскому монастырю сказано: „А коли изъ Галича намѣстничи надѣлщики пріѣдутъ убитые головы осматривати, и онѣ осматриваютъ съ старостою волостнымъ, да съ нимъ лутчихъ людей человѣкъ 10. А по волости намѣсничимъ недѣлщикомъ самимъ не ѣздити, а безъ старосты и безъ лутчихъ людей недѣлщику убитые головы не осматривати и на поруку крестьянъ не давати“ [50].

Таким образом, жалованные грамоты, ограничив несудимость, а вместе с тем и право вотчинного суда, делами в душегубстве, одновременно провели в жизнь понятие бесхитростного ненаказуемого душегубства, а затем сняли с населения коллективную ответственность в тех случаях, когда оно находило и выдавало душегубца властям.

Вторая статья несудимых грамот является естественным выводом из первой и формулируется обыкновенно так: „А ведаетъ и судитъ техъ своихъ людей NN во всемъ самъ, или кому прикажетъ“. Она является выводом из первой в том смысле, что грамотчик получал всю административную и судебную власть, которой по первой статье лишались намѣстники и волостели. Эта статья, в связи с независимостью владения и людей грамотчика от местного тяглого мира и власти дворских и сотских, давала грамотчику всеобъемлющую и безответственную власть над населением его владения. Ни в одной несудимой грамоте нет не только указаний, но даже намеков на то, чтобы люди и крестьяне грамотчика имели какой-нибудь легальный путь обжалования приговоров вотчинного суда. Из ведомства вотчинного суда были изъяты дела о душегубстве и разбое с поличным, но во всех остальных делах грамотчик судил своих людей в первой и последней инстанции. Нельзя категорически утверждать, что люди грамотчика никогда и ни в чем не могли жаловаться князю, но если это было возможно, то только в порядке житейском, а не легальном. Между тем в житейском порядке это было немыслимо потому, что грамотчик кроме судебной и административной власти имел большую власть в вопросах тягла, а сверх того был полным хозяином земли.

Третья статья давала грамотчику право сместного суда. В XVI веке сместный суд — уже отмирающий пережиток старины, но в XV веке и раньше это — живой и очень характерный институт глубокой древности. Сместными (совместными) или „вобчими“ делами назывались такие, в которых сторонами были люди двух различных присудов, т.-е. люди, подсудные различным судьям. В Московском царстве, в приказном строе суда и управления утвердилось правило подсудности дела тому суду, которому был подсуден

ответчик. Не так было в средние века. Древний процесс носил ярко выраженный характер состязания сторон. Термин „ответчик“ известен в XV веке и иногда употребляется, но обыкновенно обе стороны назывались истцами, людьми, которые ищут, каждый своего. Они „тягаются“ перед судьями, кто кого „утягаетъ“, т.-е. перетянет. Отсюда—тяжба, как общее название всякого судебного спора. Судья держит себя пассивно: если он предпринимает какие-нибудь действия, напр., обыск, осмотр, вызов послухов и т. п., то только по просьбе истцов. Каждая сторона вызывает своих послухов и знахарей — старожильцев, которые выступают на суде не как свидетели правды, а как сторонники своего истца. Крайним аргументом в устах истцов и их послухов и старожильцев является готовность поцеловать крест (взять дело себе на душу) и лезть на поле, т.-е. разрешить спор в поединке, с оружием в руках. Поэтому отказ послуха или старожильца биться на поле равносилен отказу от своих показаний, а отказ в том же со стороны истца равносилен потере всей тяжбы. Назначение судьи состоит, главным образом, в том, что он наблюдает, чтобы стороны не употребляли на суде и на поле недозволенных и неосвященных обычаем средств борьбы, а затем, когда стороны исчерпают все средства, он произносит приговор и приводит его в исполнение.

Другой характерной чертой древнего суда является его теснейшая связь с управлением вообще. Суд не самостоятельный трибунал права и справедливости, а одна из отраслей или, лучше сказать, одно из средств управления. а затем и доходная статья власти. А так как управление сводилось, главным образом, к сбору даней и доходов, то выражение: „вѣдать судомъ и данью“, определяло всю сумму прав князя и землевладельца по отношению к земле и ее населению. В конце удельного времени суд в душегубстве и разбое выделяется из общей массы судных дел, но людям более раннего времени было трудно представить себе независимую власть над землей и людьми без права суда и дани. Между тем, все общество распадалось на более или менее независимые союзы. Начиная с великих князей, совершенно независимых друг от друга, переходя к удельным, связанным друг с другом только узами родства и договоров, спускаясь к служебным князьям, лишенным некоторых политических прав, но сохранившим в большей или меньшей мере свои остальные права, внизу общественной лестницы мы видим массу землевладельцев, права которых отличались от княжеских больше количественно, чем качественно. Спускаясь еще ниже, мы видим, что и тяглые,

зависимые от князей люди, тоже замыкаются в независимые друг от друга ячейки, объединяемые не административной и судебной иерархией, а волей князя, в уделе которого они находятся.

При таком характере судебного процесса, при отсутствии понятия о независимом суде и при такой структуре общества сместные суды были естественным и лучшим способом предотвратить постоянные самоуправства и хроническую войну союзов и ячеек между собой. Сущность сместного суда состояла в том, что общие или сместные тяжбы разбирались и решались совместно представителями-судьями обоих заинтересованных сторон. Состязательный характер процесса оставался тем же, что и в обыкновенных судах, но только каждая сторона имела своего судью, который, по выражению некоторых документов, „берегъ въ судѣ своего человѣка". Если сместные судьи по тем или иным причинам не могли вынести приговора, или если их приговор не удовлетворял тяжущихся, то приходилось прибегать к третейскому суду, т.-е., к суду третьих лиц, излюбленных сторонами или назначенных путем жребия.

Это право сместного суда составляло третью статью несудимых грамот. Ясная и довольно однообразная формулировка этой статьи не нуждается в разъяснениях. Следует только отметить ту сторону ее, которая имела в виду обеспечить независимость грамотчика и его людей. Наместники и волостели не имели права всылать своих приставов во владения грамотчика „ни по что". Чтобы вызвать человека грамотчика на суд, посторонний истец должен был обращаться к самому грамотчику, который давал ответчика на поруку и ставил его на суд. Затем наместник или волостель судили дело вместе с грамотчиком, при чем, как выражаются некоторые документы, „одинъ безъ одного" судьи не имели права совершать никакие судебные действия: обыски, осмотры, допросы и т. п. они должны были делать вместе. Когда приговор был постановлен, то каждый судья „зналъ" своего человека и не должен был „вступаться" в чужого человека, „ни въ правого, ни въ виноватого". Это значило, что судья виноватого сам должен был взыскать со своего человека судебные пошлины и „истцевы вину", т.-е. исковую претензию. Последнюю он должен был передать судье оправданного, а относительно судебного прибытка, т.-е. пошлин, существовало два порядка, различие которых имело исключительно фискальное значение и не касалось существа сместного суда. Огромное большинство грамот монастырям ограничивается требованием, чтобы

каждый судья не вступался в чужого человека, т.-е. он мог взыскивать в свою пользу пошлины только с своего человека. Коротко и ясно это выражено в грамоте ярославского князя Александра Федоровича: „Прибытокъ по человѣкѣ — чей человѣкъ, (того и) прибытокъ“ [51]. Другим порядком был раздел пошлин между судьями „наполы“, „безъ обиды“, т.-е. пополам. Этот способ — такое же общее правило для несудимых грамот служилым людям, как первый — для монастырей. Нельзя сказать, чем объясняется это различие, но несомненно только, что оно не касалось существа сместного суда. Это видно из того, что в большинстве несудимых грамот митрополитам пошлины делятся тоже пополам.

В таких общих чертах рисуется сместный суд по несудимым грамотам. На деле, однако, должны были возникать вопросы, о которых грамоты молчат. Не входя в подробности, я постараюсь осветить два вопроса, имеющие значение для моей темы.

Какие последствия наступали, если сместные судьи разногласили и не могли вынести совместного приговора? Огромное большинство грамот об этом ничего не говорит. Ясное решение вопроса мы находим только в нескольких грамотах митрополитам. Так, в грамоте 1465 г. в. кн. Ивана Сновидскому митрополичу монастырю сказано: „А о чемъ ся судьи сопрутъ межи собою, или доложатъ менѣ великого князя, а исцовъ обоихъ поставятъ передъ мною, передъ великимъ княземъ“ [52]. Затем можно указать несколько грамот монастырям, в которых возможное разногласие судей предусмотрено в иной форме, но на практике должно было приводить к тому же результату, то-есть к докладу князю. Таковы грамоты кн. Андрея Дмитриевича и его сына Михаила Кириллову монастырю, по Белоозеру, и две грамоты кн. Андрея Васильевича, по соседней с Белоозером Вологде, одна — Кириллову же монастырю, а другая — Спасо-Каменному. Эти грамоты дают грамотчикам право отказываться по желанию от суждения с наместниками сместного дела и переносить его на суд князю [53]. Можно думать, что такой исход был общим правилом и что несудимые грамоты именно потому не говорят о нем, что это подразумевалось само собой.

В пользу такого мнения говорит следующее. В сместных междукняжеских судах, в случае разногласия судей, дело переносилось на суд третьих. Несудимые грамоты никогда не предусматривают третейского суда, и на применение его в этой области (т.-е. грамотчиков) указаний нет. Между тем практика суда так называемых „данныхъ“

судей [54] показывает, что в случае несогласия между ними дело переходило на суд князя. Еще одно соображение. Когда судьи разногласили или допускали неправильные действия, то по тогдашним понятиям и порядкам они становились как бы сторонами в тяжбе, и в случае жалобы истцов дело переносилось на суд князя, на котором судья или судьи попадали в положение ответчиков. Что же касается грамотчиков, в роли сместных судей, то следует заметить, что по четвертой статье несудимых грамот они были подсудны самому князю. Поэтому я думаю, что грамотчик по праву всегда мог перенести сместное дело на суд князя, если находил, что наместник или волостель судят пристрастно и неправильно.

Другой неясный вопрос сместного суда заключается в следующем. Статья несудимых грамот о сместном суде, как в древнейших грамотах, так и позже, имеет обыкновенно в виду такие случаи, когда человек грамотчика „связывался“ или „сплетался“ с человеком „городскимъ, становымъ или волостнымъ“. Как понимать эти термины? Городские люди, несомненно, всегда княжие и, как аковые, подсудны наместникам. С другой стороны, частновладельческие люди и крестьяне обыкновенно не называются становыми и волостными, так как не тянули к стану и волости с черными людьми. В некоторых грамотах волостные люди прямо называются княжими. Например, в грамоте 1473 г. Кириллову монастырю сказано: „А смѣшается судъ моимъ людемъ городскимъ или волостнымъ или сельскимъ съ монастырскими людми...“ [55]. В грамоте 1483 г. митрополиту на слободку Святославлю: „А о чемъ слободчаномъ смѣшается судъ съ моими людьми, князя великого, и волостели наши, съѣхався на рубежъ, да тому исправу учинятъ“ [56]. Но если все это люди князя, то распространялась ли статья о сместном суде на те случаи, когда человек грамотчика удился не с княжим человеком, а с человеком другого грамотчика? Мне представляется, что распространялась. Дело в том, что статья о сместном суде сложилась в те отдаленные времена, когда владение грамотчика было окружено главным образом княжескими землями. Поэтому она имела в виду сместные дела людей грамотчика с княжими людьми. Эти формулы несудимых грамот, подобно другим частям их, стали шаблонами и употреблялись по традиции, когда условия жизни значительно изменились. Быстрое распространение частного землевладения с последней четверти XV века (на поместном праве) приводило к тому, что все чаще человеку грамотчика приходилось сплетаться не с княжими людьми, а с людьми других грамотчиков.

Оба грамотчика имели право быть судьями в таких делах, и очень сомнительно, чтобы они были обязаны обращаться в таких случаях к наместникам и волостелям. В несудимых грамотах на это нет никаких указаний, а то, что они говорят о разделе пошлин наполы, несовместимо с участием в сместном суде двух грамотчиков третьего судьи—княжеского наместника. Мне кажется возможным объяснить молчание грамот тем, что князья просто не интересовались подобными тяжбами, и если люди двух грамотчиков сплетались, то они предоставляли грамотчикам самим расплетаться, как им было угодно. Поэтому бытовым путем выработался тот порядок разбора подобных тяжб, который прекрасно охарактеризован, в середине XVI века, Ченслером. Ченслер говорит, что всякий господин управляет своими крестьянами и судит их. „Если же случается, что поссорятся слуги и крестьяне двух господ, то оба господина, исследовав дело, призывают к себе стороны и произносят приговор. Если же вследствие противоречий господа не могут порешить дело, то оба они должны привесть своих слуг или крестьян перед высокого судью или судилище области (т.-е. перед наместника. С. В.) и, представив их, объяснить дело и обстоятельства“ [57].

В этом описании иностранца, незнакомого с русским языком и юридическими терминами, мы легко узнаем полюбовный сместный суд. Господа сами судили сместные дела своих людей и крестьян, и только в случае разногласия и невозможности решить дело полюбовно, им приходилось поневоле обращаться к суду наместника или волостеля. И обычай, и княжеские указы в самой широкой степени допускали решение всевозможных споров и тяжб (за исключением душегубства и разбоя с поличным, подсудных наместникам) путем мировых сделок или третейского суда и в известных случаях освобождали от судебных пошлин мировые сделки даже тогда, когда дело дошло до суда и княжеские судьи произвели некоторые судебные действия [58].

Поэтому я думаю, что грамотчики имели право судить тяжбы своих людей, как добрые соседи, своим сместным судом, и только в случае несогласий им ничего не оставалось, как итти на суд наместника или волостеля. Важно отметить, что в таком случае они лишались выгод сместного суда, так как выступали на суде княжеского судьи как равные стороны, втягивались, так сказать, в тяжбу своих людей, и на их распре возвышалась власть наместника, который при других условиях сидел с грамотчиком на суде как равный.

Четвертая статья несудимых грамот формулируется, начиная с древнейших грамот, довольно однообразно, но значение ее изменяется в зависимости от некоторых различий в редакции первой статьи. Обычно она выражена так: а кому будет (дело) чего искать на NN или на его приказчике, то их судит сам князь или его боярин введенный. Такая формулировка, взятая сама по себе, означает, что грамотчик и его приказчик ни в чем не подсудны наместникам и волостелям, и во всех исках, предъявляемых к ним, подсудны только князю. Первая статья очень многих грамот, особенно XVI века, подтверждает такой вывод: несудимость опричь душегубства или с большими ограничениями устанавливается не для самого грамотчика, а для его людей и крестьян. Например, в грамоте 1511 г. Ельчаниновым сказано: „И хто у нихъ въ тѣхъ деревняхъ учнутъ жити людей, и намѣстници наши Волотцкïе и ихъ тïуни тѣхъ ихъ людей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства“ [59]. Однако, в некоторых грамотах, преимущественно XV века, первая статья читается иначе. Так, в грамоте 1461 г. кн. Ларе Хотетовскому сказано: „намѣстницы мои и ихъ тïуны не судятъ Ларю и его крестьянъ ни въ чемъ, опричь душегубства“... [60]. Некоторые грамоты выражаются неясно. Так, в грамоте 1435 г. Михаилу Яковлевичу с детьми сказано: „Што ихъ села въ Кинелѣ и въ Городъскомъ уѣздѣ въ Переяславскомъ, и мои намѣсници Переяславскïе и Кинельскïе волостели и ихъ тивуни не вслылаютъ къ нимъ своихъ довотчиковъ ни по што, ни къ ихъ людемъ, и не судятъ ихъ опроче душегубства“ [61]. Буквальный смысл подобных грамот заставляет допустить, что в некоторых случаях грамотчик был подсуден наместникам и волостелям в делах о душегубстве и проч., и что, следовательно, четвертую статью надо понимать в таких случаях ограничительно, т.-е., что грамотчик и его приказчик были подсудны князю во всех делах за исключением тех, которыми была ограничена несудимость в первой статье. С начала XVI века решительно преобладает формулировка грамоты 1514 г. Ельчаниновым, т.-е. полная несудимость грамотчиков на местах.

На основании этого я полагаю, что если в XV веке грамотчики иногда были подсудны наместникам и волостелям в делах о душегубстве и пр., то в XVI веке общим правилом стала исключительная подсудность их самих и их приказчиков только самому князю и боярам введенным.

VIII.

Особенности формул и терминологии иммунитетных грамот Рязанского княжества.

Грамоты Рязанского княжества настолько отличаются от грамот всех остальных княжений, что нуждаются в особом исследовании. Исследование даст не особенно большие результаты, но конечно следует попытаться выяснить возможно больше. Главным препятствием является не столько ограниченное количество дошедших до нас грамот, сколько почти полное отсутствие источников других родов, при помощи которых можно было бы выяснить и проверить показания жалованных грамот. Между тем, как раз рязанские грамоты, с их архаической терминологией и неподвижными, застывшими лет на 200 с лишним формулами, особенно нуждаются в освещении источниками другого рода.

Отмечу коротко главные особенности рязанских грамот. Среди грамот Рязанского княжества, как местности, которая чаще и сильнее страдала от татарских набегов, много таких, которые дают льготу в податях. Льгота дается на три-пять лет, реже — больше, и в таких однообразных выражениях: „Дань и ямъ ненадобя имъ, ни которая тягость“, или „тягость имъ ненадобѣ никоторая“, или: „дань свою и ямъ отложилъ на 3 года“ [63]. Из этого можно заключить, что после льготных лет грамотчик должен был нести эти „тягости“. И действительно, тархана от этих повинностей, как в московских грамотах, в рязанских мы не видим. Затем, ни в одной грамоте нет постоянного в московских и других грамотах пожалования особым от черных людей тяглом. Ни в одной грамоте нет ограничений несудимости. Да и о суде кормленщиков упоминается только в двух грамотах, притом позднего времени—начала XVI века. Все отношения волостелей определяются, начиная с древнейших грамот, однообразно в таких выражениях: „волостели въ околицу не въѣзжаютъ“, а ниже прибавляется: „а рѣзанка, шестьдесятъ, вина и полично къ волостелю моему отъ нихъ изъ околицы не идетъ, ни татинъ рубль, што учинитца татба въ ихъ околицы промежъ ихъ которого людей“ [65]. Ни в одной грамоте нет ни слова о праве вотчинного суда, ни слова о сместном суде, и только в двух грамотах начала XVI века говорится о подсудности грамотчиков князю [66]. Наконец, ни в одной грамоте нет тех добавочных второстепенных пожалований в области суда,

вроде сроков ответа, безхитростного душегубства, данных приставов и т. п., которыми так богаты грамоты других княжеств. Все рязанские грамоты написаны лаконично, шаблонно и в архаических выражениях, как будто у авторов их не было времени и охоты думать и писать, а бумага была большой редкостью.

Возникают интересные вопросы: в какой мере эти однообразные на протяжении столетий шаблоны отвечали действительности? в какой мере тарханно-судебный иммунитет Рязанских князей отличался от иммунитета других княжений? если отличался, то в существенном ли, или в подробностях?

На первый вопрос можно ответить только отрицательно: под покровом шаблонов жалованных грамот жизнь развивалась своим чередом. И можно указать, в каком направлении: Рязань находилась под влиянием Москвы, и ее порядки сближались с московскими. Это видно из следующего. Я указал, что ни в одной Рязанской грамоте нет ни слова об ограничениях несудимости, ни о сместном и вотчинном судах. Последние известные нам грамоты Рязанских князей это — две грамоты 1511 г. в. кн. Ивана Ивановича Гр. Кобякову и Ворыпаевым [67]. Они почти дословно повторяют грамоты, данные на столетие раньше [68]. Удел. в. кн. Федора Васильевича (его треть) отошел к Москве в 1503 г. Все остальное княженье, удел в. кн. Ивана, присоединено к Москве в 1520 или 1521 году. В 1520 году московский вел. князь Василий дал тарханно-несудимую грамоту Рязанскому Терехову монастырю, а в 1523 г. — несудимую грамоту С. Коробьину на вотчину в Рязанском уезде [69]. В обеих грамотах нет и следа от терминологии и особенностей рязанских грамот, а статьи их о суде являются типичными московскими статьями. Может показаться странным, как бесследно и быстро рязанские порядки сменились московскими. Но дело объясняется тем, что они давно уже стали близкими к московским, и что грамоты 1511 г. Кобякову и Ворыпаевым совершенно не отвечали действительности. Об этом мы узнаем случайно из договора рязанских князей 1496 г.

Князья Иван и Федор Васильевичи, разделивши между собой княжение, определили в договоре взаимные обязательства и, между прочим, обязательство не вступаться в не свой удел. По этому поводу они определили свои отношения к рязанскому владыке и монастырям: „а судъ мой, великого князя, надо владычними людьми въ душегубствѣ и въ розбои и въ татбѣ, а межъ моихъ людей и владычнихъ людей судъ и приставъ вопчей; а межъ владычнихъ

людей владычень судъ". Ниже относительно монастырей: „а межъ своихъ людей монастыри судятъ сами, а приставъ ихъ за ихъ людми, а вѣдаютъ своихъ людей по старинѣ". Выше в том же договоре в. кн. Иван ограничивает судебные права своего брата кн. Федора в Переяславле на посаде делами в душегубстве, разбое и татьбе с поличным и говорит, что во всех прочих делах посадских людей кн. Федора судит его приказчик. Мы видим здесь совершенно отчетливое ограничение несудимости, как в московских грамотах, сместный суд и право вотчинного суда. Все это не только хорошо известно в Рязани уже в конце XV века, но и представляло там общее правило.

Если рязанские грамоты XVI века, а может быть и всей второй половины XV-го, представляются уже анахронизмом, то с другой стороны их архаичность представляет интерес, как остаток глубокой старины. Прежде, чем ответить на второй вопрос, поставленный выше, следует разобраться в некоторых спорных и неясных терминах, встречающихся в них.

В 1303 г. в. кн. Михаил Ярославич дал владыке Степану и храму Бориса и Глеба уезд к селу Владычню „съ рѣзанкою, и съ 60, съ винами, поличнымъ" [71]. В известной грамоте в. к. Олега Ивановича Ольгову монастырю, третьей четверти XIV века, земли жалуются со всеми угодьями и „съ рѣзанками, и со 60, и съ винами, и съ поличнымъ, и со всѣми пошлинами"... „а волостели мои ать не вступаются въ нихъ (т.-е. в людей монастырских) ни о которомъ же дѣлѣ". Тот же князь жалует (не позже 1402-года) Солотчинскому монастырю землю со всеми угодьями и рыбной ловлей в озере Тиши, „и съ поземомъ, и съ рѣзанкою, и шестдесятъ, съ виною, и съ поличнымъ, и съ безатшинами" [72]. Само собой напрашивается сравнение этих архаических выражений с одним из древнейших памятников русской письменности — с грамотой кн. Мстислава Владимировича (1128—1132 гг.) Новгородскому Юрьеву монастырю, в который земля дается „съ данію, и съ вирами, и съ продажами, и вено вотское" [73]. Таковы, повидимому, были форма и содержание древнейших грамот: князь перечислял доходы и права, от которых отказывался в пользу грамотчика, и запрещал своим наместникам и другим людям въезжать и вступаться во владение грамотчика. Последнему предоставлялось самому сделать из этого практические выводы, поскольку обычаи не давали готового и обязательного решения.

Те же метонимии, умолчания и лаконизм мы видим в древнейших грамотах не только рязанских, но и других

великих и удельных князей, но в то время, как грамоты последних развиваются на наших глазах (в течение XV в.) в целые уставы со множеством статей, рязанские грамоты застывают в архаических формах и, в конце концов, совершенно перестают отвечать действительности. Но если они не дают подробностей, то основная идея иммунитета выступает в них с первобытной силой и элементарностью: волостели не вступаются в людей грамотчика „ни о которомъ же дѣлѣ“; „волостели и даньщики и ямъщики ать не займаютъ... ни по что“ [75]. „А намѣстницы мои Ростиславскіе и ихъ тїуни и ихъ доводщики къ Павлу въ то село не въѣзжаютъ, ни всылаютъ ни по что, ни судятъ его людей“ [76].

Выше я говорил, что в рязанских грамотах нет таких тарханов, как в московских, но мы находим в них то же разграничение интересов князя и грамотчика, которое я считаю очень существенным элементом тарханных грамот. Только оно производится не в виде перечисления повинностей, от которых князь освобождал грамотчика, а в форме перечисления приказчиков князя, которым запрещается въезд в околицу грамотчика.

Большинство грамот перечисляет, после волостеля, следующих людей князя: ямщика, бобровника, боровщика и закосника. Так как льготные грамоты освобождают от яма только на время, то остается предположить, что рязанские грамотчики несли ямскую повинность деньгами или натурой, но самостоятельно, без вмешательства ямщика, т.-е. приказчика, заведывающего ямами. Боровщики и бобровники это — охотники и ловчие князя. Значение термина закосник выясняется московскими грамотами. Мы видели, что повинность кормить княжего коня и заготовлять для него сено была одной из самых распространенных и важных. При коне жил на счет населения конюх. Иногда повинность косить сено была заменяема закосом, или закосной пошлиной, т.-е. денежным платежом. Отсюда, как мне кажется, ясно, что закосник рязанских грамот есть конюх, а запрещение ему въезжать в околицу грамотчика равносильно освобождению от повинности кормить княжего коня и косить ему сено.

Некоторые грамоты указывают еще других княжеских людей: чашников, ключников, рыбных ловцов, бортников и каких-то „пѣздовыхъ“. Все это, несомненно, люди княжеского хозяйства. Если запрещение въезжать в околицу волостелю, даньщику и ямщику освобождало рязанского грамотчика от суда и непосредственной власти этих агентов, то запрещение въезда хозяйственным агентам освобо-

ждало его от вотчинно-хозяйственных повинностей княжеского хозяйства. Таким образом, мы видим здесь существенные черты независимости грамотчика и освобождение от повинностей вотчинного характера, как в грамотах других княжеств.

Особняком стоит пожалование „безатщинами“, в грамоте в. кн. Олега, Солотчинскому монастырю [77]. Если я не ошибаюсь, то это единственный случай, не только среди рязанских грамот, но и вообще всех сохранившихся грамот [78]. Смысл его ясен. По терминологии Русской Правды задница значит наследство, а беззадчина — выморочное наследство. „Аще смердъ оумретъ безажю (без дети), то князю задница“. Таким образом, пожалованье беззадчинами означает отказ князя от права на выморочные имущества и пожалованье этим правом грамотчика. Очень интересная черта глубокой древности.

После запрещения волостелю и другим лицам въезжать в околицу грамотчика, мы видим во всех грамотах стереотипную статью, как бы слабую попытку развить и пояснить основную идею независимости. Статья эта уже в XVII веке была совершенно непонятна переписчикам и потому подвергалась самым немилосердным искажениям. Правильное чтение ее такое: „а рѣзанка, шестьдесятъ, вина и поличное изъ его околицы къ волостелю моему не идутъ, ни татинъ рубль, что учинится татьба въ его околицѣ промежъ его людей“ [79].

Что такое резанка и 60? Первое предположение, которое приходит на ум, имея в виду помещение их с несомненно судебными пошлинами, то, что это какие-нибудь судебные сборы. Однако, замена этих терминов в грамотах конца XV века одним словом: явка, заставляет искать другого объяснения. Напр., в грамоте 1491 г. сказано: „А явка и вина и поличное у него изъ околицы не идетъ“... и т. д. [80], Явки, как судебной пошлины, мы не встречаем нигде.

Первоначальное значение слова „рѣзанка“ не вызывает сомнений. Это—денежный знак, несомненно, металлический. Славяне, не имея своих драгоценных металлов и не умея чеканить монету, употребляли в торговле слитки и иностранные монеты. У северовосточных славян в большом количестве ходили арабские монеты, в особенности серебренные диргемы. Диргемы, как слишком крупные единицы, были, как выражаются экономисты, слишком тяжелой единицей, и потому установилось обыкновение разрезать их на части, которые ходили в торговле, как самостоятельные, определенной величины единицы. В. К. Трутовский полагает, что резанка была равна $^1/_3$ ногаты, весила $10\,^2/_3$ доли серебра

и была равноценна куне [81]. Мы можем положить, что называется, это мнение на душу В. К. Трутовскому, так как для нас важно только то, что резанка была денежным знаком определенной величины.

В актах XIV в. резанка, как пережиток старины, упоминается наряду с монетой своего чекана. Напр., в договоре в. кн. Дмитрия с в. кн. Тверским 1368 г. определены пошлины приставу: „хоженого въ городѣ алтынъ, а на правду — вдвое, а дальний ѣздъ — веръста по рѣзанѣ, а на правду — вдвое“ [82]. Из этого видно, что резанка была мелкой единицей. Действительно, первый Судебник (44 статья) определяет хоженое приставу в 4 деньги, а езд по 1 деньге с версты, а на правду — то и другое в двойном размере. Отсюда резанка, подобно другим мелким денежным единицам, напр., белке и деньге, легко могла стать синонимом налога, который взимался в размере ее. В таком именно смысле употребляются белка и резанка в некоторых белозерских грамотах первой половины XV века. В одной грамоте Кириллову монастырю читаем: „ненадобѣ моя дань, ни писчая моя бѣлка, ни рѣзанка, ни иные никоторые пошлины“. В другой грамоте тому же монастырю, того же князя, вместо резанки стоят мыт и тамга: „ненадобѣ моя дань, ни писчая бѣлка, ни ямъ, ни подвода, ни мытъ, ни тамга, ни иная никоторая пошлина“ [83]. Так как тамга была долевым сбором, то ясно, что резанка в первом случае есть синоним мыта, который взимался в определенных ставках. Этот вывод совпадает с отмеченным выше фактом, что в позднейших рязанских грамотах, вместо резанки, стоит явка: явка и мыт часто и повсеместно употребляются как синонимы, так как при проезде через мытную заставу люди являлись мытнику.

Если резанка есть то же, что и мыт или явочная пошлина, то становится понятным помещение ее рядом со штидесятью. Последний термин выясняется сопоставлением двух договоров московских князей с тверскими.

В договоре 1398 г., в статье о мытах, сказано: „а на старыхъ ти мытѣхъ имати съ воза по морткѣ обѣушной, а костки съ человѣка — морътка, а поѣдетъ на версѣ (*т.-е. верхом*) съ торговлею, ино мортка же. А кто промытится, ино съ воза промыты по штидесятъ, а заповѣди штидесятъ одна, колько бы возовъ не было“. Лет через 50 те же князья устранили в своем договоре архаические термины и писали так: на старых мытах брать с воза по 1 деньге, „а костокъ съ человѣка деньга же“, с верхового человека с товаром — 1 д., „а кто ся промытитъ, ино съ воза промыты 6 алтынъ, а заповѣди 6 алтынъ, колько бы возовъ ни было“ [84]. Отсюда ясно

что 60 есть сумма каких-то денежных единиц, притом настолько общеизвестных, что не было надобности пояснять, каких именно. Во втором договоре 60 приравнено 6 алтынам, или 36 деньгам. Из этого видно, что 60 состояло из мелких единиц, быть может, морток. Очень вероятно, что в рязанских грамотах 60 состояло из резанок.

Таким образом, является возможным заключить, что „рѣзанка и 60“ есть то же, что мыт и промыт, и становится понятным, почему в грамотах более раннего времени они стоят рядом, а позже заменяются явкой. Пожалование ими одновременно вполне понятно, так как по общему правилу суд и пени за нарушение уставов о какой-нибудь пошлине всегда принадлежали тому же лицу или учреждению, которое сбирало пошлину. А в рязанских грамотах резанка и 60 стоят рядом с судебными пошлинами потому, что они вместе с последними повсеместно составляли главный доход наместников и волостелей.

Пожалование грамотчику вин, поличного и татина рубля было равносильно пожалованию несудимостью. Пожалование резанкой и 60 было освобождением владения грамотчика от мытов и промытов, которые обыкновенно были доходом волостелей. Это было пожалованием, аналогичным тому тархану от торговых и других пошлин людей грамотчика внутри его владения, который, как я старался показать выше, был существенным элементом тарханных грамот других княжеств.

Что касается указываемых в рязанских грамотах судебных сборов, то следует заметить, что слово „вина“ имело такое широкое значение, что по нему нельзя судить о роде дел, которые исключались из ведомства волостелей в пользу грамотчика. Поличное и татин рубль указывают на несудимость в делах о разбое и татьбе с поличным. В общем, вина, поличное и татин рубль обнимали, повидимому, всю совокупность судебных пошлин и потому были равнозначущими полной несудимости грамотчика и его людей. Выше было показано, что уже в конце XV века в Рязанском княжестве несудимость грамотчиков была ограничена теми же тремя категориями дел, как и в других княжествах. Когда и как наросли эти ограничения, мы никогда не узнаем, так как рязанские грамоты повторяют архаические формулы до последних дней независимости Рязани, когда эти формулы уже совершенно не отвечали действительности. В общем же, мне кажется, что рязанский иммунитет в существенном, в грубых, первобытных формах, тождествен с иммунитетом других северо-восточных русских княжеств.

IX.

Иммуннитет соборных, ружных и приходских церквей.

Судебные и податные привилегии иерархов церкви и монастырей так хорошо известны, что говорить о них нет надобности. Без преувеличения и не в шутку можно сказать, что монастырь, не имеющий тарханной и несудимой грамоты, на взгляд людей удельной Руси и Московского государства, был бы такой же нелепостью, как в настоящее время акционерное общество без устава. Для приобретения земли монастырь иногда нуждался в согласии князя, но раз последнее было получено, жалованная грамота выдавалась, так сказать, автоматически. Со второй половины XVI века часто встречаются случаи, когда на новое приобретение монастырь получал не тарханно-несудимую грамоту, как бывало раньше, а так называемую вотчинную, в конце которой прибавлялось, что наместники и волостели должны „ходить" о суде и податях, относительно новой вотчины, по прежним монастырским грамотам. Ту же легкость получения грамот мы видим при основании новых монастырей. Приведу один пример. В 1554 г., по челобитью и при поддержке тотмичей, старец Феодосий Суморин решил основать на Тотьме монастырь. Когда на это получено было благословение митрополита, то тотмичи били челом царю, чтобы он дал монастырю несудимую грамоту „потому, как и въ инпых нашихъ монастыряхъ отъ намѣстниковъ и отъ властелей наши жалованныя грамоты". Грамота была дана [85].

Иерархи церкви и монастыри лучше берегли и имели возможность лучше, чем частные лица и мелкие церковные учреждения, сохранять свои грамоты. Это чисто внешнее обстоятельство вызывало во взглядах историков на иммунитет своего рода аберрацию, очень частую при исследовании периодов истории, бедных источниками. Нижеследующее изложение имеет главной целью показать, что судебный и податной иммунитет сохранившихся монастырских грамот, в существенных чертах, а иногда и по объему, был очень распространенным явлением и вовсе не был исключительным уделом монастырей и черных князей церкви.

Тарханно-несудимых грамот соборным причтом дошло до нас сравнительно так много, что я склонен считать пожалование иммунитета соборам общим правилом. Их иммунитет в существенном, а часто и по объему и подробностям, ничем не отличается от монастырского. Причт, его

люди и крестьяне получают несудимость от наместников, право сместного суда и исключительную подсудность князю и его боярам. Право судить своих людей принадлежит протопопу. Как и все грамотчики, он и его товарищи-причетники могут поручать суд, „кому прикажутъ“. Если у собора в уезде есть вотчины, то теми же правами пользуются и живущие в них люди и крестьяне, над которыми протопоп с братьей имеет право вотчинного суда. Поскольку собор не освобожден от тех или иных податей и повинностей, он несет их особо от черных людей, как и другие грамотчики.

Дошедшие до нас жалованные грамоты относятся к XVI — XVII векам, но несомненно, что иммунитет соборов такого же древнего происхождения, как и монастырский. Вот случай XV столетия. Около 1468 — 1481 г. г., по челобитью устюжан, в. кн. Иван III послал Устюжскому тиуну С. Исакову грамоту о том, что Ростовскому архиепископу не велено „вступаться“ в вотчины Устюжского собора и судить крестьян и попов. Если архиепископ не исполнит приказания князя, то тиуну предписывалось это сделать самому— „вѣдаетъ тѣ всѣ деревни, которыя за ними, и тѣхъ крестьянъ всѣхъ протопопъ съ товарищи во всемъ и судитъ ихъ и рядитъ“. Десятинщики и посельские архиепископа ни в чем не должны судить соборного причта и крестьян, „а кому на нихъ будетъ чего искати, ино ихъ сужю язъ, самъ князь велики, или самъ архіепископъ“ [86].

Этот нередкий случай столкновения между собой духовных властей, сопровождающийся нередким же вмешательством в их распрю светской власти, показывает, что Устюжский собор имел привилегии несудимости и вотчинного суда.

В 1515 г. несудимую грамоту, с целым рядом других преимуществ, получил причт Дмитриевского собора во Владимире. Несудимость дана в обычном размере — опричь душегубства и разбоя с поличным — и распространялась на всех людей, а также и на крестьян, живших в деревнях собора. Далее даны — право сместного суда, право вотчинного суда, свобода от кормов и поборов наместников, данный пристав для охраны причта и его людей и суд вел. князя или его дворецкого для попов, дьяконов и их приказчиков [87].

В 1522 г. дана тарханно-несудимая грамота Воздвиженскому попу в Устюжне [88].

Не напечатанная тарханно-несудимая грамота 1536 г. Никольскому собору и его двум приделам (Воздвиженскому и Егорьевскому) в Можайске содержит много интересных подробностей. Среди податных привилегий определенно

указана особность тягла от черных людей: „зъ городцкими людми съ можаичи не тянутъ ни во что“ [89].

В 1601 г. переписана наново, с грамоты царя Ивана, несудимая грамота Спаса Преображения в Твери. В 1615 г. переписана наново грамота царя Ивана же Никольскому собору в Хлынове. В 1597 г. дана, по грамоте царя Ивана, грамота собору Рождества Богородицы в Муроме [90].

Из одного судного дела 1542 г. мы узнаем, что несудимую грамоту в. кн. Василия имели собор и причты ружных церквей в Кашире [91].

Очень интересна большая сводная грамота 1606 г. царя Василия Спасо-Преображенскому и Архангельскому соборам в Нижнем Новгороде. Она дана по грамотам в. кн. Василия и царей Ивана и Федора, которые царь Василий велел „списать“ в одну грамоту. Однако, некоторые статьи ее относятся, несомненно, к очень отдаленным временам, быть может, ко времени самостоятельности Нижегородского княжества, когда кн. Константин в 1350 г. возобновил Преображенский собор. Очень древнего, повидимому, происхождения статьи о руге, о порядке поминания нижегородских князей, о совместных торжественных службах соборных причтов с причтами приходских церквей и монастырей. Следы старины носит следующая статья о суде и тягле: „у которово протопопа или у протодьякона и у поповъ и у дьяконовъ сынъ или племянникъ, а живетъ съ нимъ на одномъ хлѣбѣ, и тѣмъ не тянутъ тягла съ черными людьми, а намѣстники ихъ не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства, разбоя и татбы съ поличным“.

Исключительными по размерам и разнообразию податными и судебными привилегиями пользовался Московский Успенский Собор. По грамоте 1598 г., являющейся, несомненно, подтверждением старых грамот, причт и его люди и крестьяне имели полную несудимость, а в делах о душегубстве, разбое и татьбе с поличным имели право суда с непосредственным докладом царю, „въ чем имъ не мочно управы учинить“ [92].

Если соборы таких небольших городов, как Кашира, Хлынов, Устюжна и Муром, имели тарханно-несудимые грамоты, то можно ли сомневаться, что такими же или еще большими правами пользовались старые соборы крупных городов. Достаточно напомнить св. Софию в Новгороде или Московские соборы, которые по размерам своих вотчин превосходили большинство рядовых монастырей. Поэтому, я думаю, что иммунитет соборов был таким же общим правилом, как монастырский.

Более сложным представляется вопрос относительно приходских церквей. Что касается церквей, находившихся

во владении митрополитов, владык, монастырей и частных землевладельцев, то, судя по всему, они находились под покровом иммунитета землевладельцев. Жалованные грамоты, давая несудимость и другие привилегии „людемъ и крестьянамъ“ грамотчика, никогда не делают исключения для духовенства или каких-нибудь других постоянных жителей иммунитетного владения. Поэтому, князьям не было надобности давать сельскому духовенству жалованные грамоты, и поэтому до нас не дошло княжеских грамот причтам таких церквей.

Само собой разумеется,что „въ вещехъ“ духовного суда приходские причты были подсудны только духовным властям, но во всем остальном они подчинялись режиму иммунитетного владения, в котором находилась церковь [93]. Вполне от воли грамотчика зависело пользоваться своим правом суда лично, поручить суд приказчику или дать, с своей стороны, несудимость причтам своих церквей.

В последнем отношении очень интересны две грамоты кн. Ф. Мих. Мстиславского, получившего от вел. кн. Василия Юхотскую волость, выморочный удел Юхотских князей (в Ярославском уезде). В 1533 г. он дал жалованную грамоту попу Якову, от церкви Фрола и Лавра, на 5 деревень и пустошь. Привожу эту ненапечатанную грамоту как редкий образец пожалований титулованных частных вотчинников. „Хто у него въ тѣхъ деревняхъ учнетъ житъ его людей и хрестьянъ, и тѣмъ людемъ и крестьяномъ къ сотцкимъ и гъ десятцкимъ съ тяглыми людми не тянутъ ни въ какие розметы, ни иные никоторые пошлины не надобетъ. А вѣдаетъ и судитъ своихъ людей и хрестьянъ попъ Яковъ. А тіуни наши и доводчики и праведчикъ къ нимъ не въѣждяютъ ни по што, ни поборовъ своихъ у нихъ не берутъ, и попа Якова и его людей и хрестьянъ не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и татьбы и разбоя съ поличнымъ. А сведетца судъ смѣсной нашимъ хрестьяномъ си-его хрестьяны, и тіуни паши ихъ судятъ, а онъ съ ними жъ; а присудомъ делятца наполы. А кому будетъ до него дѣло, ино его сужу язъ, князь Ѳедор Михайловичъ, или кому прикажу“ [94].

Его же грамота 1538 г. попу Дмитрию, от церкви Леонтья чудотворца, напечатанная Мухановым, в общем похожа на грамоту попу Якову. Отмечу в ней только статью о вотчинном суде: „А причетъ свой и людей и крестьянъ вѣдаетъ и судитъ онъ, священникъ Дмитрей, самъ, или кому прикажетъ“ [95]. В обеих грамотах мы видим точную миниатюру княжеских грамот — свободу от тягла с черными людьми и те же судебные привилегии.

Все известные нам великокняжеские грамоты приходским церквам относятся к таким, которые стояли на княжеской земле, т.-е. на посадах и в черных и дворцовых волостях.

Выше я упоминал, что несудимостью пользовались причты ружных церквей в Кашире. В 1518 г. получил несудимую грамоту причт церкви Николы чудотворца в Чюхломе [96]. В 1547 г. получили несудимую грамоту причты дворцовых сел Любанова, Кляпова, Васильевского, Зверева и Денисова [97].

Относительно приходских причтов в черных волостях мне известны 4 грамоты [98]. Если не ошибаюсь, в литературе на них еще не обращено внимание, так как они интересны во многих отношениях, то я позволю себе изложить их с некоторыми подробностями. Все четыре грамоты относятся к Устюжскому уезду.

В 1528 г. черный поп Иев с братьей, от церкви св. Николая на р. Толшме, бил челом в. кн. Василию, что они поставили церковь на диком лесу, где исстари не бывало ни церкви, ни дворов, ни пашни, и просил дать ему жалованную грамоту. В. князь дал ему этот лес „въ вотчину“, со льготой во всяких податях на 10 лет, с несудимостью опричь душегубства и разбоя с поличным, и с правом называть непись-менных и нетяглых людей. Затем ему дано право вотчинного суда: „А вѣдаютъ и судятъ игуменъ Иевъ зъ братиею тѣхъ своихъ людей во всемъ сами, или кому прикажутъ“. Сместные дела судят наместники и волостели, а игумен или его приказчик своих людей „въ судѣ у нихъ берегутъ“. Иски к игумену, братье и их приказчику судит сам вел. князь, или его боярин, или казначей. В 1540 г. грамота была подтверждена в. кн. Иваном, а в 1623 г. пересмотрена в Сыскном приказе, и попу Самсону дана новая грамота, в которой судебные привилегии подтверждены по существу в том же объеме, как было в грамоте 1528 г.

В 1551 г. получил грамоту поп Федор от церкви Благовещения на р. Сухоне, на устье Толшмы. Он бил челом, что в. кн. Василий дал ему жалованную грамоту, „по чему у тое церкви священнику, служа, питатися и пашня пахать; а приходу де у тое церкви нѣтъ ни единого человѣка“. „И та де церковь опустѣла и лѣсомъ поросла отъ великаго мору“, а когда князь умер (1534 г.), „и та грамота стала не въ грамоту“. Царь Иван пожаловал попа Федора „и его дѣтей“ и дал грамоту на старые роспаши, да придал вместо руги, „на воскъ и на темьянъ Карповской починокъ со всѣми угодьи“. Пожалованную землю царь освободил (без указания срока) от всяких податей и тягла с черными

людьми. Поп Федор, его дети и люди получили несудимость от наместников, кроме душегубства и разбоя с поличным, а сам Федор—исключительную подсудность царю. В 1595 г. грамота была подтверждена, а в 1623 г. причт получил из Сыскного приказа новую грамоту, почти дословно такую же, как грамота того же года попу Самсону. В этой грамоте прибавлены также и статьи о вотчинном и сместном суде.

В 1548 г. получил грамоту поп Иван Михеев с детьми и братьей, от церкви Ивана Предтечи на Толшме. Первое пожалование этой церкви относилось, повидимому, к концу XV века. Поп Иван бил челом, что церковь сооружена его дедом и не имеет прихода; к ней было дано 6 нетяглых и неписьменных починков, „и тѣ де починки запустѣли отъ казанскихъ людей, и лѣсомъ поросли, тому 20 летъ“; несудимая и льготная грамота на эти починки сгорела в церкви, сожженной казанскими татарами. Царь Иван пожаловал челобитчиков и дал несудимую грамоту со льготой во всяких податях на 10 лет, „и съ волостными людьми на розрубѣхъ не сидѣти, ни съ черными людьми не тянути ни въ которые проторы, ни въ розметы“. Далее им была дана свобода от кормов и поборов наместников и волостелей, несудимость в том же объеме, как попу Федору в грамоте 1551 г., право судить своих людей, право сместного суда и подсудность вместе с детьми и людьми, самому царю или его казначею. После льготных лет они должны были „потянути съ тѣхъ починковъ въ мою царя великаго князя казну (съ) своею братіею съ черными людьми во всѣ проторы и въ розметы по силѣ, чѣмъ ихъ обложатъ своя братья (sic) и впредъ чѣмъ нашъ писецъ опишетъ“. В 1623 г. потомки попа Ивана Михеева получили из Сыскного приказа новую грамоту, такую же, как другие Толшемские попы.

Меньшие привилегии получили в 1547 г.—поп Иван от рождества пречистой, на р. Цареве, и Никольский поп Ермолай с Тиксны. Они жаловались на то, что за ними нетяглые земли, за первым деревня Княгининская, а за вторым пустошь, „и нынѣ де то деревнишко и пустошь царевския крестьяне поворотили себѣ во всякую тягль и емлютъ съ нихъ всякую черную тягль“; от этого деревня запустела, и церковь стоит без пенья. Они просили освободить их от тягла, так как тяглой пашни за ними нет. Царь дал им грамоту условную: если их деревня и пустошь не были в тягле, то и впредь их не притягивать. Судебные привилегии они получили меньшие, чем толшемские попы: „Царевския волости волостели и ихъ тіуны попа Ивана да попа Ермолая и ихъ дѣтей и людей не судятъ ни въ чемъ, ни по правежнымъ

ни по судимымъ не въежжаютъ къ нимъ ни по что. А въ душегубствѣ и въ татьбѣ и въ разбоѣ съ поличнымъ судятъ ихъ устюжския намѣстники. А кому будетъ на нихъ чего искати, ино судитъ ихъ епископъ Ростовски владыка".

Изложенные грамоты представляют интерес в нескольких отношениях. Читая их одну за другой, представляешь себе жизнь Устюжского захолустья с ее простыми и в то же время своеобразными отношениями чернотяглых северных миров. Все эти попы, в сущности, те же черные крестьяне, только усвоившие наследственно профессию службы у церквей и пропитанья (без приходов) от земли, сначала своим трудом, а если дело пойдет хорошо, то трудом крестьян и половников. В их деятельности проглядывает двойственный характер: с одной стороны, это служители культа, созидающие новые храмы на диких лесах и посвящающие себя служению богу, а с другой — предприимчивые пионеры земледелия, уходящие от черного мира, чтобы не нести с ним тягла и обрабатывать землю на свободе. Вследствие этого в отношениях к ним князей и черных миров мы замечаем тоже несомненную двойственность. Они то дают им большие или меньшие привилегии и освобождают землю от тягла, а то как бы вспоминают и обращают внимание на то, что у этого явления есть другая, чисто хозяйственная сторона, и относятся к ним как к слободчикам и дают временную льготу для разработки диких земель, чтобы позже приравнять, как говорилось, „подъ одинъ верхъ" с черными тяглецами.

Интересно, однако, отметить, что в вопросе о судебных привилегиях этой двойственности не заметно. Князья хорошо знали, что без них поборы и притеснения наместников и волостелей и суровая стихия чернотяглого мира захлеснут и задушат эти слабые ростки новой жизни, и в результате не будет ничего — и церкви божии станут без пенья, и не будет новых поселений, которые современем можно привлечь к тяглу.

Изложенные выше факты дают мне основание полагать, что иммунитет соборных церквей был общим правилом, а иммунитет приходских — частым явлением. Не следует забывать, что грамоты властей, монастырей и соборов, имевших вотчины, д о л ж н ы были дойти до нас через те учреждения, которые управляли секуляризованными церковными и монастырскими землями. Если многое до нас не дошло, как следовало бы, то это объясняется разными случайностями [99]. Наоборот, грамоты соборов, не имевших вотчин, и приходских церквей дошли до нас совершенно случайно и в очень небольшом количестве.

X.

Иммунитет служилых землевладельцев. Прекращение выдачи им тарханных грамот около 1506 г. и несудимых грамот — около 1554 г.

В 90-х годах прошлого столетия Н. Ланге насчитывал 23 несудимые грамоты частным лицам, включая и грамоты неслужилым людям. В. И. Сергеевич насчитывал 18 грамот служилым людям [100]. В 1898 г. А. Юшков издал сборник актов XIII—XVII веков, представленных в Разряд служилыми людьми после отмены местничества [101]. В нем напечатано 58 тарханных и несудимых грамот и 2 грамоты на вотчины с правом суда. Несколько грамот, помещенных в редких и малоизвестных изданиях, было упущено из вида В. И. Сергеевичем и Ланге. Затем после сборника А. Юшкова разными лицами было найдено и напечатано еще десятка 2 жалованных грамот. Мне известно, вместе с несколькими грамотами, найденными вновь в архивах, более сотни грамот, хронологический список которых дан в приложении. Нет сомнения, что количество грамот этого рода еще возрастет, особенно когда будут обследованы дела Департамента Герольдии и бывших Дворянских Депутатских собраний, но и известное пока число грамот следует признать относительно большим. Укажу для сравнения на то, что за это же время (до середины XVI в.) нам известно менее, чем по десятку жалованных грамот на поместья и на вотчины. Можно сказать без преувеличения, что после монастырских жалованных грамот тарханные и несудимые грамоты служилым людям представляют один из самых многочисленных разрядов дошедших до нас официальных актов.

В. И. Сергеевич отметил, что среди грамотчиков есть Ивашки и Федьки, т.-е. мелкие служилые люди, и высказал на основании этого предположение, что подобные пожалования были очень распространенным явлением. Имея материал в 5 раз больший, мы можем высказаться определеннее: среди сотни с лишним грамотчиков мы можем отметить только несколько исторических имен, вроде кн. М. Кубенского или дьяка Вас. Щелкалова; можно насчитать десятка полтора лиц, принадлежавших к верхам служилого класса, большинство же грамотчиков — рядовые служилые люди, а иногда мелкие, вроде Шенуриных, которые втроем владели участком в $^1/_{16}$ сохи [102]. В некоторых грамотах есть недвусмысленные указания на низкое служебное положение грамотчиков. Напр., в 1519 г. два брата Ворыпаевых получили

несудимую грамоту на поместье, бывшее ранее за псарем. В 1507 г. получил грамоту сытник Курбат Третьяков. Среди грамотчиков есть лица, владевшие 2—3 деревнями, а известно, что деревня того времени была очень небольшой величиной. Таким образом, мнение, что несудимые грамоты получали „знатнѣйшіе“ или „крупнѣйшіе“ вотчинники, следует совершенно оставить. Тарханные и несудимые грамоты получали служилые люди всех чинов и разрядов, начиная с бояр и до мелких детей боярских и низших чинов княжеского двора.

Также неверно мнение, будто тархан и судебные привилегии были исключительным или преимущественным уделом вотчинного землевладения. Грамоты всегда указывают, где находится владение грамотчика и из каких селений оно состоит, но большею частью не говорят, на каком праве оно состоит за ним. Иногда можно догадываться, что речь идет о вотчине, иногда можно предполагать ту или иную форму условного владения, но в общем ясно, что с точки зрения князя, дававшего грамоту, этот вопрос был посторонним. Это замечание в особенности применимо к грамотам XV века. Только в одной из них мы находим определенное указание на условия владения. Это — грамота Шенуриным (1488 г., март.) в которой сказано, что вел. князь их жалует землей, пока они служат ему самому и его детям. С начала XVI века термин „помѣстье“ входит в употребление, встречаются грамоты, в которых пожалование несудимостью соединяется с пожалованием поместьем, и если взять грамоты 1506—1554 г. г., то мы увидим, что большинство их относится к поместьям. В общем же несомненно, что князья давали своим служилым людям несудимые грамоты независимо от свойств их прав на землю.

Древнейшая известная грамота дана в. кн. Василием Дмитриевичем Ив. Кафтыреву. Дата ее сомнительна. В родословной Кафтыревых и в одном списке грамота отнесена к 6902 году, т. е. к 1394-му, но во втором списке, исправленном дьяком, написано 6932-й год, т. е. 1424-й (см. приложение). По содержанию и терминам, она ничем не выделяется из массы грамот XV века. Некоторое представление о грамотах XIV века могут дать грамоты — Михаилу Яковлевичу (апрель 1435 г.) и Ив. Петелину (27 сентября 1450 г.), в которых сказано, что они даны „по грамотамъ“ предшествовавших вел. князей, начиная с Ивана Калиты. Выражение, что грамота дается „по грамотѣ“, означает, что новая грамота дословно или, во всяком случае, в существенном, действительно, воспроизводит старую грамоту [103].

Судя по этим грамотам, следует признать большую устойчивость пожалований московских князей, особенно,

если обратить внимание на то, что статьи грамот Михаилу Яковлевичу и Петелину о суде и проч. повторяются без существенных изменений в последующих грамотах, вплоть до последних грамот XVI века. Тарханные пожалования за это время потерпели большие изменения, но судебные обнаруживают большую устойчивость и изменяются с течением времени только в деталях.

Для общей характеристики грамот служилым людям следует, прежде всего, заметить, что в них нет ни одной статьи, которой мы не встречали бы, то чаще, то реже, в грамотах монастырям и другим грамотчикам. С другой стороны, в монастырских грамотах встречаются такие пожалования, которых в грамотах служилым людям нет. Таковы пожалования правом высылать „безпенно", т.-е. без опасения судебной ответственности, с пиров и братчин незванных, правом высылать из своих владений скоморохов и попрошаев, пожалование „даннымъ приставомъ", правом держать свое конское пятно и т. п. более редкие милости. Только в одной грамоте служилому человеку (1487 г. Ив. Глядящему) мы встречаем очень частую для монастырей привилегию отвечать на иски в определенные сроки, раз, два или три раза в году. Вопрос, почему служилые люди не получали подобных пожалований, представляет несомненный интерес, но я считаю возможным его обойти, так как все перечисленные и подобные им пожалования являются мелочами, такими подробностями, которые нисколько не изменяли и не касались основных норм иммунитета.

В существенном же грамоты служилым людям однородны с грамотами монастырям и другим грамотчикам, и если отличаются от них, то только меньшим разнообразием пожалований. Такая характеристика, однако, применима только к жалованным грамотам XV века. Переходя в XVI век, мы наблюдаем интересные явления, на которых следует остановиться.

Преобладающим типом монастырских грамот, начиная с древнейших и включая грамоты XVII века, следует признать тарханно-несудимые грамоты, т.-е. такие, в которых податные пожалования даются одновременно с судебными. Наряду с такими грамотами, грамоты только тарханные и только несудимые представляют меньшинство. Совсем иное мы видим в пожалованиях служилым людям. Для них за первые три четверти XV века преобладают тарханно-несудимые грамоты: на 19 таких грамот мы имеем только 2 несудимых и одну тарханную. Если взять время с 1475 г. по 1505 г., которое мне представляется переходным, то мы насчитаем на 16 тарханно-несудимых грамот 7 чисто

несудимых. Наконец, для времени с 1506 и по 1554-й год, год когда выдача грамот прекращается, мы имеем 51 несудимую и только 3 тарханно-несудимых грамоты. Если же мы рассмотрим последние 3 грамоты, то увидим, что они исключительны и поэтому не показательны.

Две из них (грамоты 1519 г. Ворыпаевым и Кобякову) относятся к Рязанскому княжеству, где, как мы видели, были особые порядки и формы жалованных грамот. Третья грамота—грамота 1547 г. кн. М. Кубенскому дана московским вел. князем, но исключительна во всех отношениях: она дана потомку владетельных князей и очень влиятельному при дворе человеку, а по размерам привилегий (полная несудимость и большой тархан) скорее является пожалованием удела, в роде пожалования кн. Ф. Мстиславскому выморочного удела Юхотских князей, чем обыкновенной жалованной тарханно-несудимой грамотой. Если принять во внимание исключительность этих трех грамот, то становится несомненным, что около 1506 года великие и удельные князья Московского дома (а кроме них в это время оставался независимым только один рязанский князь) прекратили выдачу служилым людям тарханных грамот и стали давать только несудимые. Ниже я попытаюсь объяснить этот факт.

В дальнейшем служилые люди стали получать только несудимые грамоты, и так продолжалось приблизительно до 7063 г., то-есть до второй половины 1554 г. К последним грамотам я причисляю грамоту 29 июля 1554 г. Аф. Сазонову. После этой грамоты нам известно еще пять жалованных грамот, но все они также исключительны, как тарханные пожалования после 1506 г. В виду важности вопроса, я позволю себе подробно аргументировать свое последнее утверждение.

Прежде всего следует сказать, что ни одна из этих пяти грамот не является несудимой в собственном смысле слова. Грамота 1556 г. вятским инородческим князьям есть жалованная грамота на поместье с несудимостью. И как поместная грамота она не типична, так как дана инородцам служилым людям, находившимся на особом положении. Не типична она и как несудимая грамота — князья подсудны не самому царю, а Хлыновскому наместнику. Грамота остяцким князькам Игичею и Онже есть вотчинная с правом суда и дани над соплеменниками князьков. Исключительность этих двух грамот ясна. В 1589 г. старица — Александра, вдова царевича Ивана, жаловалась царю на то, что всякие посланцы и пристава въезжают в ее вотчину и разоряют крестьян, взыскивая всякие подати; о нарушении ее

судебных прав она не говорила и вообще этого вопроса не касалась. В ответ на ее просьбу ей была дана тарханная от всяких податей грамота со старыми формулами о суде и невъезде всяких посторонних должностных лиц. В 1562 г. царь Иван „пожаловалъ“ кн. Анну Пенкову, вдову кн. Василия Даниловича, вотчиной ее покойного сына Ивана. На эту вотчину ей была дана грамота с обычными судебными привилегиями, по установившимся к середине XVI в. шаблонам. Эта грамота могла бы показаться не исключительной, если бы мы не знали, что в данном случае дело шло не о пожаловании какими-нибудь привилегиями, а как раз об обратном—о ликвидации владетельных прав в роде Пенковых, потомков ярославских удельных князей. Муж и сын кн. Анны владели в Вологодском и Переяславском уездах вотчинами на правах удельных князей, с полным правом суда и дани [104]. Царь Иван, оставляя из милости часть вотчин за кн. Анной, воспользовался случаем ликвидировать остатки удельного времени, а чтобы не было недоразумений, кн. Анна получила грамоту с обычными для служилых людей ограничениями.

Наконец, остается грамота 1571 г. известному временщику—думному дьяку Вас. Щелкалову. Она дана на вотчину, приобретенную Щелкаловым довольно необычным путем. Печатник Иван Михайлов „обесчестилъ“ Щелкалова и кн. Темкина. Царь присудил последним взыскать за бесчестье с Ив. Михайлова—Щелкалову 200 р., а Темкину 600 р. Виноватый, конечно, не мог выплатить таких денег, и в счет их у него была отобрана вотчина и отдана Щелкалову ($^1/_4$) и Темкину ($^3/_4$). Известно, что таким же путем Щелкалов приобрел вотчину и подьячего Айгустова. Одновременно с вотчиной Михайлова Щелкалов получил и его поместье, что было уже грубым нарушением поместного права. На поместье он получил ввозную грамоту обычного типа, т.-е. без упоминания о суде [105], а почему, сочиняя себе вотчинную грамоту на вотчину Михайлова, он нашел нужным вписать несудимость, неизвестно.

Отведя эти исключительные грамоты, я прихожу к заключению, что около 63 года выдача несудимых грамот служилым людям, в виде общей практики, была прекращена. Ниже я попытаюсь выяснить причины и значение этого факта, а пока буду продолжать исследование несудимых грамот.

Мы имеем теперь достаточное количество фактов, чтобы установить очень знаменательный факт: на место разнообразия пожалований XV в. — в частных вопросах, конечно, а не в существенном, — в XVI веке, приблизительно во вто-

ром десятилетии его, вырабатывается однообразный шаблон несудимых грамот. Форма их становится настолько шаблонной, что их можно было бы отпечатать и выдавать, как паспорта, вписывая в бланк имя и владение грамотчика.

Рассмотрим развитие отдельных статей. Во второй статье (о праве вотчинного суда) мы не видим никаких перемен. Во всех грамотах говорится одинаково, что грамотчик ведает и судит своих людей во всем сам или его прикащик. Однако, значение этой статьи изменялось в зависимости от содержания первой статьи. Я имею в виду ограничения несудимости. Полную несудимость от наместников и волостелей, а следовательно и полное право вотчинного суда, мы встречаем только в одной грамоте — в грамоте Ярославского князя Александра Брюхатого (1435—1463 г.г.) Ал. Рудину. Во всех грамотах всех других княжений мы видим ограничения, то опричь одного душегубства (20 января 1434 г.),—то опричь душегубства, разбоя и татьбы с поличным (1435 г. апрель), то делами первых двух категорий (3 января 1497 г.). При этом нет никакой возможности уловить какое-либо последовательное нарастание ограничений, ни понять, почему боярин Михаил Яковлевич уже в 1435 г. получает несудимость, ограниченную тремя категориями дел, а много позже какой-нибудь рядовой служилый человек получает несудимость, ограниченную одним душегубством. И то же мы увидим, если будем рассматривать грамоты по уездам и попытаемся найти влияние местных особенностей. Становится несомненным, что пожалования давались, глядя по человеку и по обстоятельствам случая. Общие черты начинают намечаться только в XVI веке. К 1510 году (13 мая) относится последняя грамота с несудимостью, ограниченной одним душегубством. После этого мы видим однообразное ограничение—душегубством и разбоем с поличным. Впрочем, в трех грамотах второй половины XVI в. снова появляется татьба с поличным (грамоты 1556, 1562 и 1571 г.г.) В грамоте 1589 г. татьбы нет. (См. приложение). Повидимому, ограничению несудимости в татьбе придавали небольшое значение. Главное значение имеет поличное, т.-е. предмет или предметы, украденные или отнятые разбоем, ибо весь процесс получал другой ход в зависимости от того „имался“ ли потерпевший за поличное, или предъявлял иск в татьбе или разбое без поличного. Как бы то ни было, со второго десятилетия XVI в. и до прекращения выдачи несудимых грамот около 1554 г., общей нормой было ограничение делами в душегубстве и разбое с поличным.

Относительно статьи о сместном суде я уже говорил, что для раздела судебных пошлин существовало два способа, при чем в грамотах служилым людям общим правилом был раздел пошлин пополам с наместником или волостелем. Другой способ (чей человек, того и прибыток) был исключением. Его мы видим только в двух грамотах XVI века — в грамоте Ал. Рудину, о которой я говорил выше, и в грамоте 1446 г. чернице Анне.

Относительно четвертой статьи я говорил выше. В XV в. мы видим, что в одних случаях грамотчик и его прикащик в делах о душегубстве и проч. были подсудны наместникам и волостелям, в других — судимы во всех делах только князем. В XVI в. общим правилом становится последний порядок, а отступления от него очень редки.

В заключение следует заметить, что в грамотах XVI века уже нет второстепенных пожалований, которые изредка встречаются в XV веке, как, например, определенная пеня (без продажи) за душегубство, право отвечать на один срок в году и т. п.

Таким образом, судебные пожалования становились все более и более однообразными, а когда около 1506 г. прекратились тарханные пожалования, то получился однообразный шаблон четырех-статейной несудимой грамоты. Чтобы оценить по достоинству это достижение, нужно знать неспособность людей того времени к обобщениям, их нелюбовь к общим формулам и нормам и постоянную склонность решать жизненные казусы, смотря по человеку, по обстоятельствам случая и „примѣриваясь“ к тому, что было „напередъ сего“. Становится очевидным, что путем вековой практики был выработан, в конце концов, порядок, ставший общим правом. Здесь мы подходим к вопросу, на который необходимо дать определенный ответ, а именно: стали ли к середине XVI века судебные пожалования несудимых грамот общими нормами для всего служилого землевладения, или, несмотря на однообразную формулировку, они оставались привилегией только некоторых, быть может, многих, но не всех, служилых землевладельцев? Ответ я постараюсь дать в последнем очерке, а пока вернусь к другим категориям лиц и к случаям, относительно которых применялись иммунитетные пожалования.

XI.

Иммунитетные пожалования тяглым людям. Слободы в В. Новгороде, в эпоху его независимости, в удельной Руси и в Московском государстве.

Нет сомнения, что иммунитетные пожалования тяглым людям заслуживают гораздо большего внимания, чем то, которое им уделяли до сих пор. В исторических монографиях и общих курсах эти пожалования появляются как-то сразу, когда речь доходит до реформ середины XVI века Ивана IV и, в частности, до земских уставных грамот. Между тем, так называемая реформа земского самоуправления не казалась бы ни столь резкой, ни столь значительной, т.-е. получила бы более правильную оценку, если бы надлежащим образом была установлена ее связь с предшествующими явлениями. Если для истории земских уставных грамот важно то, что в них многое заимствовано из иммунитетных пожалований, то для истории самого иммунитета очень знаменательно, что податные и судебные пожалования тяглым людям по существу были однородны с пожалованиями так называемым привилегированным грамотчикам— властям, монастырям и служилым землевладельцам.

Позволю себе начать несколько издалека. История удельной Руси есть история страны в процессе колонизации, история народа, который далеко еще не овладел территорией экономически, которой владел политически. В перемежку с заселенными местами лежали огромные пространства диких лесов, непроходимых болот и удобных для земледелия, но труднодоступных пустырей. Известно, что монастыри имели большое значение в заселении и разработке пустых земель. Но как бы мы ни оценивали эту деятельность монастырей, несомненно, что в ней лежит один из главных мотивов, по которым князья давали им землю и тарханно-несудимые грамоты. Каждый князь заботился о заселении своей вотчины и, давая жалованные льготные грамоты, приглашал грамотчиков называть вольных людей „изъ иныхъ княженій“ и „окупать“ таких людей, которые сами не могли покинуть землю, на которой сидели. Иногда и служилые люди получали такие же льготные тарханные грамоты [106], но недостаток капиталов и служебные обязанности не позволяли им равняться с монастырями.

В настоящее время для нас интересно отметить участие в процессе заселения страны представителей низших слоев общества. У них не было, конечно, таких средств, как

у монастырей, но у них были руки и инициатива. Князья не упускали случая использовать эти силы и давали этим пионерам культуры такие же жалованные грамоты, как монастырям.

Особенно интересна та форма поселений, которая называлась „свободами“ или позже испорченным словом „слободами“.

Слободские поселения удельного времени значительно отличаются от слобод Московского государства. В XVII в. слобода это посадский поселок, обособленный тяглом и службой от посадского мира. Государевы слободы населены людьми, которые своей профессией и службой отличаются от черных посадских людей и не тянут с ними черного тягла. Таковы слободы ямщиков, стрельцов, пушкарей и воротников, рыболовов, каменьщиков и кирпичников и т. п. Власти, монастыри и служилые люди устраивали посадские поселки с другими целями — использовать выгоды городской жизни, прикрывая своими иммунитетными правами слобожан и не неся тягла наравне с посадскими людьми. Под покровом владельческого иммунитета слобожане отбивали торги и промыслы у посадских людей и потому вызывали с их стороны горячую вражду. Известно, что вековая борьба посадов с этими слободами закончилась отпиской их в 1649 г. на государя и присоединением к посадам. Существенная черта слобод XVII в. та, что это поселки, прежде всего, городские, — земледелием они не занимались совсем, или оно занимало в их хозяйстве совершенно второстепенное место. Другая черта — та, что своим происхождением и существованием они были обязаны, главным образом, инициативе государственной власти и привилегированных землевладельцев.

Слободы удельного времени тоже были обособлены тяглом и службой от черных людей и представляли из себя замкнутые в себе мирки, но происхождение их большею частью иное. Были, конечно, слободы, основанные по инициативе князей, слободы специальных служб, напр., слободы людей, которые должны были принимать, содержать и провожать татарских послов, слободы ремесленников, слободы холопов, посаженных на пашню, наконец, земледельческие слободы, собранные и устроенные, „посаженные“ княжескими писцами, но наряду с такими слободами важно отметить существование слобод, возникавших по инициативе частных лиц, самих слобожан. Роль князя относительно таких слобод состояла в том, что он поощрял почин слободчиков — давал им землю и жалованную грамоту, по которой слобожане получали известную автономию, право самоуправления

и само-суда, независимость от наместников и волостелей, независимость от окружающих черных миров и вообще известный простор для свободной деятельности. Отсюда, несомненно, произошло название таких поселений „свободами“ или, позже, слободами.

Эти слободы занимались или исключительно земледелием или земледелием и другими промыслами, связанными с землей. В этом их большое отличие от посадских слобод Московского царства. Это—слободы колонизаторов и пионеров земледельческой культуры. В XVII в. такой тип слобод не известен, так как с прикреплением людей к тяглу уже не было прежнего простора для инициативы, а условия тягла и заселения новых земель изменились вместе с переменами в строе местного управления. Есть много указаний на то, что такие „свободы“ были распространенным и очень древним явлением.

Почти во всех договорах Новгорода с князьями мы видим ряд статей, в которых новгородцы, ограждая свою независимость, ставили князьям условия не покупать, не держать в закладе, не принимать даром и вообще не приобретать сел и земель в Новгородской области. В связи с этими условиями стоят другие: не выводить людей, не принимать закладней с землей и без земли, и не давать в Новгородской области жалованных грамот. В контексте этих статей всегда стоит и условие „не ставить свободъ“. Мы видим его в одном из древнейших договоров — в договоре 1265 г. с в. кн. Тверским Ярославом Ярославичем. „А закладниковъ ти, княже, не приимати, ни твоей княгыни, ни твоимъ бояромъ; ни селъ ти держати по Новгородъской волости, ни твоей княгыни, ни бояромъ твоимъ, ни дворяномъ; ни свободъ ставити по Новгородской волости“. В другом договоре (1270 г.) того же князя сказано: „А свободъ ти, ни мытъ на Новгородьской волости не ставити“ [107]. В большинстве других договоров условие о слободах стоит в контексте с запрещением приобретать села. Из тех же договоров видно, что, несмотря на все, князья все-таки приобретали села и ставили слободы: в ряде договоров указывается, как и на каких условиях князь должен „сступиться“, т.-е. отказаться от сел, приобретенных незаконно раньше. В договоре 1471 г. с в. князем Иваном III сказано: „А слободъ и селъ князи великіе съступилися Великому Новугороду“ [108].

Легко понять эти условия не ставить слобод и почему они помещались в контексте с условиями не приобретать сел, не принимать закладчиков и не давать жалованных грамот. Постановка слобод на пустых, никем не занятых

и никому не принадлежащих землях являлась, с точки зрения новгородцев, обходом основного условия — не приобретать сел и земель. Понятно, поэтому, и условие не давать грамот — без иммунитетных грамот князя эти слободы не могли существовать и пользоваться независимостью от местных властей и черного тягла.

Московские памятники свидетельствуют, что иммунитетные слободы вовсе не были особенностью Новгородской жизни и были весьма распространены уже в XIV в. и в северовосточной удельной Руси. На это указывает постоянное упоминание слобод в духовных грамотах князей, начиная с духовной 1328 г. кн. Ивана Калиты. Тесная связь вопроса о слободах с вопросом о жалованных грамотах видна в договоре 1433 г. в. кн. Василия с кн. Юрьем Галицким: „А Бѣжицкой ми Верхъ вѣдати по старинѣ, потому какъ былъ за тобою, за великимъ княземъ. А у кого будутъ въ Бѣжецкомъ Версѣ грамоты жаловальныи твои у бояръ или на слободы, или у иного у кого, и въ тѣхъ грамотахъ воленъ язъ, князь Юрьи Дмитрьевичъ, — кого какъ хочу жаловати“ [109].

Указания источников на слободы были бы многочисленнее, если бы слободы не теряли с течением времени своих привилегий и не входили в состав окружающих их черных земель. Иногда в самой слободской грамоте (см. ниже) было определенно сказано, что после льготных лет слободка должна потянуть судом и данью к волости, т.-е. лишиться своего иммунитета. Но чаще, вероятно, это слияние происходило современем само собой, постепенно или сразу, под влиянием княжеских указов и практики. Это вполне понятно, если слободка жила той же хозяйственной жизнью (земледелием), как ее соседи, и для особности ее не было тех хозяйственно-административных оснований, как у посадских слобод или у слобод уездных, населенных людьми особой службы и особой профессии.

Даже по скудным и случайным указаниям наших источников мы можем иногда наблюдать, как уездные слободки с течением времени растворяются в окружающей их среде и входят в состав уездных тягло-административных делений [110].

Рассмотрим сначала слободы, которые возникают на наших, так сказать, глазах.

В 1511 г. белозерский писец дал какому-то Косте Головину грамоту на черный лес между Арбужевесью и Череповесью (на границе Пошехонского уезда) — копить на государя слободу. Ему было дано право созывать безвытных, т.-е. вольных, не тяглых людей и давать им льготу

на 20 лет. На это время созванные им люди были освобождены от суда наместников, опричь душегубства и татьбы с поличным (вероятно и разбоя; текст испорчен) и были подсудны К. Головину или его приказчику. Далее ему было дано право сместного суда и исключительная подсудность вел. князю. После льготных лет крестьяне, посаженные Головиным, должны были потянуть к Арбужевской волости, т.-е. их тягловые и судебные привилегии прекращались [111].

В 1517 году четыре устюжанина, Лукины и Фролов, получили от в. кн. Василия грамоту на дикий лес в Вондокурской волости (Устюжского уезда) — ставить дворы, распахивать землю и называть вольных людей. Им была дана льгота во всяких податях на 15 лет и несудимость от устюжских наместников и вондокурских волостелей, „опричь душегубства и разбоя с поличнымъ“. Далее им было дано право судить „своихъ людей“, лично или кому прикажут, право сместного суда и исключительная подсудность, вместе с приказчиками, самому вел. князю [112]. В общем, в этой грамоте мы видим совершенно такие же судебные права, как в любой грамоте монастырям или другим грамотчикам.

В 1524 г. получили грамоту пятеро двинян — Наум Кобель с товарищами — на соляные ключи, найденные ими на р. Юре. Им было дано право расчистить ключи, рубить лес для варки соли, распахивать землю и называть людей, добрых и не тяглых. Льгота во всяких податях была дана сначала на 10 лет, а позже продлена еще на 5 лет. Затем они получили такие же судебные привилегии, как Лукины, а, сверх того, привилегию, частую для монастырей, но редкую для частных лиц, — право отвечать „во всякихъ дѣлѣхъ“ на один срок в году [113].

Очень интересно пожалование сокольнику Ив. Новгородову. Неизвестно, когда он получил первую грамоту, но в 1545 г. ему была дана новая грамота, с некоторыми добавлениями сравнительно с первой [114]. Ему были пожалованы огромные пустыри, пески, кочки и сокольи садбища и рыбные ловли по реке Печере, от устья Усы до Усть-Цыльмы (более, чем на 200 верст), и по притокам Печеры — Ижме и Пижме. На эти земли ему была дана „грамота слободская — копити ему на великого князя слободу“, а за все про все он должен был платить по соколу или кречету пером, или по рублю деньгами в год. Ив. Новгородов имел право ставить, где найдет нужным, дворы и созывать людей. Он сам и его слобожане были освобождены от кормов и суда наместника „опричь душегубства и татьбы съ поличнымъ“,... „а вѣдаетъ и судитъ тѣхъ своихъ слобожанъ Ивашко самъ

во всемъ, а съ суда у нихъ емлетъ съ виноватого 5 денегъ новгородскую". Сместные дела судят Пинежские наместники, „а Ивашко Дмитріевъ сидитъ туто жъ, а бережетъ въ судѣ своего; а присудомъ дѣлятся наполы". Сам Ив. Новгородов подсуден в. князю, или его сокольничему.

Среди других привилегий следует отметить право слободчика брать явку (явочную пошлину) со всех, кто будет приезжать в его владения, право которое искони и чуть не повсеместно принадлежало наместникам и волостелям.

Такими же слободчиками, но в более крупных размерах, были братья Григорий и Яков Строгановы, получившие в середине XVI века грамоты на земли в Перми. Их отличие от Ив. Новгородова то, что они, очевидно, с самого начала имели значительные капиталы и могли поставить дело на широкую ногу, а во-вторых, что они копили и ставили слободы не столько на государя, сколько на себя. Их успех и последующее богатство Строгановых как-то заслонили от взоров историков тот факт, что с юридической точки зрения грамоты им разнятся от грамот Науму Кобелю и Ив. Новгородову только в несущественных подробностях. Слободы Строгановых исключительны по размерам и исторической роли, которую они сыграли, но грамоты им, с юридической точки зрения, являются обыкновенным иммунитетом того времени.

Укажу еще на грамоты 1541 и 1548 г.г. вологодским сокольникам Блазновым. В 1541 г. вологодский писец Т. Карамышев дал им на 10-летнюю льготу починок и займища на черном лесу в Авнежской волости. Затем они получили от вел. князя грамоту — расчищать пашни, ставить дворы, призывать к себе нетяглых людей и ловить по мхам и болотам соколов. После льготы они должны были платить оброк — по 3 сокола пером или по полтине за сокола деньгами. Сами они и их люди получили несудимость в обычном размере, свободу от кормов местных волостелей и непосредственную подсудность в. князю или его сокольнику.

В 1548 г. они получили новую грамоту с некоторыми добавлениями и изменениями. Между прочим, им был дан для охраны от сторонних людей пристав, и было дано право отвечать на один срок в году — на Петров день [115].

В других известных нам подобных пожалованиях на первый план выступают не колонизационные цели, а другой мотив — обособление в судебном и административном отношениях людей, выделяющихся из общей массы черных тяглецов своей профессией и особой службой.

К таким пожалованиям я отношу грамоту в. кн. Ивана Калиты печерским сокольникам, Жиле с товарищами. Она

на 200 с лишним лет старше грамот Ив. Новгородову и Блазновым и потому, естественно, не имеет таких развитых формул, какие мы видим в грамотах XVI века, но основные элементы иммунитета выступают в ней совершенно определенно: Свобода от общих податей — „ненадобѣ имъ никоторая дань“... „ни кормъ, ни подвода“; независимость от тяглого мира — „ни ко старостѣ имъ не тянути“; судебная независимость — „не биричь ихъ не поторгыватъ“, т.-е. местные власти не могут посылать по них своих приставов-биричей, а, следовательно — и судить. Быть может, вследствие отдаленности от Москвы сокольники, вместо подсудности самому князю, получили охрану в другой форме — в. кн. поручил их какому-то Меркурью: — „а приказалъ есми ихъ блюсти Меркурью. А ты, Меркурей, по моей грамотѣ блюди ихъ, а въ обиду ихъ не выдавай никому“ [116].

Известные грамоты Старорусским тонникам представляют как бы переход от архаических формул грамоты Жиле к более развитым грамотам северо-восточных княжеств. Первая грамота была дана в. кн. Дмитрием Донским и затем была переписываема, повидимому дословно, на имя его сына Василия, внука — Василия Темного и правнука — Ивана III [117]. Тонники были свободны от всех податей и повинностей и изоброчены медом: „давати имъ мнѣ, великому князю, по 3 берковски меду черезъ годъ, а не будетъ меду, ино по 3 рубли“. Их независимость от тяглого мира и местных властей выражена так: „А въ виру имъ съ рушаны не тянути“,... „а съ рушаны имъ въ ихъ потугъ не тянути, ни подвойскимъ Русьскимъ ихъ не позывати, ни посаднику Русьскому ихъ не судити, ни съ поличнымъ“. „А дворяномъ моимъ зъ Городища, ни подвойскимъ Новгородскимъ, ни биричемъ, ни софьяномъ владычнимъ моихъ тонниковъ Русьскихъ не позывати ни въ каковѣ дѣлѣ“. Далее, им дана исключительная подсудность самому вел. князю или его наместнику, при чем приставом мог быть только ловчий вел. князя (это — прототип позднейших „данныхъ приставовъ“), а отвечать они имели право только в зимнее, свободное от работ время, — с Николина дня осеннего до Середокрестья.

Интересно сопоставить два пожалования по Переяславлю—грамоту рыболовам 1506 г. и грамоту сокольникам 1507 г. Посадские сокольники составляли небольшую группу (в грамоте поименовано 20 человек) и потому получили судебные привилегии в сокращенном, если можно так выразиться, виде. Так, права сместного суда они не получили. Несудимость от наместников была им дана „опричь одного душегубства и вобчихъ дѣлъ“, т. е. в сместных делах

судил наместник. Однако, не все сместные дела были подсудны наместникам, а только иски сокольников к посадским людям; все же иски посторонних лиц к сокольникам были подсудны только вел. князю или его сокольничему. Вместе с этим, как полагалось, они получили свободу от тягла с посадским миром, но с ограничением — „опричь яму и городового дѣла и посошныя службы“ [118].

Более многочисленную ячейку составляли рыболовы. Грамота им представляет как бы переход от тарханно-несудимых грамот к уставным. С одной стороны, им дана несудимость от наместников, как сокольникам, свобода от тягла с черными людьми и ряд других привилегий, обычных в тарханно-несудимых и уставных грамотах, с другой стороны, они не получили права суда в своей среде, а судить их должен был особо для них назначенный волостель стольнича пути [119].

Еще более интересный образец переходного типа представляет грамота 1530 г. соловарам Моревы Слободы Новгородского уезда. К сожалению, грамота сильно испорчена переписчиками, а, сверх того, в ней большие пробелы. Во главе слободы стоят слободчики, повидимому, выборные. Им принадлежит право суда и управления. Наместники не судят слобожан ни в чем, кроме душегубства и разбоя с поличным. Сместные дела судят наместники с слободчиками. Затем в грамоте мы видим целый ряд статей, взятых из тарханно-несудимых грамот, а рядом такие статьи, которые позже входят в состав земских уставных грамот. В общем грамота такова, что представляет соединение пожалований тарханных грамот и уставных [120].

Каменьщики и кирпичники жили на посадах особыми слободами и были обособлены от посадского мира судом, тяглом и службами. Грамот им XVI века до нас не дошло (или, быть может, они еще не пайдены), но в грамотах 1622 и 1624 г. г., данных им из Сыскного приказа для пересмотра жалованных грамот, есть указания на более ранние пожалования. Так, в грамоте Костромским кирпичникам сказано, что она дана по грамоте царя Ивана „противъ иныхъ каменьщиковъ и кирпичниковъ“ [121]. Грамота Тульским кирпичникам дана по грамоте царя Федора, образцом для которой послужили наверное грамоты более раннего времени. По этим грамотам кирпичники были несудимы на местах опричь душегубства, разбоя и татьбы с поличным. Во всех других делах они были судимы в Каменном приказе, без грамот которого „суда на нихъ и управы. . . . никому ни въ чемъ не давати“ [122].

Известно, что в XVII веке различные разряды служилых людей были ведомы судом и управой и в других отношениях в различных, иногда специально для них устроенных приказах: ямщики — в Ямском, пушкари, затинщики и воротники (в большинстве городов) — в Пушкарском, стрельцы—в Стрелецком, казаки — сначала в Казачьем, а после уничтожения этого приказа в Стрелецком, и т. д. В форму приказов такой порядок подсудности сложился только во второй половине XVI века, но несудимость на местах и подсудность в центре, тем или иным боярам и дьякам, существовали гораздо раньше. Указания на это мы имеем в первом Судебнике и в современных ему актах. Для нашей темы существенно отметить, что эта ведомственная чересполосица лиц, а позже учреждений, развилась из практики тарханно-судебных пожалований, корни и прецеденты которой уходят далеко в глубь удельных времен [123].

Изложу в заключение тарханно-несудимую и одновременно земско-уставную грамоту 1567 г. Ямской слободе в Касимове, которая в литературе осталась незамеченной, хотя напечатана уже давно. Во главе слободы стоят — прикащик, может быть назначенный, и староста, несомненно, выборный. Им принадлежит суд и управление. Слобода освобождена от податей и повинностей с черными людьми — „а пожаловалъ есми своихъ слобожанъ въ тарханѣхъ отъ всякихъ своихъ податей, и ихъ дворы и пашни, за то, что имъ въ Касимовѣ городѣ на посадѣ на яму подводы держати, по трое лошадей съ выти“. Суд организован и распределен сложнее, чем в обыкновенных несудимых грамотах. Сместные дела, в том числе и в душегубстве, судят наместники, „а прикащикъ слободской съ ними жъ судитъ, а старосты слободскіе у нихъ на судѣ сидятъ для береженья“. В делах слобожан между собой, в том числе и в душегубстве, но опричь разбоя, судят прикащик и староста, а наместникам, волостелям и городовым прикащикам „до того душегубства и во всякихъ дѣлѣхъ до нихъ дѣла нѣтъ“. Разбои с поличным судят губные старосты — „а прикащикъ слободской и старосты съ ними же сидятъ для бережепья“.....„а губные старосты безъ прикащика не судятъ“. В этих статьях видно заботливое стремление всячески оградить в судебном отношении слобожан и дать им полную независимость от местных наместников и других судей. То же стремление проведено и в других статьях. Если кому будет дело до слобожан и в иных городах, то и там наместники их не судят „нигдѣ ни въ какихъ дѣлахъ“, а только дают на поруки и отсылают для суда в Касимов к слободскому прикащику. Затем, ни-

какие пристава не могут их давать на поруки и назначать им сроки к суду. Вызывать к суду слобожан можно было только по царевым именным зазывным грамотам, а судит их в таком случае сам царь, или казначей, „или кому будутъ приказаны ямскія дѣла судити“. Далее им дан целый ряд привилегий, частью таких, которые часто встречаются в тарханных грамотах монастырям (напр., право высылать с пиров незванных, свобода от постоя и от конского пятна), а частью — в уставных земских грамотах (напр., право варить брагу про свой обиход). В общем, грамота представляет сложное и очень интересное сочетание норм земской автономии с нуждами управления ямской службы [124].

Из приведенного выше обзора учреждений, лиц и групп лиц можно видеть, что иммунитет был универсальным средством, которое князья употребляли с самыми различными целями. В одних случаях они руководились религиозными мотивами, в других — имели в виду заселение и разработку пустых земель, в третьих — обеспечение различных специальных служб, административных и хозяйственных. Нередко разные мотивы соединялись и сплетались так тесно, что трудно сказать, какой из них был первым и главным, напр., относительно некоторых пожалований монастырям или пожалований Толшемским попам очень трудно сказать, какой мотив занимал первое место, — религиозный или колонизационный. В зависимости от различных целей и обстоятельств, иммунитет употребляется в различных дозах, приспособлялся к обстоятельствам и изменялся в подробностях, но важно то, что сущность иммунитета, сводившаяся к нескольким основным положениям, всегда остается одна и та же. Самая существенная черта иммунитета это — теснейшая в нем связь между пожалованиями судебными и пожалованиями в области тягла и управления. Совершенно не существенно, получал ли их грамотчик в одной тарханно-несудимой грамоте или в нескольких особых грамотах. В общем все сводилось к выделению владения грамотчика, его самого и его людей, из общей массы черных земель и людей князя. Оно выражалось в том, что грамотчик получал независимость от суда и административной власти общих органов местной власти князей (наместников и волостелей) и свободу от черного тягла с черными людьми. Все подати и повинности, от которых грамотчики и их владения не были свободны, они несли самостоятельно, особо от черных людей.

С этой точки зрения, иммунитет был в руках князей такой же нормальной формой управления (в широком смы-

сле слова) одной частью своих владений, как управление при помощи кормленщиков, дворских и сотских черно-тяглыми людьми было нормальной формой для другой части удела. Управление первой частью было основано на свободе личности, конечно, относительной и только для грамотчиков, и на автономии, а управление другой частью — на началах тягла и судебной, административной и хозяйственной зависимости. Поэтому, взгляд на иммунитет как на исключительную милость князей мне представляется очень поверхностным и неправильным.

Правильная оценка иммунитетных пожалований бросает яркий свет на социальную структуру общества удельного времени. Ничуть не будет преувеличением сказать, что все общество удельного времени, а отчасти и Московского государства, состояло из больших или меньших ячеек. Очень часто эти ячейки были небольших размеров: это какой-нибудь служилый человек с 5—6 дворами в своей боярщине, небольшая монастырская вотчина, пожертвованная монастырю благочестивым вкладчиком, сокольник, бортник или рыболов с своими детьми, родственниками и людьми, сельский поп, стоящий во главе немногочисленного причта, с несколькими половниками на церковной земле, и т. п. Некоторые монастыри имели большие вотчины, но в большинстве случаев они состояли из отдельных владений разбросанных в уезде черезполосно с другими землями' а иногда во многих уездах. При этом на каждое владение' монастырь имел особую жалованную грамоту, иногда не одинаковую с грамотами на другие владения. Если иногда иммунитетные владения митрополитов, владык и частных нетитулованных и титулованных вотчинников имели большие размеры, то они, как мы увидим ниже, в свою очередь, распадались на большие или меньшие подъячейки.

Каждая ячейка представляла из себя самостоятельную, то более, то менее полно обособленную хозяйственную, податную и судебно-административную единицу. Несудимость и независимость от наместников, волостелей и других представителей власти давали этим ячейкам необходимые для жизни и ведения хозяйства свободу и самостоятельность. Право сместного суда давало грамотчику возможность защищать своих людей от посторонних лиц. Право суда внутри ячейки давало грамотчику большую власть над своими людьми и позволяло поддерживать суровую дисциплину. Наконец, подсудность грамотчика и его прикащика самому князю ставила их под непосредственное покровительство высшей власти. В тесной связи с этими правами стояли тягловая особность и независимость от соседних тяглых миров.

Это строение общества мне представляется существеннейшей и важнейшей чертой удельной, а отчасти и Московской Руси. Не видеть и не понимать ее равносильно непониманию всего уклада тогдашней жизни.

XII.

Иммунитетные пожалования частных землевладельцев, князей, владык, митрополитов и патриархов, своим ослужилым и тяглым людям.

Крупные иммунитетные владения распадались, в свою очередь, на подъячейки. Исследование этого вопроса подтверждает высказанный мною выше взгляд на значение иммунитета. Спускаясь по социальной лестнице вниз, мы видим, что крупные землевладельцы — вотчинники тоже употребляли в своих владениях иммунитетные пожалования, toute proportion gardée, в тех же формах и с теми же целями, как князья в своих уделах.

Мы не имеем жалованных грамот нетитулованных вотчинников, но нет сомнения в том, что они, по примеру князей и княжат, жаловали своих послужильцев и даже холопов землей и иммунитетом. Некоторое представление об этом дают дошедшие до нас грамоты мелких удельных княжат — ярославских, белозерских, шехонских и т. п. Их пожалования, по целям, содержанию и даже форме, воспроизводят пожалования великих и удельных князей. Если они отличаются, то только тем, что в них ярче выступает вотчинный, частно-правовой характер отношений.

То же мы видим в пожалованиях кн. Мстиславского, вотчинника титулованного, но владевшего не наследственным уделом, а пожалованной ему в. кн. Василием Юхотской волостью.

Выше я изложил его две грамоты причтам сельских церквей. До нас дошла еще его грамота своему сыну боярскому Ив. Толчанову. Мстиславский пожаловал ему в поместье деревню и 10 починков и дал в 1538 г. грамоту, представляющую точную миниатюру четырехстатейной несудимой грамоты вел. князей: „И хто у него въ тѣхъ деревняхъ учнетъ жити людей, и тіуны наши доводчики и праведчикъ не въѣзжаютъ ни по что, ни поборовъ своихъ у нихъ не емлютъ и крестьянъ его не судятъ. А вѣдаетъ и судитъ своихъ крестьянъ Иванъ самъ, или кому прикажетъ. А свѣдетца судъ смѣсной нашимъ крестьяномъ съ его крестьяны, и тіуны наши ихъ судятъ, а онъ с ними жъ

судитъ, а присудомъ дѣлятца наполы, опрично душегубства и татьбы и разбоя съ поличнымъ, и дани сошные. А кому будетъ до него дѣло, ино его сужу язъ, князь Ѳедоръ Михайловичъ, или кому прикажу“ [125].

Политика московских князей, начиная с Ивана III, была направлена к разрушению крупного землевладения титулованых и нетитулованых вотчинников. Княжата один за другим сходили со сцены, вотчинное землевладение вообще дробилось между наследниками, переходило в руки монастырей или конфисковалось московскими вел. князьями. Но были другие вотчинники, которые не только не растеряли своих вотчин, но постоянно их приумножали, несмотря на попытки московских государей положить предел их приобретениям. Имея большие вотчины, они сохранили и свои исконные права и привилегии и оставили нам достаточно документов, чтобы составить представление об их деятельности по управлению своими огромными владениями. Это — черные князья церкви, митрополиты и владыки. В управлении своими вотчинами они придерживались во многих отношениях тех же порядков, как удельные князья и крупные вотчинники. У них были свои приказные, которых они жаловали за службу и для службы кормлениями, и свой двор с боярами и детьми боярскими, которые в известных случаях принимали участие в походах князей отдельными отрядами, под своими стягами. На их землях сидело большое количество тяглых людей. Боярам и детям боярским они давали землю в поместное владение, а тяглыми людьми управляли, как князья и другие землевладельцы. Их жалованные грамоты служилым и тяглым людям ценны для нас тем, что за недостатком других источников дают возможность познакомиться с нижними этажами удельного здания.

В жалованных грамотах митрополитов, которые идут с середины XV века, мы ясно видим три мотива, о которых я говорил выше: ожиление пустых земель, пожалование тяглых людей специальных служеб и обеспечение дворовой и ратной службы.

В 1450 г. какой-то А. Афанасьев (может быть, митрополит сын боярский) купил в митрополичьей волости Романовской пустошь и получил на нее от митрополита тарханно-несудимую грамоту. В грамоте мы видим все существенные элементы грамот этого рода, за исключением права сместного суда. „И кого Андрей на ту пустошь къ себѣ перезоветъ людей изъ иныхъ княжений, а не изъ волости, ни изъ селъ Пречистые Богородицы, и тѣмъ людемъ пришлымъ ненадобѣ имъ съ моими христіаны съ волостными

тянути ни въ какое дѣло, ни въ какие розметы. Ни волостели мои Романовские и ихъ доводчики не въѣзжаютъ къ тѣмъ людемъ пришлымъ на ту пустошь ни по что, ни кормовъ ни поборовъ у нихъ не емлютъ, ни судятъ ихъ. А вѣдаетъ и судитъ тѣхъ христіанъ Андрей самъ. А кому будетъ до самого Андрея каково слово, и язъ, Іона митрополитъ, самъ сужу". [126].

В грамоте 1527 г. митрополита Даниила своему старинному крестьянину Дементью Новикову мы видим пожалование, аналогичное пожалованиям слободчикам, о которых было говорено выше. Митрополит дал ему на десятилетнюю льготу несколько деревень, селищ и пустошей в Вологодском уезде, запустевших от меженины, с правом „людей ему призывать, и деревни ставити, и слободу сбирати; а льготныя ему грамоты на урокъ давати, посмотря по мѣстомъ, какъ будетъ пригоже" [127]. До нас не дошло несудимой грамоты Д. Новикову, но я не сомневаюсь, что таковая ему была дана.

В 1462 г. Парфений, игумен митрополичья монастыря св. Михаила в Суздале, взял у митрополита Феодосия землю на оброк. На эту землю он получил грамоту с освобождением от дани и всяких пошлин, с независимостью и несудимостью от митрополичьих наместников и их тиунов, с правом вотчинного суда и с подсудностью самому митрополиту [128].

Очень интересны четыре грамоты бортникам, сначала Семену Улыбашеву с детьми и Оладке Гаврилову, а позже их детям и родственникам. Все обязанности бортников состояли в уплате и доставке в Москву на митрополич погреб меда. Чтобы они могли заниматься своим делом и платить исправно оброк, митрополиты отводят их тяглом от своих черных людей и дают им ряд привилегий. В грамоте 1478 г. сказано: „ненадобѣ имъ съ тѣхъ земель и съ бортей тянути съ моими зарѣцкими хрестіаны въ сельское мое дѣло, ни въ которые проторы, ни въ розметы, ни въ иные ни въ какие пошлины". Наместники митрополита и их тиуны „не въѣзжаютъ, ни всылаютъ къ нимъ ни по что, ни судятъ ихъ ни въ чемъ": дворские не наряжают их ни на какие дела и не берут своих кормов; „а кому будетъ до нихъ каково слово, и язъ, Геронтей, митрополитъ всея Руси, самъ ихъ сужу". Бортники имеют право призывать к себе людей со стороны, „а кого призовутъ, и они съ ними потянутъ въ тотъ же мой оброкъ". В 1490 г. те же бортники с детьми, число которых к этому времени увеличилось, получили от нового митрополита (Изосимы) грамоту с теми же податными и судебными правами.

В 1495 г. митрополит Симон дал им же и их товарищам, призванным ими, новую грамоту, почти дословно такую же, как грамоты 1478 и 1490 годов. В 1509 г. он подтвердил грамоту 1495 г. с оговоркой, что привлеченные к бортничеству три тяглых крестьянина должны „по старинѣ“ тянуть тягло с крестьянами. В 1519 г. эта грамота была еще раз подтверждена митрополитом Варлаамом. Четвертая грамота тем же бортникам дана митрополитом Даниилом в 1522 г. [129]. Однообразие пожалований и почти дословная формулировка грамот свидетельствуют о том, что в этих случаях дело шло о заурядных и прочно сложившихся отношениях.

Древнейшая известная несудимая грамота на поместье относится к 1498 году. К сожалению, она дошла до нас в сокращенном, повидимому, виде [130] и потому не дает возможности судить о форме митрополичьих поместных и несудимых грамот того времени. В грамоте сказано только, что помещики (Некрас и Дрозд Васильевы) своих крестьян ведают и судят сами. Ясно, что этому должна была предшествовать статья о неподсудности самих помещиков и их крестьян митрополичьим волостелям.

В XVI веке поместное землевладение на землях митрополита и владык складывается в систему, в существенных чертах тожественную с государственной. Порядки поместного владения на землях Новгородского владыки недавно были хорошо описаны по первоисточникам Б. Д. Грековым [131], и потому я не буду останавливаться на этом вопросе, а обращу внимание на некоторые частности, важные для истории вотчинного суда.

Известно, что помещик получал на поместье послушную или ввозную грамоту. Это был последний момент в процессе получения поместья. Послушной она называлась потому, что была адресована на имя крестьян и содержала приказание слушаться помещика, платить ему денежные и хлебные оброки и пахать пашню, а ввозной — потому, что только с такой грамотой в руках помещик мог „ввезтись“, т.-е. въехать в поместье. В формах этих послушных или ввозных грамот мы наблюдаем некоторое различие — в княжеских и царских, с одной стороны, и в митрополичьих и владычних — с другой. В первых грамотах, начиная с древнейших и позже, говорится только о послушании и обязанности пахать пашню и платить доход. В митрополичьих и владычних грамотах входит в обыкновение помещать еще указание на право помещика судить крестьян. Несомненно, что эта несущественная особенность в приказном делопроизводстве не касалась существа дела и отношений помещиков к крестьянам. Она представляет для нас особую

ценность потому, что царские ввозные грамоты не говорят ни слова о вотчинном суде, а выдача особых несудимых грамот помещикам, как я говорил выше, была прекращена около 1554 г. Между тем, дошедшие до нас ввозные грамоты митрополитов и владык, второй половины XVI века и за XVII-й век, доказывают непрерывность существования вотчинного суда.

В грамоте 1573 г. новгородского владыки Епишковым сказано: „И вы-бъ, того старого помѣстья и придачного Коверинского помѣстья всѣ крестьяне, Девятого да Ивана Епишковыхъ чтили и слушали во всемъ, и пашню на нихъ пахали и оброкъ имъ всякой хлѣбной и денежной платили, чѣмъ они васъ изоброчатъ; а они васъ вѣдаютъ и судятъ во всемъ по сей нашей грамотѣ“ [132].

Грамоты Новгородских митрополитов 1607, 1609, 1610 и 1611 г. г. даются в форме ввозных, но с „се-азом“ — „Се язъ, великій господинъ“ и т. д. Формула та же самая: „а онъ васъ вѣдаетъ и судитъ во всемъ по сей нашей жалованной грамотѣ“. Суздальский архиепископ в 1600 г. дает ввозную грамоту тоже в форме жалованной. В отличие от грамот новгородских владык, в ней не говорится ничего о послушании крестьян, о пашне и оброках, а все выражено коротко: „а кто у него будетъ въ томъ его помѣстьѣ за нимъ крестьянъ, и мы Костянтина тѣмъ пожаловали — тѣхъ своихъ крестьянъ судити и вѣдати велѣли во всемъ по сей нашей жалованной грамотѣ [133].

О практике всероссийских митрополитов, а после учреждения патриаршества — патриархов, мы можем судить по сохранившимся записным книгам поместных пожалований 1594 г. (неполная книга) и 1614—1622 годов [134]. В 1594 г. грамоты на поместья пишутся и выдаются в форме ввозных с прибавкой о суде. Напр. в грамоте Патрикеевым на поместье во Владимирском уезде крестьянам предписывается „Никифора да Кира Патрикѣевыхъ чтити и слушати и подъ судъ имъ даватись, и пашню на нихъ пахати и оброкъ имъ помѣщиковъ платити, чѣмъ они ихъ изоброчатъ“ [135].

После Смуты, в первые годы царствования Михаила, патриаршими вотчинами „межъ патрiарховъ“ управлял митрополит Сарский и Подонский Иона. При нем помещики стали получать на поместья несудимые грамоты в форме жалованных, с „се-азомъ“: „Божіею милостию, се азъ, смиренный Іона“.... и т. д. В 1614—1616 г. г. по такой форме было дано 15 грамот. В грамоте патриаршему дьяку Макс. Куликову о суде сказано: „И хто у него въ томъ его помѣсьѣ людей и крестьянъ и бобылей въ селѣ въ Сеславскомъ живутъ и впередъ учнутъ жить, и намѣсники патриарши и волостели

и приказщики и тіуны ихъ тѣхъ его, Максимовыхъ, людей и крестьянъ и бобылей не судятъ ни въ чемъ и не въѣзжаютъ къ нимъ ни по что. А вѣдаетъ ихъ и судитъ Максимъ самъ. А кому будетъ чего искати на самомъ Максимѣ, ино его до патриарховъ сужю язъ, Іона, митрополитъ“ [136]. В этой грамоте, как и в большинстве других, нет статьи о сместном суде. Это, вероятно, объясняется тем, что патриаршие земли лежали черезполосно с землями других владельцев, на которые власть патриарха, конечно, не распространялась. Но в тех случаях, когда поместье было окружено патриаршескими же землями, в жалованную грамоту включалась статья о сместном суде. Так, в грамоте В. Чортову сказано: „А случитца судъ смѣсной патриаршимъ крестьяномъ, и волостели и прикащикъ патриаршъ тѣхъ ево людей и крестьянъ судятъ, а Василей съ ними-жъ судитъ, а присудомъ делятца наполы“ [137].

Летом 1616 г. управление патриаршими вотчинами было передано царским дьякам, которые перестали давать жалованные несудимые грамоты и выдавали ввозные, по образцу царских ввозных, т.-е. без упоминания о суде. С возвращением из польского плена и вступлением на патриарший престол Филарета, помещики стали опять получать на поместья жалованные грамоты старого образца, т.-е. как в 1614—1616 г. г. Последняя грамота относится к 1622 году. Интересно отметить, что эти несудимые грамоты в записной книге называются ввозными, из чего следует с несомненностью, что они, действительно, заменяли ввозные.

XIII.

Судебный иммунитет в применении к промыслам и торговле, независимо от землевладения. Несудимые монастырские соляные варницы и рыбные ловли. Несудимость в пути торговых людей и монастырских приказчиков. Несудимость откупщиков.

Чтобы выяснить всесторонне значение иммунитета, следует обратить внимание на те пожалования, главным образом, судебные, которые князья давали не на земельное владение грамотчика, а на его деятельность в той или иной области. В таких случаях иммунитет не стоял в зависимости от землевладения, а распространялся на грамотчика и его людей в их деятельности в известной области

и при известных обстоятельствах. Я имею в виду пожалования иммунитетом, главным образом, промыслов и торговли. К сожалению, наши сведения по этому вопросу относительно частных лиц крайне скудны.

Повидимому, торговыми или промышленными людьми были новоторжец Евсевка и Андрей и Микула с детьми, которым в. кн. Дмитрий Донской дал грамоты, случайно дошедшие до нас.

Грамота Евсевке, „что идетъ изъ Торжку въ мою вотчину на Кострому“, собственно грамота оброчная. Он освобождается от всех налогов и повинностей, „а даетъ мнѣ оброка на годъ 5 куницъ“. Судебных привилегий в грамоте нет, а сказано, что в. князь „приказалъ его блюсти дядѣ своему Василію, тысяцькому“, т.-е. Вас. Вельяминову. Последнее дает основание предполагать, что Евсевка был значительным и нужным князю человеком. Выражение „блюсти“ означает, что Евсевка был подсуден и подведомствен, „приказанъ“, как тогда говорили, В. Вельяминову, который должен был оберегать его от всяких сторонних людей.

Вторая грамота — тарханно-несудимая, но с такими большими дефектами, что допускает только предположительное толкование. Несомненно, однако, что в. князь освободил Андрея и Микулу от всяких даней и тягла с новоторжцами: „ненадобѣ имъ потянути съ новоторжъци ни въ которую дань, ни въ Ординское серебро, ни его сиротамъ; аже пошлю своего даньщика, и тогды ему ненадобѣ потянути“. Далее видно, что он с людьми освобождается от суда наместников, получает исключительную подсудность самому в. князю и тархан от торговых пошлин, „что купитъ или продастъ, или его дѣти“ [139].

Эти две грамоты стоят особняком среди дошедших до нас источников, так что нельзя сказать, насколько они типичны или исключительны. Неизвестно также, кто собственно были эти лица, и почему и при каких обстоятельствах они получили грамоты. Видно только, что это были торговые и промышленные новоторжцы, которых в. князь взял, как нужных ему людей, под свое покровительство.

Относительно монастырей мы имеем целый ряд грамот. В XIV — XV веках солеварение было одним из главных промыслов, и потому естественно, что большинство известных нам грамот относится к соляным варницам. Эти грамоты ценны для нас тем, что дают некоторое представление об условиях промышленной деятельности частных лиц в удельное время.

Князья смотрели на свои владения и на живущих в них людей, как на свою вотчину, где все может быть

употреблено в интересах княжеского хозяйства. Для хозяйственной деятельности рядовых частных лиц не было ни простора, ни правовых гарантий. Во всем строе повседневной жизни и в отношениях князей и их людей к частным лицам отсутствовали те условия, без которых самостоятельная хозяйственная деятельность становилась невозможной. Чтобы она была возможной, необходимо было выделить промышленника из общей массы черных княжеских людей и дать ему исключительные права. Это делалось при помощи тарханно-несудимых грамот. Что касается вообще податных и судебных привилегий, даваемых князьями в этих случаях, то они имели то же значение и такой же характер, как подобные пожалования землевладельцам. Но кроме этих пожалований мы видим в грамотах на варницы ряд других, которые бросают яркий свет на те тяжелые условия, в которых находились (если только такие были) промыслы людей, не имевших жалованных грамот. Если волостелю или княжескому соловару понадобятся дрова для княжеских варниц, то они могут монополизировать заготовку и продажу дров и реквизировать дрова, где и у кого случится. Если они найдут, что частные соловары мешают им выкачивать рассол из источников, то останавливают работу на частных варницах. Если у них на промыслах не хватало рабочих, то они брали их с варниц частных лиц. Наконец, когда соль была готова, княжеский соловар мог, „закликать“, „заповѣдать“ частным лицам продажу своей соли до тех пор, пока не будет продана по хорошей цене княжеская соль. И это вовсе не злоупотребления властей, а нормальный порядок, естественные выводы из вотчинно-хозяйственного взгляда на свои уделы. Изложу без излишних подробностей несколько грамот на соляные варницы.

В 1450 г. в. кн. Софья дала Тр.-Сергиеву монастырю тарханно-несудимую грамоту на села и соляные варницы в Нерехте, с большими податными привилегиями, с несудимостью опричь душегубства, с правом вотчинного и сместного суда, — „а кому будетъ каково дѣло до ихъ соловара, или чего кто имѣетъ искати на немъ, и язъ, княгиня великая, сужу ихъ сама и пристава даю на него“. За все про все монастырь должен был платить оброком по 3 руб. в год [140], „а съ черными людьми съ тяглыми не тянуть ни въ которые проторы“.

В том же 1450 году в. кн. Марья дала грамоту на варницы Чухломскому Покровскому монастырю. Монастырский приказчик (заказчик) получает право варить соль, „какъ и на меня, на великую княгиню, варятъ въ моей

варницѣ, безъ череду и безъ стоялницъ", т.-е. без вынужденного простоя. Волостели не судят закащика ни в чем, а их доводчики „въ ту варницу не входятъ и дровъ не берутъ". „А коли у игумена у Александра бываетъ его сушенье, и тіуны и доводщики тогды въ варницу не влазятъ, а къ коробу не приступаютца" [141]. Дело в том, что волостели и их люди имели право брать с соловаров известные пошлины и, между прочим, некоторую долю готовой соли. Для проверки выхода сухой соли из короба они и влазили в варницу. Монастырь был избавлен от этих неприятных посещений волостелей и их людей.

В середине XV в. та же кн. Марья дала тарханно-несудимую грамоту Тр.-Сергиеву монастырю на варницы у Соли Галицкой [142]. В 1473—1478 г. она же дала такую же грамоту митрополиту Геронтию на варницу в Нерехте [143]. В третьей четверти XV в. мелкий удельный князь Константин Федорович (Ярославский?) дал Спасо-Ефимьеву монастырю варницу „въ своей вотчинѣ у Сольца", с тарханом и полной несудимостью [144].

К 80-м годам XV в. относятся две грамоты Ярославскому Спасскому монастырю. Первая дана в. кн. Иваном III, по грамоте отца, на варницу у Соли Великой. Монастырь получил полную независимость и несудимость от наместников и их людей — „не судятъ ихъ соловара ни въ чемъ, ни его людей", и исключительную подсудность самому вел. князю. Очень интересна вторая грамота — тарханно-несудимая грамота мелкого удельного князя Ивана Константиновича на данную им с своей матерью Аксиньей варницу Березинскую, у Соли Малой. Вместе с полным тарханом грамота дает монастырю несудимость в такой необычной форме: дела в душегубстве, разбое и татьбе с поличным волостель судит не один, а совместно с архимандритом, при чем, если виноватым оказывался монастырский человек, то волостель не мог решить дела в последней инстанции: „а волостелю нашему не винити монастырского человека ни въ каковѣ дѣлѣ, не доложа князя Ивана Константиновича" [145].

Укажу, наконец, на грамоту в. кн. Ивана (1462—1466 г.) Тр.-Сергиеву монастырю на варницы у Соли Великой [146].

В пожалованиях на варницы следует отметить еще одну интересную черту. Обыкновенно иммунитет распространялся на всех людей грамотчика, которые живут и будут жить, как постоянное население владения. Между тем, на варницах, как и вообще на промыслах, требовался временный труд пришлых работных людей. Это могло подавать повод к недоразумениям — наместники и волостели

могли считать подобных людей, особенно, если они были людьми их присуда, подсудными себе и вмешиваться в этом отношении в жизнь варничного промысла. Поэтому жалованные грамоты на варницы, одни определенно, другие менее ясно, говорят о несудимости вообще всех людей, работающих на промысле: прикащиков, соловаров, водоливов, дровосеков и дрововозов и т. п. Из этого вытекало характерное для тогдашней жизни следствие: несудимые наместниками и волостелями работные люди на время службы на промысле по найму или на других условиях, становились подсудными в делах между собой прикащику грамотчика.

Мы имеем интересный случай несудимых, если можно так выразиться, рыбных ловель. В 1436—1445 г. в. кн. Василий Васильевич пожаловал Тр.-Сергиев монастырь правом ловить рыбу в Переяславском и Сомине озерах, с впадающими в них речками, „неводомъ и мережами и всякими ловлями, какъ захотятъ“. По грамоте, данной монастырю, монастырские прикащики получили полную несудимость и независимость от переяславских наместников. В начале XVI в. монастырские ловцы однажды поссорились с княжескими ловцами, и в. кн. Василий Иванович прогневался на игумена Якова и подернил, т.-е. уничтожил, жалованную грамоту. Вскоре, однако, в. кн. Иван (в 1538 г.) пожаловал монастырь „по старинѣ“ и дал новую грамоту, которая является развитием грамоты в. кн. Василия Темного. В ней определенно сказано, что несудимость, опричь душегубства и разбоя с поличным, распространяется на всех людей, которых игумен пошлет на рыбную ловлю, „а вѣдаетъ ихъ и судитъ тѣхъ монастырскихъ людей монастырской прикащикъ, кому игуменъ прикажетъ“. Отмечу еще в обеих грамотах запрещение наместникам и ключникам наряжать монастырских ловцов ловить рыбу на вел. князя и заставлять их ловить рыбы на себя [147].

Как панацею от всех бед и зол, князья употребляли судебный иммунитет и для защиты торговых людей в пути и в чужих городах, где им приходилось останавливаться по своим делам.

В 1389 г. вел. кн. Василий Дмитриевич дал уставную грамоту Двинской земле. Желание привлечь к себе симпатии двинян и поощрить их торговлю в великом княжении побудило вел. князя дать им право на беспошлинную торговлю во всех городах и несудимость в пути: „А на Устюзѣ, и на Вологдѣ, и на Костромѣ ихъ не судятъ, ни на поруки ихъ не даютъ ни въ чемъ“. Двинян

нельзя было судить даже с поличным: „А учинится татба отъ двинскихъ людей съ поличнымъ, инѣ поставятъ ихъ съ поличнымъ передо мною, передъ вел. княземъ, и язъ самъ тому учиню исправу“ [148].

Несудимость в пути Тр.-Сергиева монастыря мы можем проследить на протяжении более двухсот лет. В середине XV века (около 1447 — 1454 г.г.) Господин Великий Новгород дал монастырю грамоту на беспошлинные торг и проезд по всей Двинской земле — „зимѣ на возѣхъ, а лѣтѣ на 11 лодьихъ“, с несудимостью от посадников и их приказников на Вологде, Колмогорах и Неноксе: „не судятъ ихъ ватамановъ, ни кормниковъ, ни осначевъ, и съ поличнымъ“. Если кто изобидит чем монастырского купчину, „и онъ дастъ посадницку и тысяцкому и всему Господину Великому Новугороду 50 рублевъ въ стѣну“ [149]. В 6985 г. (1477) г. Новгород дал новую грамоту с некоторыми изменениями, в которой о суде сказано: „а не судити ихъ старцевъ сергіевскихъ, ни ихъ вотамановъ, ни ихъ осначевъ тамо ни въ каковѣ дѣлѣ, ни съ поличнымъ“ [150].

После присоединения Новгородских владений к Московскому княжеству монастырь, наверное, получил грамоту от вел. кн. Ивана, но она либо пропала, либо еще не найдена. Неизвестна и грамота в. кн. Василия, которая упоминается позже в грамоте 1582 г. Известна грамота 1507 г. кн. Юрия Ивановича на беспошлинную торговлю в его уделе в Дмитрове и Кашине. Про несудимость в ней сказано: „а намѣстницы мои Дмитровские и Кашинские и волостели и ихъ тіуни того купчины и его людей не судятъ ни въ чемъ, и приставовъ своихъ на нихъ и на его людей не даютъ“ [151].

В 7056 г. (1548 г.) монастырь получил грамоту на двор на Двине и на дрв. Горки, и в эту грамоту была вписана несудимость в пути. В 1551 г., в связи с ограничением торговых тарханов, эта грамота была отменена, но в 1554 г. царь Иван дал новую грамоту, с ограничением в торговых привилегиях, но с прежней несудимостью: „А намѣстницы наши и волостели и ихъ тіуни по городомъ и по волостемъ слугъ ихъ и купчинъ монастырскихъ и ихъ людей и кормъщиковъ и гребцов, гдѣ они тогды ни пріѣдутъ, не судятъ ни съ кѣмъ, ни въ побережныхъ, ни въ какихъ дѣлѣхъ“ [152]. В 1582 г. монастырю была дана новая грамота, подтвержденная затем в 1586, 1606, 1613, 1657 и 1680 годах, но она до нас не дошла. О привилегии монастыря в XVII веке мы можем узнать из другой грамоты — из грамоты 1613 г., переписанной с грамоты царя Ивана. О суде в ней сказано: „А хто у нихъ по-

идетъ на судѣхъ, на 4 насадѣхъ и на подвоскѣхъ, старцевъ или слугъ, и гребцовъ, и казаковъ, и кормъщиковъ, и носовъщиковъ, и водоливовъ и всякихъ людей, и намѣстникомъ нашимъ и таможникомъ и мытчикомъ и всякимъ приказнымъ людемъ, Вологоцкимъ, и Тотемъскимъ, и Устюжскимъ, и Каргопольскимъ, и Колмогорцемъ, и на морѣ и за моремъ. . . ни въ чемъ не судити". Кому будет до нихъ дело, то судит царь, или кому он прикажет [153]. Новая, сводная грамота 1625 г., данная из Сыскного приказа, прибавила к прежним правам монастыря право ездить, на тех же основаниях, за рыбой и солью по Волге до Астрахани [154].

Такой же привилегией пользовался другой крупнейший монастырь — Кириллов. В 1435 — 1447 г. он получил грамоту от кн. Михаила Андреевича на свободную торговлю в его уделе на Белоозере. По часто встречающемуся в древних грамотах несовершенству текста, в ней не сказано прямо о несудимости, но несомненно, что она подразумевалась. Это видно из того, что в ней дано право сместного суда, что было бы неуместно, если бы монастырь не имел несудимости в делах его людей между собой [155]. После присоединения Белоозера к Московскому княжению монастырь, вероятно, сохранил эту привилегию. По крайней мере известно, что в. кн. Иван III не порудил грамот кн. Михаила [156], а позже великие и удельные князья не раз давали Кириллову монастырю грамоты с несудимостью в пути. Так, в 1520 г. кн. Дмитрий Иванович дал монастырю грамоту на беспошлинный проезд, 2 раза в лето, через его удел (Дмитров), с подсудностью только ему, самому князю [157]. В 1577 г. монастырь получил две сводные грамоты на все вотчины — одну на вотчины „въ дворовыхъ городѣхъ", т.-е. в опричнине, а другую — на вотчины в земских городах. Сравнение этих грамот показывает, что вторая дословно списана с первой. В обеих грамотах мы видим несудимость во всех городах для старцев. слуг и крестьян, которые поедут с монастырскими запасами и солью [158]. Та же привилегия находится в двух частных грамотах — в грамоте 1577 г. на земли и угодья в волости Умбе и в грамоте 1615 г. на посад Неноксу [159].

В XVI в. несудимостью в пути пользовался некоторое время Спасский монастырь в Ярославле. В 1519 году он получил грамоту на беспошлинную торговлю и несудимость по всем городам, кроме Нижнего, где он должен был платить все пошлины. В 1534 и 1551 г. грамота была подтверждена, но перед 1556 годом монастырь по неизвестной причине лишился этой привилегии [160].

Из мелких монастырей, насколько мне известно, подобной привилегией пользовались Глушицкий и Николы Угрешский. Первый получил в 70-х годах XV века от в. кн. Марьи грамоту на беспошлинный проезд через ее вотчину в Ростове и Романове, с несудимостью: „А хто ся у тѣхъ у монастырскихъ людей поимается за каково поличное, и намѣстницы и волостели или ихъ тіуни того монастырского человѣка дадутъ на поруцѣ, да учинятъ имъ обоимъ срокъ передъ меня, передъ великую княгиню“ [161]. Угрешский монастырь получил грамоту от царя Ивана, которая была подтверждена в 1599 и 1606 годах [162].

Насколько позволяют судить источники, большинство монастырей не имело этой привилегии, и приведенные факты не заслуживали бы, быть может, того внимания, которое я уделил им, если бы наряду с ними не было другого достойного внимания факта — несудимости в пути, как общего правила, для крупных торговых людей, иноземцев и русских.

Мы не знаем, когда торговые москвичи были организованы в Гостиную и Суконную сотни и получили свои привилегии, но очень вероятно, что начало этому было положено еще во время уделов. Во всяком случае, в последней четверти XVI века Гостиная и Суконная сотни имели ту определенную и законченную организацию, какую мы наблюдаем в XVII веке. В первой известной нам жалованной грамоте на имя гостя, в грамоте 1598 г. Ив. Соскову, мы видим такую определенность пожалований, которая с несомненностью говорит за то, что выдача подобных грамот производилась уже давно, и отдельные элементы грамот этого рода получили законченную формулировку. Как в грамотах XVII в. мы видим в грамоте 1598 г. свободу от постоя, право варить и держать про себя хмельные напитки и несудимость во время торговых поездок: „а въ которые городы Иванъ поѣдетъ, или его дѣти или племянники, съ товары, и въ тѣхъ городѣхъ наши намѣстники и воеводы и всякие приказные люди ихъ не судятъ ни въ чемъ“, — судит их сам царь, „или кому повелитъ судити“ [163]. В следующем году царь Борис пожаловал в лучшие люди Гостиной сотни немчина Игн. Поперзака и дал ему среди других привилегий исключительную подсудность посольскому дьяку [164].

В 1606 г. получил грамоту Гостиной сотни Андр. Окулов. Несудимость определена в ней так: „гдѣ ему случится въ отъѣздѣ быти самому, или его братьѣ или его дѣтемъ или его племянникомъ, которые съ нимъ не въ раздѣлѣ, или ихъ людемъ, нашего государства по всѣмъ

городамъ, и наши бояре и воеводы и дьяки и всякіе наши приказные люди ни въ чемъ ихъ не судятъ“ [165].

Исключительно большие привилегии в торговле имели именитые люди Строгановы, которые были не только крупнейшими „слободчиками“, но и соловарами и оптовиками соляной торговли. В грамотах гостям не говорится о их праве судить своих людей, хотя я думаю, что это подразумевалось, но в грамоте 1610 г. Петру Строганову, у которого на службе было множество людей, о праве суда сказано определенно: „а людей своихъ и крестьянъ судить онъ самъ по прежнимъ и по сей нашей грамотѣ“. О несудимости в городах в ней сказано то же, что в грамотах гостям [166].

В заключение обзора грамотчиков, получавших судебные привилегии в связи с их промыслами или профессией, следует сказать несколько слов о мелких агентах власти, получавших несудимость на время исполнения своих обязанностей. Приказные люди разных чинов и званий не нуждались в несудимых грамотах, так как частью сами были судьями, а все вообще находились под охраной и береженьем своих ближайших начальников, а в высшей инстанции — самого князя. В ином положении находились поставщики и откупщики. Они не принадлежали к приказным людям — были чужими в этой среде. Между тем, чтобы делать свое дело „бесстрашно“, т.-е. не боясь никого, они нуждались в охране от притеснений и придирок княжеских приказных, быть может, не менее, чем от „обидъ и насильствъ“ и поклепных исков частных лиц. Чтобы обеспечить им необходимую степень „бесстрашія“ и уверенности, князья и цари не находили ничего лучшего, как ограждать их от местных властей и частных лиц несудимостью. К сожалению, для времени до XVII века наши сведения по этому вопросу очень не велики.

В 1582 г. Т. Ситников порядился отвезти по Волге в Астрахань государев хлеб. Ему была дана проезжая грамота с несудимостью для него самого и всех его людей во всех городах туда и обратно: искать на них можно было только в Москве перед боярами [167].

Несудимость откупщиков была в XVII в. настолько прочно установившимся правилом, что на этот счет выработались однообразные и устойчивые нормы, вошедшие отчасти в Уложение царя Алексея [168]. Во всех делах, кроме разбойных, татиных и убивственных, откупщики были несудимы на местах. Иски к ним можно было предъявлять только в том приказе, из которого они получили на откуп тот или иной доход, при чем это можно было делать только после окончания откупного срока.

Для XVI века мы имеем только одну откупную грамоту, и в ней мы видим судебную охрану такого же характера, как в грамотах XVII века. В 1569 г. таможенные откупщики во Владимире и в дворцовом селе Картмазове получили несудимость от наместников и волостелей, опричь душегубства, разбоя и татьбы с поличным, а иски во всех прочих делах можно было учинать против них только перед казначеем и печатником, у которых они получили откуп [169].

Нет сомнения, что это явление очень древнее. Если мы не встречаем на него прямых указаний в источниках удельного времени, то это объясняется, помимо того, что вообще мы имеем очень ограниченное количество источников, тем, что откупная форма сбора доходов вообще применялась редко. Наиболее распространенной формой сбора их было пожалование кормленщикам или сбор при помощи приказных людей, большею частью из числа рабов.

Однако, идея судебной охраны агентов власти, когда по обстоятельствам дела в этом представлялась надобность, была хорошо известна и применялась в жизни. Указания на это мы находим в духовных грамотах князей. Так, кн. Владимир Андреевич в духовной 1410 г. завещал Городец на Волге в удел своим сыновьям, а тамгу и мыт в Городце дал пожизненно своей жене, а чтобы она могла беспрепятственно получать эти доходы, он сделал такое распоряжение: „А на мытниковъ и на таможниковъ дѣти мои на городецкихъ матери своей приставовъ своихъ не даютъ, ни судятъ ихъ, — мытниковъ своихъ и таможниковъ судитъ ихъ княгиня моя, а въ мытъ и тамгу дѣти мои не вступаются никаковыми дѣлы“. То же распоряжение, но не в применении к каким-нибудь мелким мытникам, а к агентам власти вообще, мы видим в духовной, около 1462 г. вел. кн. Василия Темного [170].

XIV.

Что означает прекращение выдачи служилым людям тарханных грамот в начале XVI века, и несудимых грамот около 1554 года? Право вотчинного суда становится в середине XVI века общим правом служилого землевладения.

Теперь я постараюсь ответить на вопросы, поставленные выше: 1) что означает прекращение выдачи служилым людям — около 1506 г. тарханных грамот и около 1554 г. не-

судимых, и 2) стали ли судебные привилегии несудимых грамот общим правом для служилых землевладельцев?

Предшествующее изложение подготовило нас к тому, чтобы отказаться от взгляда на жалованные грамоты, как на акты исключительной милости князей, как на источники только привилегий. Жалованные грамоты были, если не единственной, то во всяком случае главной формой правотворчества князей удельного времени. Позже, в XVI—XVII в.в., получают большое значение, так называемые указные грамоты, но в удельное время, при несовершенной и слабой администрации кормленщиков, они играли совершенно второстепенную роль, да и не могли заменить жалованных грамот уже потому, что были распоряжениями на отдельные казусы и только при повторениях могли приобретать тот характер длительного действия, который был важным свойством жалованных грамот. Междукняжеские договоры, при всей своей большой ценности в качестве исторического источника, источниками права в свое время были только в области междукняжеских отношений. Наконец, законодательные своды появляются в конце удельного времени и, как известно, содержат почти исключительно нормы процессуального, а не материального права.

Я вовсе не хочу сказать, что мой взгляд на жалованные грамоты есть совершенная новость, — да дело и не в том, является ли взгляд того или иного автора новостью,— но нельзя не признать, что даже авторы, свободные от одностороннего взгляда на жалованные грамоты, не делали возможных выводов из исследования этого важного источника. Укажу для примера на М. А. Дьяконова, который, по свойственной ему чрезмерной исследовательской осторожности, вообще был склонен останавливаться на полдороге. Указавши на большую важность для истории права жалованных грамот, он говорит, что „некоторые из пожалований получили характер общих норм. Напр., предоставляемое по жалованным грамотам землевладельцам право судить население своих имений и взимать с него подати вошло готовым элементом в состав крепостного права на крестьян вотчин и поместий“ [171]. Но насколько сам М. А. Дьяконов придавал мало значения своему выводу, видно из того, что в монографическом исследовании о сельском населении Московского государства он не приложил его к истории крепостного права и не пытался выяснить, какое значение имел вотчинный суд.

Внимательное исследование жалованных грамот и проверка их показаний при помощи других источников дают возможность выяснить, что одни пожалования действительно

были исключительными милостями князей или временными льготами и, как таковые, с течением времени отпадали бесследно, другие — будучи с самого начала изъятиями или привилегиями, так и оставались на положении исключений, не оказавших значительного влияния на развитие права, третьи — из привилегий становились с течением времени общим правом. Для историка наибольший интерес представляют, конечно, пожалования последней категории. Что означает тот факт, что около 1506 г. служилые люди перестали получать тарханные грамоты? Правильно оценить этот факт можно только при том условии, если мы будем все время иметь в виду различные свойства и различные судьбы отдельных элементов жалованных грамот.

Тягло служилых земель XVI века нам достаточно известно, в общих, конечно, чертах. Мы знаем, что множества повинностей удельного времени, преимущественно повинностей чисто-хозяйственного характера и происхождения, в XVI веке для служилых земель не существовало. Таковы, напр., повинности кормить княжего коня и косить для него сено, содержать псарей и кормить собак, принимать участие в княжеской охоте или рыбной ловле, делать „сельское дѣло“ и т. п. Группа повинностей по содержанию княжеских кормленщиков разлагается с течением времени на части, из которых одни уничтожаются совсем, другие заменяются определенным, посошным или пообежным налогам. Ямская повинность в течение первой половины XVI в. для многих местностей заменяется денежным платежем. Во всяком же случае, и в виде налога, и в виде повинности, это — государственная общая повинность, которую несут все земли и люди, в том числе служилые. Уже в конце XV века общим, повидимому, государственным налогом становится обежная или сошная дань, а позже возникают другие налоги, как напр., полоняничные деньги (в середине XVI в.) и деньги за засечное, городовое и ямчужное дело, там, где служилые земли не несли этой повинности в натуре.

В порядках несения тягла тоже произошли большие перемены. Принцип особности тягла и свобода от поруки становится для служилых земель общим правилом. Поскольку черные и дворцовые земли еще не были поглощены служилым землевладением у последнего оставались еще общие волостные дела и повинности с первыми землями, но, во-первых, служилые земли не подлежали мирскому окладу и не несли поруки за других плательщиков волости, а во-вторых, несомненно, что уже в конце XV в. было положено прочное начало тому процессу обособления слу-

жилых земель от черных миров, который в последующее время развивался неуклонно и привел к тому типу „бѣлого“ служилого и монастырского тягла и землевладения, который мы наблюдаем в XVII веке, как противоположность „черному“ тяглу посадов и дворцовых и черных волостей.

Представление, что служилые люди должны нести свои особые обязанности и притом особо от черных людей, несомненно, было ясно уже в XV веке. Коротко и определенно это выражено в одной грамоте (около 1483 г.) кн. Андрея Васильевича. Он дал Злобе Львову разрешение купить в своем уделе на Вологде „земли на соху, боярскихъ и служнихъ и черныхъ тяглыхъ земель, кто ему продастъ“, и прибавлял в грамоте: „а съ тое земли съ слугами и съ черными людьми не тянетъ, а служити (съ) своею братьею съ дѣтьми съ боярскими“ [172]. Но если идея была давно и хорошо знакома, то путь проведения ее в жизнь, как это обыкновенно бывает в таких случаях, был долог и сложен. В этом процессе развития белого тягла и белого землевладения жалованные грамоты сыграли в удельное время значительную роль.

Тягло удельного времени и порядки его отбывания сложились на почве вотчинного хозяйства князей, применительно к зависимому и несвободному населению, сидевшему на земле князя. Такое тягло и порядки его несения были несовместимы с хозяйственной независимостью служилых и неслужилых землевладельцев, владевших землей на праве частной, полной или условной, собственности. В частности, относительно служилых землевладельцев князья, конечно, не могли игнорировать того, что служилые люди отдавали значительную часть своих сил и средств на службе и не могли, следовательно, нести таких же повинностей, как люди, свободные от дворовой или ратной службы. Процесс разграничения интересов княжеской казны и интересов частного землевладения происходил в значительной мере путем жалованных грамот. Переход к новым порядкам совершался очень медленно, не общими нормами и не по определенному заранее плану, а эмпирически, и в отдельных проявлениях не имел той отчетливости и логичности, которые мы стараемся придать нашим обобщениям. Применяясь к особенностям случая, к лицам и временным и местным обстоятельствам, князья путем жалованных и указных грамот разрешали вопросы текущего управления. В одних случаях они давали, быть может, меньше, в других — больше, чем требовалось существом дела, нарушали старые грамоты и давали вместо них

новые, или, не отменяя данных грамот целиком, давали „на грамоты грамоты". В результате, однако, были найдены путем практики известные средние нормы тягла, совместимого со службой и с правом частной собственности на землю.

Почву для этого, с своей стороны, подготовляла нивелирующая политика московских великих князей. Иван III и его преемники систематически принижали верхи служилого класса, покровительствовали низам и в отношениях ко всем служилым людям стремились провести, вместо прежних личных отношений, безличные общие шаблоны. И не случайным, мне кажется, то обстоятельство, что выработка основ поместного землевладения по времени совпадает с выработкой основных начал тягла, приспособленного к служилому землевладению. Мне представляется, что последнее было достигнуто в начале XVI века и этим объясняется прекращение выдачи тарханных грамот. Исключительные милости и тарханы прекратились для массы служилых людей, а жаловать освобождением от повинностей, несовместимых со службой и правом частной земельной собственности, не было уже надобности, так как большая часть этих повинностей вышла из употребления.

Переходя к вопросу о несудимых грамотах служилым землевладельцам, следует ответить определенно, стала ли выдача их в XVI веке общим правилом, или и в середине века она оставалась исключением, хотя бы и очень частым. Мне кажется, что есть целый ряд очень веских оснований утверждать, что к середине XVI века выдача несудимых грамот стала общим правилом, а так как к этому времени установился однообразный шаблон судебных пожалований, то дальнейшая выдача грамот потеряла смысл и потому была прекращена.

Выше по поводу сместного суда я привел свидетельство Ченслера, дважды посетившего (в 1553 и 1555 годах) Московское государство. Как иностранцу, незнакомому с русским языком и наблюдавшему русскую жизнь мимоездом и с внешней стороны, ему не были знакомы ни ограничения вотчинного суда, ни вообще тогдашнее судоустройство, и он схватил только то, что бросалось в глаза, как общий порядок, — право господ судить своих людей и крестьян. Наши источники подтверждают правильность показания Ченслера.

Мы видели, что судебный иммунитет в удельной Руси вовсе не был редкостью, исключительной привилегией князей церкви, монастырей и крупнейших и знатнейших вот-

чинников, — кроме них его получали рядовые и мелкие служилые люди, вотчинники и помещики, и тяглые люди, и причты соборных и сельских церквей и т. д. Можно без преувеличения сказать, что иммунитет, с точки зрения князей, был такой же нормальной формой управления одной частью их владений, как управление при помощи кормленщиков было нормальной формой для управления другой частью.

Относительно судебных пожалований служилым людям напомню вывод, сделанный выше: в первой половине XVI в. они выливаются в однообразный шаблон четырехстатейной несудимой грамоты. Этот факт, сам по себе, является важным свидетельством всеобщности таких пожалований. Они становятся столь обычным явлением, что часто соединяются в одной грамоте с обыкновенным поместным пожалованием [173].

Очень важное указание на то, что в середине XVI века дача несудимых грамот была общим правилом, мы находим в 64 статье Судебника 1550 г. В ней сказано: „А дѣтей боярскихъ судити намѣстникомъ по всѣмъ городомъ по нашимъ царевымъ государевымъ жалованнымъ по ихъ вопчимъ грамотамъ“ [174]. Неудачная редакция статьи дает место различному пониманию ее. Во-первых, что это за „вопчие“ грамоты? Нам неизвестно жалованных грамот, которые носили бы такое название. По моему, В. И. Сергеевич правильно сказал, что это — те же несудимые жалованные грамоты, и увидел в этой статье свидетельство того, что „вотчинный суд существует еще в полной силе в середине XVI века“ [175]. Но почему, в таком случае, редакторы Судебника употребили такой необычный термин?

Мне кажется, что это объясняется так. Эти грамоты в просторечии и в официальных актах назывались несудимыми по одному элементу пожалования, быть может, самому важному с тогдашней точки зрения, — по первой статье, где говорится о неподсудности грамотчика и его людей наместникам. Редакторы Судебника назвали их по третьему элементу, по третьей статье, где говорится о сместном или вобчем суде. Его они имели в виду и вовсе не думали отменять первую статью (о несудимости). Именно поэтому им казалось неправильным и неподходящим сказать, что наместники должны судить детей боярских по их несудимым грамотам. А что Судебник вовсе не отменял несудимых грамот, видно из того, что судить наместники должны „по“ грамотам, а также из того факта что выдача несудимых грамот, совершенно прежнего типа, продолжается несколько лет и после Судебника — в 1551—

1554 годах. Поэтому я думаю, что 64 ст. имела в виду только сместный суд и потому назвала жалованные грамоты „вопчими". Но почему, в таком случае, понадобилось говорить о суде наместников, если сместный суд существовал задолго до Судебника и статья о нем повторяется в грамотах, данных после Судебника, без изменения против прежнего? Объяснение этому, отчасти, дано мною выше.

Мне представляется, что, по мере количественного роста служилого, главным образом, поместного, землевладения и поглощения им черных и дворцовых земель, во многих уездах создалось такое положение, что земли служилых людей занимали сплошь весь уезд или значительные части его. Поэтому людям и крестьянам служилых грамотчиков приходилось большею частью „сплетаться" в тяжбах, не с городскими или волостными государевыми людьми, а с людьми служилых же грамотчиков. Статья о сместном суде, сложившаяся еще в удельное время, не предусматривала таких случаев. Практика выработала факультативный сместный суд, т.-е. два грамотчика, не обращаясь к суду волостеля или наместника, сами судили сместно своих людей. Однако такое решение вопроса представляло некоторые невыгоды для самих же служилых грамотчиков. В случаях несогласия и споров между ними, они должны были обращаться к суду наместника или волостеля, а так как они оба вмешивались в дело, то суд наместника в таких случаях становился в сущности судом не сместным, а единоличным судом наместника или волостеля. Таким образом, естественный ход жизни привел к тому, что сместный суд старого типа, т.-е. суд грамотчика с наместником или волостелем, выродился — в одних случаях в житейскую полюбовную сделку грамотчиков между собою, а в других — в единоличный суд наместника.

Такой порядок представлял и другое неудобство. По жалованным грамотам служилые грамотчики освобождались от тягла с черными людьми и получали большую судебно-полицейскую власть над населением своих владений. Княжеская власть делала из этого совершенно естественный вывод — стала возлагать на грамотчика ответственность за его людей, в податном, судебном и полицейском отношениях. Ответственность развивалась и усиливалась медленно и постепенно, но уже в первой половине XVI века применялась во многих случаях. Так, напр., по губным наказам служилые люди были обязаны выдавать губным старостам своих людей, обвиняемых в разбое. Если они их не ставили перед губными старостами, то в наказание на них взыски-

валась без суда половина иска потерпевших, а сверх того, старосты давали их на поруку, „что имъ тѣхъ людей, добывъ, передъ старостами поставить“. Что с точки зрения власти землевладельцы и их крестьяне были солидарно ответственны в податях, на это очень много указаний. Случалось, что прикащики служилых людей и монастырские посельские, а иногда и сами служилые люди, попадали на правеж за неуплату налогов их крестьянами. А во второй половине XVI века встречаются случаи, когда за уклонение служилого человека от службы сажали в тюрьму его крестьян и взыскивали с них прогонные деньги за разъезды высыльщиков служилых людей. Следствием этого в области суда было то, что служилые люди, сливая свои интересы с интересами крестьян, все чаще и чаще стали выступать на судах вместо и за своих крестьян. А так как по четвертой статье несудимых грамот грамотчики были подсудны только самому князю или его боярам, то служилым людям открывалась возможность переносить сместные дела их людей и крестьян на суд царя и бояр в Москву. Для власти это было неудобно тем, что значительно увеличивало количество судных дел. Да и для служилых людей это была палка о двух концах, так как сегодня служилому грамотчику было выгодно отвечать только на Москве, а завтра ему приходилось быть истцом и испытывать все невыгоды иска перед царем и Московской волокиты. В небольших уделах XIV—XV в.в. отвечать и искать только перед своим князем было для грамотчика большим преимуществом. В разросшемся Московском государстве это право становилось во многих случаях невыгодным самим служилым людям, тем более, что личный суд князя, по мере роста государства, все более и более сменялся судом бояр и дьяков, т.-е. приказных.

Против этих неудобств и была, как мне кажется, направлена 64 ст. Судебника. Она вовсе не лишала детей боярских права сместного (факультативного) суда, ни судебных прав вообще, а имела в виду только тяжбы детей боярских между собой, т.-е. главным образом, те вопчие или сместные дела, которых грамотчики не могли решить полюбовно. По 64 ст. такие дела становились обязательно подсудными наместникам, а дети боярские лишались права переносить их на суд царя и бояр в Москву. Только такие дела имела в виду 64 статья.

Как бы мы ни понимали 64 ст. Судебника, она для нас важна, как свидетельство того, что во время издания Судебника судебные привилегии служилых людей были общим правилом и „во всѣхъ городахъ“. Именно поэтому

дальнейшая выдача несудимых грамот становилась излишней и потому, около 1554 г., была прекращена. Приведу факты и соображения за этот вывод и факты и соображения, которые противоречат противоположному выводу, т.-е. мнению Неволина и Сергеевича, будто прекращение выдачи несудимых грамот означает отмену судебных привилегий.

Укажу на аналогию, которую мы наблюдаем в порядках поместных пожалований. В XV веке и в первой половине XVI века служилый человек получал на поместье жалованную грамоту, за вислой на шелковом шнурке печатью, а затем отказную грамоту. Жалованная грамота писалась с „сеазомъ", т.-е. начиналась словами: „Се азъ, князь великий..... пожаловалъ" и т. д. и содержала самый факт пожалования. Отказная грамота была простым распоряжением подчиненных органов князя, предписанием местному агенту власти отделить и отказать поместье пожалованному лицу. Агент власти производил по отказной грамоте отдел, составлял отдельные книги и отсылал их князю. На основании отдельных книг („съ отдѣльныхъ книгъ") помещик получал ввозную или послушную грамоту, адресованную на имя крестьян, с которой он „ввозился" в поместье, начинал владеть фактически. С течением времени форма жалованных грамот с „сеазомъ" удерживается только для вотчинных пожалований, а для поместных устанавливается упрощенный и более дешевый для служилых людей порядок. По приказному докладу дается указ о пожаловании поместьем и помещику выдается из приказа отказная, а затем ввозная грамоты. Последняя становилась для него главным документом, по которому он владел поместьем.

Неизвестно, когда произошло это упрощение и удешевление поместных пожалований. Очень вероятно, что выдача на поместья жалованных грамот вышла из употребления не сразу, а мало-по-малу. Во всяком случае, несомненно, что в первой половине XVI века получение на поместье жалованной грамоты было таким же обычным и необходимым этапом в получении поместья, как во второй половине века — получение только отказной и ввозной, а если отдел производили писцы по особому наказу, то только одной ввозной грамоты. Нетрудно догадаться, почему для более раннего времени выдача жалованной грамоты была необходима: поместное право еще не вылилось в определенную систему, условия владения могли быть различными, и потому была необходима жалованная грамота как свидетельство акта пожалования, так и условий владения землей. Позже, когда поместное право стало законченной

и выработанной системой, в этом не стало необходимости и установились шаблоны отказных и ввозных грамот.

Следующее обстоятельство не позволяет видеть в факте прекращения выдачи несудимых грамот отмены судебных привилегий служилого класса. Известно, что в это же приблизительно время были произведены крупные реформы в судоустройстве и местном управлении. Неизвестно, в какой связи находятся между собой эти факты, но все, что мы знаем об этих реформах, совершенно несовместимо с предположением, что служилые люди в это время лишились своих привилегий.

Уложенье о службе с земли и об отмене кормлений известно нам только из летописных источников, где оно отнесено, напр., в Никоновской летописи, к 64 году, при чем обе реформы являются результатом как бы одного приговора царя с его братьей и боярами [176]. Последнему противоречат уставные земские грамоты. Первые грамоты, в которых говорится, что царь указал отставить кормленщиков во всех городах (стало быть, это уложенье, а не указ на отдельный случай), относятся к августу 63 года (1555 г.). Поэтому приходится предположить, что было по крайней мере два приговора: в 63 г. по челобитью тяглых людей было постановлено отставить кормленщиков, а в 64 г.— по челобитью служилых людей было решено реформировать условия службы с земли. Первая реформа одной стороной касалась условий службы, и потому, быть может, показалась летописцу как одно уложенье. Для нашей темы важны некоторые стороны этих реформ, а именно—отставка кормлений и связанные с этим перемены в судоустройстве.

Дело в том, что отставка кормленщиков вылилась в разных частях государства в различные формы. В летописном пересказе приговора и в уставных грамотах говорится, что царь указал „во всѣхъ городѣхъ и въ станѣхъ и въ волостяхъ учинити старостъ излюбленныхъ“ и возложить на них суд во всяких делах. В действительности отставка кормленщиков в уездах служилого землевладения приняла совсем другой вид, чем в черных волостях. Черные уезды и волости, некоторые посады и некоторые дворцовые села получили уставные грамоты, по которым им было дано право самоуправления и суда, с обязательством собирать самим и платить в казну оброк за доходы, которыми раньше пользовались у них кормленщики. Таким образом, в применении к ним, реформу можно рассматривать (в судебной, а отчасти и в административной части) как попытку распространить иммунитет на широкие круги тяглых людей. Попытка была не так удачна, как ее принято изображать.

в литературе, в несколько приподнятом тоне, но это — другой вопрос, а для нашей темы важно, что здесь суд кормленщиков был заменен судом выборных. Затем, следует отметить, что в этих землях кормленщики сохранили, вплоть до самой отставки, почти все свои исстаринные доходы. При отставке кормлений черные миры „оброчились“ у казначеев. Казначеи сличали сумму доходов, которую получали кормленщики уезда или волости, и, исходя из этой суммы, назначали оброк „окупъ“ за доходы кормленщиков. Тяглый мир, получающий грамоту, должен был платить сполна, без недоимки этот окуп, раскладывая его между своими сочленами. Поэтому, окуп за доходы кормленщиков в черных землях и на посадах оказался, во-первых, очень разнообразным, смотря по местным условиям, а во-вторых, во много раз более высоким, чем для служилых и вообще частновладельческих земель.

Совсем иначе была проведена реформа в уездах служилого землевладения. Здесь уже до реформы наместники и волостели утратили большую часть власти и доходов. По несудимым грамотам сами служилые люди и их прикащики были подсудны царю, а их люди и крестьяне были подсудны своим господам. За кормленщиками оставалась половина пошлин от смесного суда (поскольку грамотчики не обходили его, решая дела полюбовно) и суд в душегубстве и разбое, а иногда и татьбе. Когда в 40-х годах были введены губные учреждения, то они лишились большей части доходов и от этих дел. Затем, как мы видели, благодаря тарханным грамотам, кормленщики лишились многих других доходов: кормов и поборов, мыта, явки, пятна и других менее значительных доходов. Таким образом, в уездах служилого землевладения отставка кормленщиков была подготовлена в этом отношении очень основательно самой жизнью. Поэтому, при отставке кормленщиков на поместные, вотчинные, властелинские и монастырские земли „окупъ“ за доходы кормленщиков был положен в очень небольшой ставке, и притом в одинаковом для всех уездов окладе, а именно 42 ал. 4 д. с большой сохи (в 800 четвертей). В последнем факте я вижу очень веское указание на то, что судебные и податные привилегии служилых людей, перед отменой кормленщиков, уже не были привилегией, а стали общим правом.

По этой же причине в уездах служилого землевладения оказалось возможным отставить кормленщиков, не вводя вместо них самоуправления и не заменяя их выборными судьями.

До сих пор неизвестно, — да наверное и не будет найдено, — уставных грамот для уездов или волостей служи-

лого землевладения. В других источниках тоже нет никаких указаний на то, чтобы в этих землях был учрежден суд выборных. Позже, в последней четверти XVI века, в некоторых уездах изредка упоминаются какие-то „судные головы“ из детей боярских, но, во-первых, неизвестно, были ли они выборные, во-вторых, — пределы их власти неясны, а в-третьих, несомненно, что они были далеко не везде, а скорее в виде исключения. До повсеместного введения, в первой четверти XVII века, воевод, в уездах служилого землевладения суд был поручаем самым различным органам власти: то наместникам, где они еще не были отставлены (волостели были отставлены везде), то губным старостам, то городовым прикащикам, то осадным и судным головам, а иногда то тем, то другим. Выше было показано, что прекращение выдачи несудных грамот совпадает по времени с отставкой кормленщиков. Если бы служилые люди лишились в это время своих судебных прав и, в частности, права вотчинного суда, то ясно, что количество судных дел должно было бы возрасти в очень большой степени, и было бы совершенно непонятно, как оказалось возможным уничтожить суд кормленщиков и не заменить его другим органом.

Отмечу еще одно обстоятельство. Выдача несудимых грамот всем другим разрядам грамотчиков (кроме служилых людей) продолжалась не только в XVI, но и в XVII веках. Ни в одной из этих грамот нет ни малейших намеков на те перемены в суде и судоустройстве, которыми неминуемо должно было бы сопровождаться лишение судебных привилегий целого многочисленного класса. Сверх того совершенно неправдоподобно, чтобы целый влиятельный класс был лишен вековых привилегий, когда он превращался в сословие, а все другие разряды грамотчиков продолжали получать такие же привилегии. Но можно возразить: почему же грамотчики других разрядов продолжали получать жалованные грамоты? Ответ мне кажется очень простым: ни судебные, ни тем более тарханные пожалования властям и монастырям, несмотря на несомненный рост однообразия, далеко не достигли, даже в XVII веке, такого единства и шаблонности, которые позволили бы прекратить выдачу грамот, не касаясь самих привилегий.

Напомню, наконец, факт, описанный выше. Митрополиты, а позже патриархи, и архиереи дают своим дворянам и детям боярским право вотчинного суда и другие права во второй половине XVI века и в XVII-м. Они делают это то в форме ввозных грамот, то в форме жалованных несудимых грамот, то временно (в форме ввозных грамот цар-

ского типа, т.-е. без упоминания о суде). Между тем, и в социальном и в служебном отношениях, эти дворяне и дети боярские были много ниже государевых служилых людей.

Поэтому я прихожу к выводу, что прекращение выдачи несудимых грамот около 1554 года не означает отмены судебных привилегий служилых землевладельцев. Их судебный иммунитет и, в частности, право вотчинного суда, существовавшие с незапамятных времен, подвергаются с течением времени ограничениям, — сначала в делах о душегубстве, а затем и в делах о разбое и татьбе с поличным. Вместе с тем они распространяются на все большее количество лиц, и в первой половине XVI века становятся для служилого землевладения общим правом. Местные особенности и личные исключения с течением времени, сглаживаются, и ко второй четверти XVI века вырабатывается однообразный шаблон четырех-статейной несудимой грамоты. Поэтому дальнейшая выдача несудимых грамот отдельным лицам становится излишней и около 1554 г. прекращается.

Возможно, что последний факт стоит в связи с крупными реформами этого времени, но пока, по наличным источникам, выяснить эту связь невозможно. Равным образом нельзя уверенно сказать, в каком объеме были признаны за служилыми людьми их судебные привилегии после прекращения выдачи несудимых грамот, в том ли самом, в каком мы видим их в грамотах, или с изменениями. Предположение, что привилегии были признаны общим правом с некоторыми изменениями, вполне допустимо, так как одновременно, в связи с отставкой кормленщиков, произошли большие перемены во всем судоустройстве. Однако, тот факт, что прочие разряды грамотчиков продолжали и после этого получать грамоты с прежними привилегиями, дает основание сказать, что изменения в правах служилых землевладельцев, если и были сделаны, то не были значительными.

Впрочем, этот вопрос имеет второстепенное, как мне кажется, значение, так как под покровом жалованных грамот, с их традиционными формулами, жизнь развивалась своим чередом. Выше было показано, как рязанские грамоты с течением времени, совершенно перестали отражать современную им действительность. Московские грамоты, в этом отношении, неизмеримо выше рязанских, но и они давали только общие положения, в пределах которых было много места для развития новых отношений. Так, под покровом однообразной, с древнейших грамот, статьи о сместном суде, сместный суд, в зависимости от новых

условий жизни, в действительности переродился и получил другое значение еще задолго до 1554 года. Такое же замечание применимо и к четвертой статье — к статье об исключительной подсудности грамотчика князю.

Из этого наблюдения вытекает очень важный вывод для исследователей дальнейшей истории судебных прав и привилегий служилого землевладения. А именно — в удельное время право вотчинного суда, сместный суд и исключительная подсудность грамотчика князю были настолько тесно связаны между собой и с первой статьей, со статьей о несудимости на местах, что являются как бы придатками ее, естественными выводами из принципа несудимости. Эта тесная связь отдельных элементов иммунитета друг с другом обусловливалась всем складом жизни и, в особенности, свойствами управления при помощи кормленщиков. В Московском государстве управление и судоустройство основываются на других началах. Вследствие этого связь между отдельными элементами иммунитета порывается, и со второй половины XVI века (приблизительно) каждый элемент начинает жить своей жизнью и имеет свою историю. Суд князя и его бояр введенных превращается в суд учреждений — приказов. С учреждением воевод, как гражданской местной власти, совершенно изменяется характер местного управления и суда на местах. Соответственно с этим совершенно иную постановку получают вопросы о несудимости служилых людей на местах, о сместном суде и о подсудности служилых людей в некоторых делах воеводам, а в других — приказам.

Исследование этих вопросов выходит за пределы моей темы. Я нахожу возможным ограничиться указанием на тот факт, что история вотчинного суда совершенно отделилась от истории других элементов удельного иммунитета. Право вотчинного суда осталось в стороне от сложного процесса развития новой администрации и суда в Московском государстве и даже позже — в Российской империи. Служилым землевладельцам было отведено, в пределах их владений, известное право суда и управления, и этот вопрос на несколько столетий был погребен в глубинах народной жизни. Как будто утвердился взгляд, что взаимные отношения землевладельца и его людей и крестьян есть исключительно личное дело самого землевладельца, а отношение людей и крестьян боярщины между собой (за исключением душегубных, разбойных и татебных дел) есть вопрос внутреннего, главным образом хозяйственного, распорядка боярщины. Насколько мало интересовалось этими вопросами законодательство XVII века, можно видеть

из того, что Уложение царя Алексея, отводя сотни статей и целые главы суду вообще, суду в поместных и вотчинных делах, в разбойных, душегубных и т. д., по вопросу о вотчинном суде не содержит ни одной статьи. Косвенное отношение к нему имеет только одна статья той главы, которая посвящена охране здравья и достоинства царя. Статья эта (13 ст. II главы) запрещает принимать какие бы то ни было жалобы крестьян на своих господ и доносы, за исключением великих государевых дел, то-есть по важным политическим делам.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Хронологический указатель напечатанных и ненапечатанных жалованных грамот служилым людям.

Сокращения: в. кн. = великий князь; вот. = вотчина; пом. = поместие; тарх. = тарханная; несуд. = несудимая; тарх.-несуд. = тарханно-несудимая грамота.

Относительно Актов, изданных А. Юшковым, следует заметить, что они напечатаны со списков большею частью конца XVII века, а частью и XVIII в. В текстах списков много ошибок, особенно в географических и личных именах и архаических юридических терминах; не мало и пропусков и намеренных изменений. Сверх того, как справедливо указал Н. П. Лихачев (по поводу сборника А. И. Юшкова. СПБ. 1898), редактор не принял всех возможных мер, чтобы восстановить испорченные тексты, и относился к актам некритически, поместив в своем Сборнике, без оговорок, несколько грамот, несомненно подложных, а также грамоты сомнительные и интерполированные. Вообще, пользоваться интересным и ценным Сборником А. Юшкова можно только с большой осмотрительностью.

1. 1424 г. 30 января, в. кн. Василия Дмитриевича Ив. Кафтыреву, по Костроме, несуд. и льготная. Дата сомнительна: 1394 или 1424 г. — Акты Юшкова, № 4.

2. Около 1427 — 1456 г.г. в. кн. рязанского Ивана Федоровича Афан. и Вас. Бузовлям, Рязань, вот., тарх.-несуд. и льготная.—Там же, № 8.

3. 6942 г. (1434 г.), в. кн. Василия Васильевича Гр. Свиньину, по Переяславлю, несуд. — Там же, № 9.

4. 1435 г., апрель, в. кн. Василия Михаилу Яковлевичу с детьми, по Переяславлю, вот., тарх.-несуд.—Павлов-Сильванский, Феодализм в удельной Руси, ПБ. 1910 г., 499 стр. Еще раз напечатана с подлинника, исправнее— Чт. Общ. Ист. и Др. 1913, III кн., смесь, 47 стр.

5. Между 1435 — 1463 г.г., ярославского кн. Александра Федоровича Брюхатого Ал. Рудину, по Ярославлю, тарх.-несуд.—Акты Юшкова, № 3.

6. 1441 г. 5 апреля, в. кн. Василия Семену Писарю, по Коломне, несуд. и льготная. Н. Иванчин-Писарев, Прогулка по Коломенск. уезду. М. 1844, стр. 125. Еще раз — Акты Юшкова, № 10.

7. 1446 г. 4 мая, кн. Василия Ярославича чернице Анне, вдове Федора Андреевича, по Дмитрову, вот., тарх.-несуд. — А. А .Э. I, № 371.

8. Первая половина XV в. пронского кн. Федора Ивановича своему дяде Григорию Ивановичу, по Рязани, тарх.-несуд. и, льготная.—Акты Юшкова, № 11.

9. 1449 г. 29 июня, в. кн. Василия М. Копниной с сыном, по Переяславлю, вот. (?), тарх.-несуд. и льготная. Около 1462 г. подтверждена в. кн. Иваном III ей же и ее внуку. — А. А. Э. I, № 44.

10. 1450 г. 25 мая, митрополита Ионы Ан. Афанасьеву, в Романовской волости, вот., тарх.-несуд. В 1463 г. подтверждена митрополитом Феодосием.— А. А. Э. I, № 45.

11. 1450 г. 27 сентября, в. кн. Василия Ив. Петелину, по Переяславлю, вотч., тарх.-несуд. — Сборник Муханова, 2 изд., № 120 и А. А. Э. I, № 46.

12. 1455 г. 12 марта, кн. Михаила Андреевича Аф. Внукову с детьми, по Белоозеру, вотч., тарх.-несуд. и льготная.—А. А. Э. I, № 374.

13. 1461 г., в. кн. Василия Ал. Краснослепу, по Суздалю, вотч., тарх.-несуд. Подтверждена в. кн. Иваном III. — Акты Юшкова, № 14.

14. 1461 г. 9 октября, в. кн. Василия кн. Ларе Хотетовскому, по Вязьме (?), несуд. и льготная.—Там же, № 15.

15. 1462 г. 17 июня, кн. Бориса Васильевича К. Ельчанинову с сыном, по Рузе, несуд. — Там же, № 25.

16. Между 1462 — 1492 г.г., кн. Андрея Васильевича Ив. Суседу, по Угличу, вотч., тарх.-несуд. — Там же, № 23.

17. 1463 г. февраль, кн. Юрия Васильевича Дм. Васильевичу Бобру, по Дмитрову, вотч. (?), тарх.-несуд. и льготная. Подтверждена около 1472 г. в. кн. Иваном III. — Шумаков. Обзор Грамот Коллегии Экономии, III вып., 91 стр.

18. Около 1463 г. того же князя, тому же Д. В. Бобру, на село в Вышгороде (в Дмитрове), вотч., (?), тарх.-несуд. Подтверждена около 1472 г. в. кн. Иваном III.—Акты от. до юрид. быта I, № 31, XX.

19. 1464 г. 10 марта, в. кн. Рязанского Аф. и Вас. Бузовлям, вотч., тарх.-несуд. и льготная.—Акты Юшкова, № 26.

20. 1464 г. 15 июня, в. кн. Ивана III Сем. Писарю, по Коломне, тарх.-несуд. и льготная.—Там же, № 27.

21. 1466 г. и 1476 г. 15 января, в. кн. Марьи вдове Василия Михайловича с сыном, по Вологде (?), тарх.-несуд. — Лихачев, Сборник актов, 138 стр.

22. 1469 г. 8 августа, в. кн. Ивана III боярину Як. Рюме-Бестужеву на г. Серпейск. — Ак. Юшкова, № 28. Подложность этой грамоты выяснена Д. Ф. Кобеко, См. Н. П. Лихачев, по поводу сборника Актов А. Юшкова.

23. 1472 г. 30 октября, в. кн. Ивана III М. Копниной, по Переяславлю, тарх. от постойной и подводной повинностей. — Сборник Муханова, 2 изд., № 328.

24. 1484 г. 17 марта, кн. Михаила Андреевича Г. Степанову, по Белоозеру, вотч., тарх.-несуд. и льготная. — А. А. Э. I, № 379.

25. 1484 г. сентябрь, в. кн. Ивана III Злобе Львову, по Вологде, вотч., тарх.-несуд. В 1509 г. подтверждена в. кн. Василием. — Там же, № 111, и Архив Строева, I № 51. Срав. Акты Юрид. № 9.

26. 1485 г. 4 января, в. кн. Ивана III, детям Семена Писарева, по Коломне, тарх.-несуд. В 1510 г. подтверждена в. кн. Василием. — Акты Юшкова, № 31.

27. 1486 г. 30 марта, в. кн. Ивана III Злобе и Ф. Ворыпаевым, по Коломне, тарх.-несуд. — Акты гражданск. расправы Федотова—Чеховского I, № 28.

28. 1486 г. май, в. кн. Ивана Ивановича (сына Ивана III) боярину Аф. Шетневу, по Твери, тарх.-несуд. — Рус. Историч. Сборник М. Погодина, V т., М. 1842, стр. 10. Срав. там же стр. 20.

29. 1481 г. 9 июля, в. кн. Ивана III В. Ознобише с сыном, по Мурому, пом. (?), несуд.—Древн. Рос. Вивлиофика, 2 изд., XV т., 10 стр.

30. 1487 г. 27 июля, в. кн. Ивана III, Ив. Глядящему, по Мурому, вотч., тарх-несуд. — А. А. Э. I, № 120.

31. 1487 г. 10 ноября, в. кн. Ивана III, сыновьям Ив. Кострова, по Мал. Ярославцу, пом. (?), несуд.—Сборник Муханова, 2 изд., № 326.

32. 1488 г. март, в. кн. Ивана III Шенуриным, по Галичу, обусловленное службой владение, несуд. — Рус. Историч. Сборник М. Погодина, V т. 15 — 18 стр.

33. 1491 г. 4 ноября, в. кн. Рязанской Анны конюшему Ф. Вердеревскому, по Рязани, тарх.-несуд.—Акты Юшкова, № 34.

34. Конец XV в., не ранее 1485 г., в. кн. Ивана сыновьям Ив. Племянникова, по Галичу, несуд. — Там же, № 20.

35. 1495 г. 14 сентября, кн. Ульяны, вдовы кн. Бориса Васильевича, И. Баламутовой с сыном, по Волоку Ламскому, тарх.-несуд. — А. А. Э. I № 132, и Архив Строева, I № 66.

36. 1496 г. (?) 6 марта, в. кн. Ивана III Вас. Ознобише, по Суздалю тарх.-несуд. и льготная.—Древн. Рос. Вивлиофика, 2 изд., XV т., 8 стр.

37. 1497 г. 3 января, в. кн. Ивана III сыновьям Ф. Пильемова, по Ростову, несуд.—Павлов-Сильванский, Феодализм в древн. Руси, 503 стр.

38. 1497 г. 15 августа, в. кн. Рязанского Ивана Васильевича Ф. Вердеревскому, по Рязани, тарх.-несуд. и льготная. — Акты Юшкова, № 40.

39. 1498 г. 14 апреля, митрополита Симона Некрасу и Дрозду Васильевым детям Юрьевича, по Костроме, жалован. на поместье с несудимостью.— Акты Юрид., № 8.

40. 1498 г. июнь, кн. Ивана Борисовича Аф. Ельчанинову, по Рузе, вотч., тарх.-несуд. — Акты Юшкова, № 42.

41. 1501 г. 1 апреля, в. кн. Рязанской Анны Ер. Стерлигову, по Рязани, тарх.-несуд. и льготная.—Там же, № 53.

42. 1502 г. 9 марта, в. кн. Рязанской Аграфены боярину Сунбулу, по Рязани, тарх.-несуд. и льготная. — Там же, № 54.

43. 1502 г. 19 декабря, кн. Ивана Борисовича Аф. Ельчанинову, по Рузе, вотч., тарх.-несуд. и оброчная. — Там же, № 55.

44. 1504 г. 10 июля, в. кн. Рязанской Аграфены боярину П. Вердеревскому, вотч., тарх.-несуд. и льготная. — Там же, № 57.

45. 1504 г. 17 августа, в. кн. Ивана окольничему Н. Сатину, по Вязьме, несуд. и льготная. В целом, очень сомнительна и, во всяком случае, интерполирована.—Н. П. Лихачев, Разрядные дьяки XVI в., 439 стр.

46. 1505 г. 17 июня, кн. Юрия Ивановича С. Бортеневу, по Рузе, вотч., несуд. — П. Иванов, Описание Государствен. архива старых дел, М. 1850, приложение № 11.

47. 1505 г. июль, кн. Федора Борисовича Игн. Кожухову, по Волоку Ламскому, вотч., тарх-несуд. — А. И. I, № 115.

48. 1505 г. 20 декабря, в. кн. Василия Б. Бороздину с сыном, по Торжку, пом. (?), несуд.—А. А. Э. I, № 141.

49. 1506 г. 2 января, кн. Юрия Ивановича А. Бедову с детьми, по Кашину, вотч., несуд. Грубая интерполяция и сильно испорченный переписчиками текст.—Акты Юшкова, № 66.

50. 1506 г. 29 марта, в. кн. Василия Ф. Киселеву, по Мурому, вотч., несуд. Не напечатана.—Грамоты Коллегии Экономии, по Мурому № 1.

51. 1506 г. 20 апреля, кн. Юрия Ивановича А. и Н. Трестиным с сыновьями, по Кашину, несуд. — Акты Юшкова, № 67.

52. 1507 г. февраль, в. кн. Василия сытнику Курбату Третьякову, по Твери, пом., несуд.—Чт. Общ. Ист. и Др. 1876 г. IV книга, смесь, 5 — 6 стр Акты гражд. расправы Федотова-Чеховского, I, № 49.

53. 1507 г. 20 октября, кн. Юрия Ивановича Аф. Ельчанинову с сыновьями, по Рузе, вотч., несуд. — Акты Юшкова, № 70.

54. 1507 г. 21 ноября, кн. Дмитрия Ивановича Волоху Суседову с племянниками, по Угличу, вотч., несуд. — Акты Юшкова, № 71.

55. 1509 г. 13 февраля, кн. Юрия Ивановича Гр. Нелидову с сыновьями, по Дмитрову, несуд. — А. А. Э. I, № 149.

56. 1509 г. 13 мая, в. кн. Василия кн. Юрью и С. Козловским, жалован. на вотчину в Романове и Муроме, с судом. — Акты Юшкова, № 80.

57. 1509 г. май, им же грамота несудимая на вотч., в Муроме,—Там же, № 79.

58. 1510 г. 26 июня, кн. Дмитрия Ивановича, Ф. Давыдову, по Угличу, несуд.—Шумаков, Углицкие акты, № 3.

59. 1511 г. 25 февраля, в. кн. Василия С. Чирикову, по Ярославлю, пом., несуд. — Акты Юшкова, № 82.

60. 1511 г. 25 февраля, в. кн. Василия К. Чирикову, по Ярославлю, пом., несуд. — Там же, № 81.

61. 1511 г. 15 марта, в. кн. Василия братьям Сушковым, по Ярославлю, пом., несуд. — Там же, № 83.

62. 1513 г. (7021 г. ?), в. кн. Василия Васильевича (sic) М. Осорьину по Мурому, вотч., несуд. и льготная.—Н. П. Лихачев, Грамоты рода Осорьиных, 13 стр. Лихачев считает эту грамоту „типичным образцом фальсифицированных грамот". Мне эта грамота не кажется типичной подделкой. Наоборот, по тексту она совершенно типична для подлинных грамот. Судя по всему, в подлинную грамоту, данную какому-то лицу, б. м. кому-нибудь из рода Осорьиных, были внесены изменения, вероятно с генеалогическими целями: подчищено и изменено имя князя (Василия В-ча вместо Василия Ивановича) и вписано имя М. Осорьина.

63. 1514 г. март., в. кн. Василия В. и М. Ельчаниновым, по Волоку Ламскому, пом., несуд. Подтверждена в. кн. Иваном в 1542 г. — Акты Юшкова, № 91.

64. 1514 г. май, в. кн. Василия Близнакову, по Ярославлю, пом несуд. — Там же, № 92.

65. 1515 г. 2 февраля, в. кн. Василия В. Демьянову, по Медыни несуд.—Н. П. Лихачев, Разрядные дьяки XVI в., стр. 155.

66. 1515 г. 15 марта, в. кн. Василия Ф. и Неклюду Черевиным, по Галичу, пом., несуд.—Акты Юшкова, № 97.

67. 1515 г. 7 марта, в. кн. Василия К. и Д. Репьевым по Суздалю пом., несуд. — Акты Юшкова, № 96.

68. 1515 г. 28 марта, в. кн. Василия слуге Дмитрию Мирославичу, жалован. на вотч., в. Медыни, с судом. В 1532 г. грамота подтверждена его вдове. — А. А. Э. I, № 160.

69. 1516 г. 15 апреля, в. кн. Василия В. Алексееву с сыном, жалован. на вотчину в Переяславле, с судом.—Акты отн. до юрид. быта, I, № 30, III.

70. 1519 г. 31 января, кн. Юрия Ивановича Неждану Фофанову, по Дмитрову, вотч., несуд. — Шумаков, Обзор Грамот Колл. Экономии, III вып., 85 стр.

71. 1519 г. 19 февраля, в. кн. Василия Истоме Сухотину, по Туле пом., несуд. — Акты Юшкова, № 109.

72. 1519 г. 8 марта, в. кн. Рязанского Ивана Ивановича Ив. и Гр. Ворыпаевым, по Рязани, пом. (?), тарх.-несуд. и льготная.—Там же, № 110.

73. 1519 г. 4 июня, в. кн. Рязанского Ивана Ивановича Гр. Кобякову, по Рязани, тарх.-несуд. и льготная.—Д. И. Иловайский, История Рязанского княжества, М. 1858, и Акты Юшкова, № 111.

74. 1523 г. апрель, в. кн. Василия Ив. и Юр. Тихменевым, по Костроме, тарх. от постойной и подводной повинностей. Середина грамоты вырвана. Не напечатана. — Грамоты Колл. Экономии, по Ярославлю № 7.

75. 1523 г. 23 июня, в. кн. Василия С. Коробьину, по Рязани, вотч. несуд.—Акты Юшкова, № 118.

76. 1524 г. 29 февраля, в. кн. Василия кн. К. Чегодаеву, по Мурому, несуд. — Там же, № 119.

77. 1524 г. июнь, кн. Андрея Ивановича В. Баранчееву, по Верее, пом., (?) несуд. — Там же, № 120.

78. 1524 г. 18 августа, в. кн. Василия сыновьям Б. Матвеева, по Мурому, вотч., несуд. В 1536 г. подтверждена в. кн. Иваном.—Там же. № 121.

79. 1530 г. 27 января, в. кн. Василия Болотниковым, по Вязьме, пом., несуд. Подтверждена в 1547 г. царем Иваном. — Там же, № 129.

80. 1533 г. август, в. кн. Василия М. Гиневлю, по Костроме, пом. несуд. — Там же, № 132.

81. 1538 г. 31 мая, кн. Федора Мих. Мстиславского сыну боярскому Ив. Толочанову, жалован. на поместие в Юхотской волости, с несудимостью. — Лихачев, Сборник актов, 208 стр.

Нижеследующие грамоты даны вел. князем и царем Иваном IV.

82. 1538 г. 13 августа, введенному дьяку Ив. Шамскому с сыновьями, по Переяславлю, вотч., несуд. — Описание собрания актов гр. Уварова, I, № 25.

83. 1539 г. 18 июля, Ив. Иевлеву с сыновьями, по Туле, пом. несуд. — Акты Юшкова, № 136.

84. 1544 г. 2 марта, им же на пом. там же, несуд. — Там же, № 143

85. 1544 г. 11 апреля, Истоме Сухотину с сыновьями, по Туле, пом., несуд. — Там же, № 144.

86. 1544 г. 5 сентября, Матюшкиным, по Ярославлю, пом., несуд. — Д. А. И. I, № 36.

87. 1545 г. 25 мая, Мих. Вердеревскому, по Рязани, пом., несуд. — Акты Юшкова, № 145.

88. 1545 г. 16 октября, Карандышевым, по Галичу, несуд. Дана вместо потерянной грамоты в. кн. Василия. — Там же, № 146.

89. 1546 г. 12 января, Гр. Жедринскому, по Нижнему Новгороду пом., несуд. — Акты от. до юр. б. I № 44, I.

90. 1546 г. 29 января, М. Гиневлеву, по Костроме, пом., несуд. Подтверждена его вдове с сыном в 1547 г. — Акты Юшкова, № 150

91. 1546 г. 27 февраля, Вл. и М. Слизневым несуд. на вотчину в Звенигороде. Дана вместо потерянной грамоты кн. Юрия Ивановича. — Архив Строева, I № 156.

92. 1546 г. 1 апреля, Вас. Фуникову — Курцову, несуд. на поместья в Московском, Коломенском и Тульском уездах. — Акты Юшкова, № 151.

93. 1546 г. 2 октября, Льву Поликарпову, несуд на пом. в Коломенском у. — Сборник бумаг П. Щукина, IV, 90 — 91 стр.

94. 1547 г. 17 января, Ив. Фомину, несуд. на пом. в Рязани. — Акты Юшкова, № 154.

95. 1547 г. 31 января, Бузовлевым, несуд. на вотч. в Рязани. — Там же, № 155.

96. 1547 г. 20 марта, П. Буковскому с племянниками, несуд. на пом. в Рязани.—Там же, № 156.

97. 1547 г. 20 марта, Г. Ворыпаеву, несуд. на пом. в Рязани.—Там же, № 157.

98. 1547 г. 7 июня, братьям Тимирязевым, несуд. на пом. в Кашире. — Там же, № 158.

99. 1547 г. 25 ноября, Ив. и Ан. Рахманиновым, несуд. на пом в Дмитрове. — Там же, № 159.

100. 1547 г. ноябрь, боярину кн. Мих. Ив. Кубенскому, тарх.-несуд. на вотч. в Дмитрове. — А. А. Э. I, № 215.

101. 1548 г. 2 февраля, Ст. Сунбулову, несуд. на вотч. в Рязани. — Акты Юшкова, № 160.

102. 1548 г. 20 июля, Арским князьям Нурсеитовым на поместье в Вятке, с судом — А. А. Э. I, № 120.

103. 1553 г. 8 октября, Садыковым, несуд. на пом. в Зубцове. — Акты Юшкова, № 168.

104. 1554 г. 29 июля, Аф. Сазонову, несуд. на пом. в Туле. — Там же № 173.

105. 1556 г. 20 января, вятским князькам М. Деветлиарову и Казыеву несуд. на пом. на Вятке.—А. А. Э. I, № 245.

106. 1562 г. 25 июня, кн. Анне Пенковой, вдове кн. Василия Даниловича, несуд. на вотч. в Переяславле. — Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, 1, № 27. М. 1896.

107. 1571 г. 15 марта, введенному дьяку Вас. Щелкалову, несуд. на вотч. в Переяславле. — А. И. I, № 180.

Грамоты царя Федора.

108. 1589 г. 25 марта, старице Александре, вдове царевича Ивана Ивановича, тарх.-несуд. на вотч. в Суздале. — А. И. I, № 226.

109. 1594 г. 18 февраля, остяцким князькам Игичею и его брату Онже, жалован. на 2 волости в Сибири, с судом и ясаком. — С. Г. и Д. II, № 63.

Поместные и несудимые грамоты митрополитов, патриархов и Новгородского архиепископа второй половины XVI века и первой четверти XVII века, указаны в тексте.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] Очерки по истории русской культуры. 4 изд. П. 1900, I, 178 стр.

[2] К. А. Неволин. Полное собрание сочиненей, IV т. П. 1857. История Российских гражданских законов, § 272. Относительно поместного землевладения — § 296.

[3] В. И. Сергеевич. Русские юридические древности. I т. 2 изд., 1902. 364 — 368 стр.

[4] Феодализм в удельной Руси. П. 1890. §§ 61 — 64. По поводу употребления Павловым-Сильванским так наз. сравнительного метода позволю себе привести слова Эшли: „Можно серьезно задаться вопросом: принес ли „сравнительный метод", которым так гордились наши отцы, как первые, применившие его к истории, больше пользы, чем вреда". Указавши плюсы и минусы, Эшли заключает: „ it has not been altogether a gain that has given us, in the place of the plodding and unspeculative scholar the brilliant and pseudoscientific essayist". Ashley, Surveys historic and economic. 1900, Longmans. 147 p.

[5] Указ. сочин., 298 и 293 стр.

[6] Там же, 287 стр. Насколько распространены были церковные иммунитеты, об этом Павлов-Сильванский не говорит.

[7] Новгородская судная грамота устраняет от послушества одернова-того холопа и послушество холопа допускает только не холопа же.

[8] С. Г. и Д. I, № № 6—8 и 10.

[9] Взгляд Сергеевича основывается на том, что в одной статье Русской Правды закуп назван должником, а ниже — наймитом. Но означало ли слово „наймит" в эпоху Рус. Правды то же, что позже, это — вопрос. А. Е. Пресняков указал, что в одном памятнике XII в. (Вопросы Кирика) „наимъ" означает ссуду. „Это отожествление наима с лихвой, говорит он, делает понятным наименование закупа наймитом и без признания его наемным рабочим". Княжее право в Древней Руси. П. 1909, 299 стр.

[10] Акты отн. до юрид. быта, I № 63, I.

[11] Там же, № 63, III.

[12] Р. И. Б. II, № 8. См. еще данную того же времени на с. Переборовское в Суздале „съ серебромъ и съ скотомъ и съ житомъ". Сборник Муханова, 2 изд. № 261. — Данная второй четверти XV века, Захария Ивановича на с. Нерехотское: „да и съ серебромъ и съ хлѣбомъ и съ животиною". Мейчик. Грамоты и другие акты, 124 стр. — Еще данная первой половины XV в. см. А. И. I, № 38.

[13] Летопись занятий Археограф. Ком. VII вып., 164 — 165 стр. Еще — там же 148 — 149 стр.

[14] С. Г. и Д. I, № 112.

[15] Там же, № 83.

[16] Там же, № 83.

[17] А. И. I, № 54.

[18] Духовная кн. Михаила Андреевича, не позже 1486 г. С. Г. и Д. I, № 122, II.

[19] Грамота на Белоозеро кн. Михаила Андреевича: „и вы бы такъ серебренниковъ и половниковъ и свободныхъ людей не отказывали". А. А. Э. I, № 48, II.

[20] Сборник кн. Хилкова, № 57. Холопы при освобождении получали отпускные, а должникам, при уплате ими долга или при прощении, выдавали кабалу или „драли" ее.

[21] Д. А. И. I, № 198.

[22] А. А. Э, I, № 73.

[23] Там же, № 48, II.

[24] Там же, № 48, I.

[25] Д. А. И. I № 26. Образцы подобных пожалований см., напр.: 1546 г.—Акты Юшкова, № 149; 1538 г. Амвросий, История Рос. иерархии, IV, 706 — 711; 1541 г. грамота Борисоглебскому монастырю — Грам. Кол. Экономии, по Мурому № 6. Иногда вновь образующаяся слобода получала полетную грамоту „на пусто", которая облегчала ей призыв и поселение новых тяглецов. См. грамоту 1546 г. на Вятку. Труды Вятской Архивн. Ком, 1905, III в., 87 — 89 стр.

[26] С. Г. и Д. I № 148. В привилее в. кн. Александра 1505 г. эта статья читается так: „А хто коли человека держить въ пенязехъ, тые бы сами тыхъ людей своихъ судили и рядили, а околничие бы и иншие врядники Смоленские въ тое ся не вступали". М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства, М. 1910, 349 стр.

[27] Амвросий. История Рос. иерархии, VI, 627 — 634.

[28] Образцы закладных по третьей форме: Акты от. до юр. быта, II № 126, III и IV, Акты Юридич. №№ 232, 233 и 236. Повидимому, выражение „дать вотчину в закуп", которое часто встречается в источниках, означает именно залог по третьей форме. Закуп вотчины, в источниках, отличается и от залога, и от продажи. Напр., в грамоте 1535 г. в Глушицкий монастырь сказано: „А впередъ бы есте безъ нашего вѣдома однолично вотчинъ не купили и въ закладъ и въ закупъ и по душѣ не имали. — Амвросий. История Рос. иерархии, III, 712 — 714. Выражение: „в закуп не заложити" см. в акте 1490 г. — Акты от. до юр. быта, I № 69, III.

[29] Посадники одни не имели права давать жалованных грамот от имени В. Новгорода; грамоты В. Новгорода давались вечем. Образцы их см., напр., Сборник Грамот Кол. Экон. Изд. Акад. Наук. I №№ 39 и 40, и А. А. Э. I №№ 42 и 62.

[30] Акты Юрид. № 110, VI. Такое же умолчание о праве суда и о несудимости встречается и в княжеских древнейших грамотах. См., напр., грамоту 1441 г. киевского кн. Александра митрополиту Исидору. А. И. I № 259. То же мы видим в формулах грамот Рязанских князей, о чем подробно говорится ниже, в VIII главе.

[31] Акты Юрид. № 110, VII.

[32] Правая грамота напечатана трижды. Федотов-Чеховский. Акты гражданской расправы, I № 4 (весьма неисправно). И. Д. Беляев. Архив историко-юридических сведений, I кн., 2 пол. Судные списки, № 2. Перепечатана Павловым-Сильванским в приложениях к сочинению: Феодализм в удельной Руси. стр. 500—501. Подлинник находится в Грамотах Кол. Экономии, по Белоозеру № 20.

[33] Феодализм в удельной Руси, 296 стр.

[34] Мейчик. Грамоты и другие акты, 18 стр.

[35] А. А. Э. I, № 374.

[36] Федотов-Чеховский. Акты гражданской расправы I, № 57. В двух грамотах Тр.-Сергиеву монастырю читаем: „А у кого будут у наших наместников и у волостелей на грамотники грамоты, а на сю мою грамоту грамоты нет". Грамоты Кол. Экон., по Костроме, № 32, и по Переяславлю № 646. Что такие пожалования кормленщикам были частыми, свидетельствуют наместничьи уставные грамоты и доходные списки. См., напр., А. А. Э. I, №№ 123 и 181, и Акты Юшкова, №№ 69 и 75.

[37] С. А. Шумаков. Тверские акты. I вып., 18 стр. Тверь, 1896.

[38] В жалованной грамоте 1435—1446 гг. Шехонских князей Троицы-Сергиеву монастырю на земли и рыбные ловли по Шексне сказано: „а намъ съ нихъ пошлина ненадобѣ никоторая, ни судъ". Ниже: „ино тѣмъ людемъ ненадобѣ никоторая наша пошлина, ни нашихъ пошлинниковъ; ни судити намъ ихъ людей монастырскихъ, ни ихъ довцовъ". Акты от. до юрид. быта, I № 63, VII. В грамотах третьей четверти XV в. мелких ярославских князей читаем такую формулировку пожалований: „и мнѣ, князю Юрію, тѣхъ людей не судити, ни пристава на нихъ не дати, ни моему волостелю и довотчику не въѣждати, ни пристава не дати" . . . „и дани ми своихъ на нихъ не имати, ни даньскые пошлины". Сборник Муханова, 2 изд., № 256. См. там же еще №№ 339, 257 и 253.

[39] Грамота 1479 г. — Д. А. И. I, № 17. Грамота 1466 г. — Грамоты, Кол. Экономии, по Романову № 1.

[40] Там же, по Волоколамску № 5. А. А. Э. I, № 158.

[41] Я не делаю ссылок на источники и не привожу цитат, а ограничиваюсь этими общими замечаниямм, так как по истории тягла подготовляю к печати особое исследование.

[42] Акты Юшкова, № 3. Текст сильно испорчен переписчиками, но смысл его ясен.

[43] Сборник Муханова, 2 изд., № 339. Время грамоты определяется по игуменству Христофора (1463—1478 гг.), на имя которого она дана, и по году смерти кн. Данилы, убитого летом 1469 г. под Казанью. Полн. Собр. Рус. лет., XXIII, 159.

[44] Сборник Муханова, 2 изд., № 257. Время грамоты определяется по игуменству Христофора. См. еще грамоту того же князя — там же, № 253, и грамоту кн. Юрия Константиновича, второй половины XV века там же, № 256.

[45] П. Иванов. Описание Государственного архива старых дел, 212—214 стр. Это было подтверждением того, что в общей форме было установлено для всех митрополичьих владений еще во второй половине XIV века. В Уставе (жалованной грамоте) в. кн. Василия Димитриевича митрополиту Киприану сказано: „А митрополичьимъ людемъ церковнымъ тамги не давати, какъ было при Алексѣи митрополитѣ (1353—1377 гг.): кто продастъ свое домашнее, тотъ тамги не даетъ, а который иметъ прикупомъ которымъ торговати, а тотъ тамгу дастъ". А. А. Э. I № 9. Ср. А. И. I № 215, и Архив Строева, I № 88, или А. А. Э. I № 97.

[46] Грамоты Кол. Экономии, по Дмитрову № 2. Почти дословно то же — в грамоте 6981 г. (1473 г.) в. кн. Ивана тому же монастырю на деревни в Юрьевском уезде. — Там же, по Юрьеву Польскому № 3, лл. 10—12. То же в грамоте 1532 г. кн. Юрия Ивановича тому же монастырю на с. Дмитриевское в Звенигороде. — Там же, по Звенигороду, кн. № 9.

[47] В грамоте 1511 г. Сушковым — наместники „кормовъ своихъ черныхъ на нихъ не емлютъ, а емлютъ на них кормъ посошной". — Акты Юшкова, № 83. Это, так называемый, белый корм, который позже (в середине XVII в.) был заменен деньгами, в одинаковом окладе — 42 алт. 4 д. с сохи.

[48] См., напр., Р. И. Б. II, № 6 (1397 — 1428 гг.); А. И. I, № 15 (1404 г.); А. А. Э. I, № 19 (1414 г.); там же, № 21 (1423 г., душегубство и разбой с поличным).

[49] См., напр., две грамоты кн. Михаила Андреевича Кириллову монастырю — Д. А. И. I, №№ 189 и 190. По игуменству Касьяна они относятся к 1448—1468 гг.

[50] А. И. I, № 125.

[51] Акты Юшкова, № 3.

[52] М. Горчаков. О земельных владениях митрополитов. Приложение, 17—18 стр.

[53] В грамоте первой четверти XV века кн. Андрея Дмитриевича сказано: „А которого суда игуменъ не всхочетъ судить, и игуменъ тѣхъ

людей пошлетъ ко мнѣ, ино язъ сужу". — Р. И. Б. II № 8. Грамоту второй четверти XV в. кн. Михаила — см. там же, № 24. В сводной грамоте того же князя тому же монастырю: „А которого суда обчего не всхочетъ игуменъ судити, и они дадутъ обоихъ исцевъ на поруцѣ да учинятъ имъ срокъ стати передо мною, княземъ Михаиломъ Андреевичемъ, и азъ тому дѣлу исправу учиню самъ, князь Михаилъ Андреевичъ". — А. А. Э. I, № 377. См. еще его же грамоту — Д. А. И. I, № 207. Грамоты кн. Андрея Васильевича—1471 г., там же № 205, и 1479 г., там же № 17.

[54] Данными судьями назывались такие, которых князь, в известных случаях, „давал", т.-е. назначал по челобитью сторон для суждения какого-либо отдельного дела, напр., спора о земле. Иногда стороны сами указывали, кого они хотят иметь своими судьями (каждая сторона — своего судью), иногда же князь выбирал и назначал сам. Данные судьи судили сместно, как и прочие сместные судьи.

[55] А. А. Э. I, № 387. То же в грамоте 1479 г. Спасо-Каменному монастырю. –Д. А. И. I, № 17.

[56] П. Иванов. Описание Государственного архива старых дел, 212—214 стр. В грамоте 1499 г. Симонову монастырю: „А смѣшается судъ смесной съ моими людьми архимандричимъ людемъ".—А. И. I № 108. В грамоте 1397—1428 гг. (по Белоозеру, Кириллову монастырю): „А смѣшается тѣмъ людямъ судъ съ намѣстничимъ съ волостнымъ".—Р. И. Б. II № 6.

[57] Известия англичан о России XVI в. Перевод Середонина, 8 стр. (Чт. Общ. Ист. и Др. 1884 г.). Ченслер был в России два раза — в 1553 и в 1555 годах.

[58] См., напр., 4, 5 и 38 и особенно 53-ю статьи первого Судебника и статьи 9, 10, 63 и 31 второго Судебника.

[59] Акты Юшкова, № 91. То же — во множестве грамот частным лицам и монастырям.

[60] Там же, № 15. То же в грамоте 1455 г. Аф. Внукову. — А. А. Э. I, № 374. Архив Строева, I, № 41.

[61] Чт. Общ. Ист. и Др. 1913 г. III кн. смесь, 47 стр.

[62] Исключения редки. См., напр., грамоту 1524 г. Чегодаеву (текст сильно испорчен).—Акты Юшкова, № 119. То же в грамоте 1545 г. Карандышевым, которая сама по себе имеет некоторые особенности — она дана после разоренья Галицкого уезда казанскими татарами, взамен утерянной во время разоренья, по жалобе Карандышевых, что от них бегут розно и достальные крестьяне от продажи наместников. Быть может поэтому в четвертой статье дана необычная подсудность князю не только самих Карандышевых, но и их крестьян. — Там же, № 146. Особенности представляет и грамота Слизневым 1546 г.—Архив Строева, I № 156.

[63] Акты Юшкова, №№ 8, 11, 26, 40, 110 и другие. А. И. I, № 36.

[64] Грамоты — 1502 г. боярину Сунбулу и 1504 г. боярину Вердеревскому.—Акты Юшкова, №№ 54 и 57.

[65] Грамота второй четверти XV в, — Там же № 8.

[66] Грамоты, указанные в 64 примечании.

[67] Грамота Кобякову. — Д. И. Иловайский, История Рязанского княжества. М. 1864 г. 216 стр. То же у Юшкова, № 111. Грамота Ворыпаевым—Акты Юшкова, № 110.

[68] См., напр., грамоту Бузовлям. — Там же, № 8. Грамота вел. кн Ивана Солотчинскому монастырю, второй половины XV века. — А. И I, № 36.

[69] Первая — Акты Юрид. № 24. Вторая—Акты Юшкова, № 118.

[70] С. Г. и Д I, № 127.

[71] История Рязанского княжества, 191 стр. Заимствовано из редкого издания: Т. Воздвиженский. Историческое обозрение Рязанскэй иерархии. 1820.

[72] А. И. I, №№ 2 и 14. См. еще сборник Муханова, 2 изд., № 324. Текст сильно испорчен переписчиками. Лучше напечатано по другому списку, Пискаревым: Грамоты Рязанского края, № 2. Правильное чтение можно восстановить только путем сопоставления обоих изданий.

[73] Д. А. И. I, № 2.

[74] А. И. I, № 2.

[75] Акты Юшкова, №№ 40 и 110.

[76] Там же, № 57.

[77] А. И. I, № 14.

[78] Слово „беззадчина“ употреблено в ином смысле в грамоте 1338 — 1340 г.г. в. кн. Ивана Калиты Новгородскому Юрьеву монастырю: „А по великого князя слову волостелемъ ихъ Волоцкимъ блюсти, а не обидѣти, Бога дѣля и святого дѣля Юрья. А коли розмирье князю великому съ Новымгородомъ, а тогды ихъ въ безадщину не ставити, ни обидѣти ихъ въ то время, но живутъ опричь въ брезѣ князя великого“.—А. А. Э. I, № 4. Смысл тот, что никто не должен, во время распрей В. Новгорода с великим князем, пользоваться временной беззащитностью монастыря и его владений. „Ставить в беззадчину“ значит обращаться как с беззащитным, не имеющим наследников имуществом.

[79] Сравн. А. И. I, №№ 36 и 81, Акты Юшкова, №№ 8, 26 и другие.

[80] Акты Юшкова, №№ 34, 40, 110 и 111.

[81] Трутовский. Ногата, ее происхожденне и ее место среди ценностей древней Руси, стр. 25. Древности Восточные, IV. М, 1913.

[82] С. Г. и Д. I, № 28.

[83] Р. И. Б. II, №№ 23 и 21.

[84] Договор 1398 г. — А. А. Э. I, № 14. Договор около 1451 г. — С. Г. и Д. I, № 76. В договорах 1462 и 1484 гг. повторяется то же, что в договоре 1451 г.—Там же, №№ 88 и 119.

[85] Амвросий. История Росс. иерархии, VI, 413—418.

[86] Мейчик. Грамоты и другие акты XIV — XV вв., 100--101 стр В IV т. описания документов и бумаг Архива Мин. Юстиции.

[87] А. А. Э. I, № 159. Грамота подтверждена в 1534, 1551 и 1614 годах.

[88] Там же, II № 62. Подтверждена в 1532, 1606 и 1617 годах.

[89] Бывш. Московск. Глав. Архив Мин. ин. дел. Приказные дела старых лет, 1645 г. № 77. Подтверждена в 1551, 1584 и 1619 годах.

[90] А. А. Э. II, № 16. В 1614 г. подписана на имя царя Михаила. Грамота 1615 г. — там же, III № 67. Ненапечатанная грамота Муромскому собору. — Бывш. Москов. отд. Архива Мин. Двора, по 25 описи, 140 г. № 5. Там же находится новая грамота, данная Муромскому собору в 1623 г. из Сыскного приказа, в которой судебные привилегии переписаны почти дословно из старых грамот.

[91] Акты гражд. расправы Федотова-Чеховского, I № 57.

[92] Грамоты Кол. Экономии, по Нижнему № 75. Грамота подтверждена в 1614 г., а в 1624 г. дана новая. Напечатана— А. И. I, № 69. Грамота Успенскому собору подтверждена в 1606 и 1613 гг., а в 1622 г. дана новая. — Чт. Общ. Ист. и Др. 1908 г. II кн. Из истории Моск. Успенского собора, 158—160 стр.

[93] Позднее, но тем не менее очень интересное свидетельство мы имеем в отписке Романовского воеводы в Посольский приказ, 1617 года. Романов с уездом был в это время за татарскими мурзами, и воеводе было наказано оберегать православную веру, храмы и духовенство „отъ бесчестья и насильства“ татар. По этому поводу воевода писал: „а которые попы въ мурзиныхъ помѣстьяхъ, и тѣми мурзы и татаровя владѣютъ какъ прочими своими людми“, судят и расправу чинят сами, „а у государевыхъ приказныхъ людей никакого суда и управы не просятъ“. — Приказные дела старых лет, 1616 г., № 10. Если бы помещиками были не иноверцы и воеводе не было бы

приказано оберегать от них православную веру, то, конечно, он не обратил бы внимания на этот вопрос.

[94] Грамоты Кол. Экономии, по Ярославлю, № 8.

[95] Сборник Муханова, 2 изд., № 280.

[96] А. А. Э. III, № 95. В 1618 г. дана новая грамота.

[97] А. И. I, № 149.

[98] Грамоты 1528, 1548 и 1551 гг. напечатаны мною в приложении к заметке о Пересмотре жалованных грамот в Сыскных приказах.— Чт. Общ. Ист. и Др., 1907. Ненапечатанная грамота 1547 г. находится в Приказных делах старых лет, 1669 г., № 342.

[99] Интересные сведения о судьбе этих грамот находятся в предисловии к I тому Грамот Коллегии Экономии, изд. Академией Наук, II, 1922.

[100] Ланге. Древние русские сместные или вобчие суды. М., 1882. В. И. Сергеевич. Русские юридические древности. I, 2 изд., 1902, 365—366 стр. Сергеевич упустил из вида некоторые грамоты, напечатанные в редких изданиях, и напрасно поместил в список 2 грамоты Строгановым и грамоту слободчику К. Головину.

[101] Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Собрал и издал А. Юшков. I часть, 1257—1613 гг. М., 1898. (Напечатано в Чт. Общ. Ист. и Др.). Второй части не напечатано. Несколько замечаний по поводу этого сборника см. в приложенном ниже хронологическом списке грамот.

[102] Речь идет, конечно, не о большой сохе в 800 четвертей доброй земли, введенной только в середине XVI в., а о сохе много меньших размеров.

[103] Так, напр., в. кн. Марья дала Кириллову монастырю несудимую грамоту на Сиземские пустоши (в Вологодском уезде) „по грамотѣ“ своей матери, в. кн. Софьи. Сличение обеих грамот показывает, что вторая списана с первой дословно. Обе грамоты — середины XV века. С. Шумаков. Обзор Грамот Кол. Экономии, II вып., 43—44 стр. То же — Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 501-502. Почти дословное сходство можно видеть в грамотах в. кн. Ивана III и его отца Василия Старорусским топникам, данных „по грамотѣ“ в. кн. Дмитрия.—С. Г. и Д. I, №№ 142 и 143. Иногда позднейшее подтверждение ближе воспроизводит первоначальное пожалование, чем предшествующее подтверждение. Ср., напр., грамоту 1584 г. царя Федора, митрополиту на слободку Святославлю, данную по грамоте в. кн. Василия Дмитриевича (А. И. I № 215), с грамотой в. кн. Ивана 1483 г., на ту же слободку. (П. Иванов. Описание Государственного архива старых дел при Сенате, 212—214 стр.). В подтвердительной грамоте 1483 г. сделаны пропуски, которые восстановлены, очевидно по первоначальной грамоте, в грамоте 1584 г. Впрочем, и в последней грамоте опущено кое-что, что вошло в грамоту 1483 г. В существенном, однако, обе грамоты воспроизводят первое пожалование, начала XV века.

[104] В том же 1462 году Спаса-Каменный монастырь получил вотчинную и несудимую грамоту на вклад по душе кн. Ив. Пенкова, в Вологодском уезде — Д. А. И. I, №. 115. Из этой грамоты видно, что до этого Пенковы имели права удельных князей.

[105] А. И. I, № 180, II.

[106] См., напр., в приложенном списке грамоты: 1424 г. 30 января, 1435 г. апрель, 1449 г. 29 июня, 1450 г. 25 мая и многие другие. В грамоте 1441 г. 5 апреля сверх обычных льгот дается амнистия людям, которые будут призваны из иных княжений: „а пенямъ и дѣломъ старымъ и разбою и грабежу по приходъ дерть, и татьбѣ“,

[107] С. Г. и Д. I, №№ 2 и 3.

[108] Там же, № 79.

[109] Там же, № 49.

[110] Напр., в Дмитрове Берендеева слобода XIV в. стала позже Берендеевым станом. Маринина слобода XV в., в Переяславле, становится позже

Марининской волостью. Глотова слободка Вымского уезда образовала особую административно-тяглую единицу и в XVII в. называлась то слободкой (по старой памяти), то волостью.

111 Список с грамоты, в сокращенном виде и с очень испорченным текстом, входит в состав правой грамоты 1541 г.—Акты Федотова.—Чеховского, I № 55, стр. 77. Напечатано: „билъ ми челомъ Костя Микулинъ сынъ Головинъ... на лѣсъ; а косити ему на государя на великого князя; а кого к себѣ призовет безвытных людей“... и т. д. Несомненно, следует: „на лѣсъ, а копити ему на государя“... слободу. Ниже: „опричь прошего пристава“. Следует: опричь прошенного, т. е. данного, пристава.

112 А. А. Э. I, 163.

113 Там же, № 385. Еще напечатана, с плохого списка, в Чт. Общ. Ист. и Др. 1878 г. III кн., 27 стр. Лучший текст — Р. И. Б. XIV, 10—13 стр.

114 Грамота не напечатана. В списке — Приказн. дела старых лет 1628 г. № 63.

115 А. И. I, №№ 295 и 301. Последняя грамота была неоднократно подтверждаема в XVI и XVII вв. — в последний раз в 1685 г.

116 А. А. Э. I, № 3.

117 С. Г. и Д. I, № 143.

118 А. А. Э. I, № 147.

119 Там же, № 143.

120 Д. А. И. I, № 26.

121 Д. А. И. II, № 78.

122 Бывш. Московск. Отделения Архива Мин. двора, по 25 описи 135 г. № 8.

123 Образец судебной „чересполосицы XVI века можно видеть в одной правой грамоте 1542 г. Каширский Белопесоцкий монастырь предъявил иск ко всем каширянам в разрушении и разграблении его подгородной мельницы. Когда тиун Каширского наместника стал вызывать к суду ответчиков, то среди них оказалось 4 группы лиц, неподсудных наместнику: 1) соборные попы, 2) попы ружных церквей, 3) „шацкие слуги“, какой то разряд служилых людей, набранных, вероятно, в Шацке, и 4) пищальники и воротники, которые на месте были подсудны городовым приказчикам, а в Москве — казначею. Акты гражданской расправы Федотова-Чеховского, I № 57.

124 Грамота найдена В. В. Вельяминовым-Зерновым в бумагах И. С Гагина в 1863 г., в списке. Позже Н. Шишкин нашел у старосты ямской слободы в Касимове подлинник, сверил его со списком Гагина и напечатал в своей книге: История г. Касимова, 2 изд., Рязань, 1891, 182—188 стр. Шишкин плохо справился с своей задачей и напечатал эту ценную грамоту со многими грубыми ошибками и с пропусками. Большинство ошибок, впрочем, можно исправить по другим современным грамотам этого рода. Грамота была 7 раз подтверждаема: в 1594, 1599, 1608, 1616, 1646, 1678 и 1685 годах.

125 Н. П. Лихачев. Сборник актов, I, 206 стр.

126 А. А. Э. I, № 45.

127 Там же, № 74, IV.

128 Акты, отн. до юрид. быта, II, № 173, I.

129 Все три грамоты — там же, № 173, II—IV. Четвертая грамота не напечатана и находится вместе с тремя первыми в Сборнике № 276 (лл. 256 и об.) рукописей Синодальной библиотеки, ныне в Историческом музее в Москве.

130 Грамота изложена в судном деле костромских писцов, которым Васильевы представили ее по поводу их тяжбы с соседями. — Акты Юрид. № 8. В таких случаях в судное дело часто выписывали акты, представляемые сторонами, не целиком, а сокращенно или в пересказе. Ср., напр., несудимую грамоту 1484 г. Львову, напечатанную с подлинника в Актах Арх. Экс (I. № 111), со списком ее в правой грамоте. — Акты Юрид. № 9.

131 Б. Д. Греков. Новгородский дом св. Софии. I ч. П. 1914. IX глава.

132 А. И. I № 185. См. там же еще грамоты 1572—1578 гг.—№№ 183. 186, 190 и 201. В последней грамоте несколько иначе: „а онъ васъ вѣдаетъ и судитъ во всемъ и росправу межъ вами чинитъ".

133 А. И. II, №№ 83, 191, 281, 330 и 32.

134 Грамоты Кол. Экономии, по Костроме—№ 162

135 Там же, л. 8. Еще подобная грамота, л. 8 об.—9.

136 Там же, л. 120 об.—121.

137 Там же, грамота 24 мая 124 г. Еще грамоты со статьей о сместном суде, там же, лл. 220, 221, 222 об., 224, 227, 229, 233, 237, 239 и другие. В 1616 г. в двух случаях даны не несудимые грамоты, а ввозные, без упоминания о суде. Это объясняется, повидимому тем, что они даны вдовам на прожиточные поместья, у которых были уже на руках несудимые грамоты их мужей на те же владения.—Там же, лл. 160 и 163.

138 Там же, л. 220 об.

139 Д. А. И. I, №№ 8 и 9.

140 Грамоты Кол. Экономии, по Костроме № 2. После смерти в. кн. Софьи Нерехта перешла к в. кн. Марье, которая подтвердила эту грамоту.

141 А. И. I, № 49.

142 Грамоты Кол. Экономии, по дополнительной описи Гоздавы-Голомбиевского № 3.

143 А. А. Э. I, № 99.

144 Сборник Муханова, 2 изд., № 268.

145 Обе грамоты — Грамоты Кол. Экономии, по Соли Вычегодской, №№ 1 и 2. Грамота кн. Ивана Константиновича—1478 г. 2 января. В родословных Ярославских князей такого князя не показано. Возможно, что он был братом Юрия Константиновича Шаховского, сына Константина Глебовича.

146 Акты отн. до юрид. быта, I № 31, XVI. Вторично напечатана в Описании собрания актов гр. Уварова, I, 11 стр.

147 Обе грамоты —Федотов - Чеховский. Акты гражданской расправы, I, стр. 299—301. Грамота 1538 г. была подтверждена в 1551. 1585 и 1601 гг. Интересный случай несудимости бортников мы находим в жалованной грамоте 1520 г. Терехову монастырю. На свои земли монастырь получил несудимость, в обычном для таких пожалований размере, а так как монастырские бортники, сверх того, ходили борти на княжеской земле, на которую иммунитет монастыря не распространялся, то в грамоте было сделано добавление относительно бортников: „А будетъ тѣмъ бортникомъ межъ себя каково дѣло въ бортномъ дѣлѣ, и игуменъ съ братьею тѣхъ бортниковъ въ бортномъ дѣлѣ судитъ самъ, и ихъ прикащикъ".— Акты Юридич. 60 стр. Интересный случай, в котором ярко выступает хозяйственное значение вотчинного суда.

148 А. А. Э. I, № 13.

149 Со списка — А. А. Э. 1, № 42, с подлинника напечатано в Сборнике Грамот Кол. Экономии, изд. Академией Наук, I № 39.

150 Там же, № 40. Со списка — А. А. Э. I, № 104. Ватаман — начальник судовой команды. Осн—шест с железным наконечником. Осначей — рабочий, вооруженный осном для промера глубины реки и продвигания судна на мелких местах.

151 А. А. Э. I, № 148.

152 Сборник Грамот Кол. Эк., I, стр. 857—863.

153 Там же, №№ 254, 316 и 440.

154 Там же, № 530.

155 Р. И. Б. II, № 24.

156 В 1487 г. 25 мая в. кн. Иван послал на Белоозеро грамоту к наместникам и волостелям с приказанием не рудить грамот кн. Михаила,

„до описи, доколѣ писцы наши опишутъ нашу отчину Бѣлоозеро“—Н. Никольский. Кириллов монастырь, I т. II вып., примеч. на XX стр.

157 А. А. Э. I, 167.

158 Опричная грамота (9 марта) скреплена дьяком Степаном Лихачевым. Земская грамота (марта месяца, без числа) скреплена дьяком Андр. Шерефединовым. Обе не напечатаны. — Грамоты Кол. Экон., по Вологде № 39 и по Белоозеру № 148.

159 Сборник Грамот Кол. Экономии, изд. Ак. Наук, I, 864 и 895 стр.

160 О несудимости в пути нет ни слова ни в грамоте 1556 г. на беспошлинную покупку запасов на монастырский обиход, ни в общих грамотах 1606 и 1613 гг. — Исторические акты Ярославского Спасского монастыря изд. Вахрамеевым, I, №№ 7, 68 и 71.

161 Амвросий. История Росс. Гос. иерархии, III, 702.

162 Летопись занятий Археогр. Ком. за 4 года. П. 1871. II отд., 5—6 стр. Грамоту 3 марта 1599 г. см. — Я. Горицкий. Угреша. Воспоминания об Угрешской Николаевской пустыни. М. 1862 г. 52—53 стр.

163 Д. А. И., I, № 147.

164 С. Г. и Д. II, № 71. Такую же грамоту получил тогда же немчин Андрей Витт. — Там же, № 72.

165 А. А. Э. I, № 49. Грамоты 1666 и 1675 гг. см. Сборник кн. Хилкова, №№ 53 и 92.

166 С. Г. и Д. II, № 196.

167 А. А. Э. I, № 314.

168 См. замечания по этому вопросу в моей статье об источниках XVIII главы Уложенья. В III т. Древностей, Трудов Арх. Ком. Московского Археол. Общ.

169 А. А. Э. I, № 277.

170 С. Г. и Д. I, №№ 40 и 86. В духовной в. кн. Василия сказано: „А гдѣ есмь ни подавал, своей княгинѣ волости и села въ удѣлѣхъ дѣтей своихъ, во чьемъ ни буди, и тѣ волости и села данью и судомъ потянуть къ моей княгинѣ, а дѣти мои въ то не въступаются. А волостелей своихъ и посельскихъ, и тіуновъ, и ключниковъ, и доводшиковъ судитъ моя княгини“. В этих распоряженіях ясно сказывается тесная связь между судом и управлением, которую я отметил выше как характерную черту удельного времени.

171 Очерки общественного и государственного строя древней Руси. 2 изд., 210 стр.

172 Акты Юридич., № 9.

173 См., напр., Акты Юшкова, №№ 81—83, 96, 109 и другие. А. А. Э. I, № 141. Д. А. И. I, № 36. Акты от. до юр. быта, I, № 44, I.

174 В некоторых списках Судебника и в печатных изданиях ошибочно: „по нынѣшнимъ грамотамъ“. В проекте Судебника царя Федора соответственная статья редактирована еще менее вразумительно: „А дѣтей боярскихъ судити намѣстникомъ по всѣмъ градомъ по царевымъ грамотамъ по жаловальнымъ“ (188 статья).

175 Рус. Юридич. Древности, 2 изд. I, 366—367 стр.

176 Пол. Собр. Рус. Летописей, XIII, 1, 267.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		Стр.
I.	Литература вопроса. К. А. Неволин, В. И. Сергеевич, П. Н. Милюков и Павлов-Сильванский	3
II.	Предпосылки судебного иммунитета в общем праве. Положение рабов. Закупы Русской Правды	8
III.	Зависимые люди в эпоху после Русской Правды. Серебреники XIV и XV веков. Закладники удельного времени	14
IV.	Четыре элемента судебного иммунитета. Исключительная подсудность князю его дружинников и слуг	22
V.	Происхождение иммунитета и частной собственности на землю. Особенности этого процесса в Вел. Новгороде, с одной стороны, и в удельной Руси, с другой	26
VI.	Основные черты податного иммунитета. Обособление иммунитетного владения от черных людей. Изменение состава и порядка отбывания тягла. Переход некоторых княжеских доходов в пользу землевладельцев	31
VII.	Основные элементы судебного иммунитета. 1) Несудимость. Ответственность за душегубство, разбой и татьбу с поличным. 2) Право вотчинного суда. 3) Сместный суд. 4) Исключительная подсудность князю	43
VIII.	Особенности формул и терминологии иммунитетных грамот Рязанского княжества	52
IX.	Иммунитет соборных, ружных и приходских церквей	59
X.	Иммунитет служилых землевладельцев. Прекращение выдачи им тарханных грамот около 1506 г. и несудимых грамот — около 1554 г.	66
XI.	Иммунитетные пожалования тяглым людям. Слободы в В. Новгороде, в эпоху его независимости, в удельной Руси и в Московском государстве	73
XII.	Иммунитетные пожалования частных землевладельцев, князей, владык, митрополитов и патриархов своим ослужилым и тяглым людям	84
XIII.	Судебный иммунитет в применении к промыслам и торговле, независимо от землевладения. Несудимые монастырские соляные варницы и рыбные ловли. Несудимость в пути торговых людей и монастырских приказчиков. Несудимость откупщиков	89
XIV.	Что означает прекращение выдачи служилым людям тарханных грамот в начале XVI века и несудимых грамот около 1554 года? Право вотчинного суда становится в середине XVI века общим правом служилого землевладения	98
	Приложение	113
	Примечания	119

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Цена 90 коп.